

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 4

2023

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2023, № 4

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2023, № 4

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный работник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library (Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Байгазанова Р.Т.</i> Особенности вербальной коммуникации внешнего коммуниканта в условиях бизнес-буллинга	19
<i>Машкович О.А.</i> Ценностно-речевые ориентиры современного студенчества в условиях турбулентности и цифровизации общества	27
<i>Немыка А.А., Легина Е.И., Рыбальченко О.В., Сапожников П.В.</i> Речевая характеристика героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: аксиологические параметры	32
<i>Павловская О.Е., Бажан А.А., Тасаковская Д.С.</i> Лингвокультурологический и лингводидактический потенциал современных художественных текстов в процессе обучения РКИ (на материале прозы Л. Петрушевской)	39
<i>Ткаченко М.С.</i> Семантико-словообразовательные связи лексем истый и истинный в древнерусском языке	46
<i>Хусаинова М.А., Стройков С.А.</i> Малоформатные тексты в образовательном дискурсе	52
<i>Цао Иньфэй, Лю Яньдун</i> Коммуникационная стратегия правительства Китая по отношению к массовой аудитории в официальных аккаунтах местных социальных сетей Douyin и WeChat по сравнению с традиционными СМИ	60

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Дуань Жоу</i> Веб-трансляция в Китае: история развития и проблемы регулирования	66
<i>Ли Сяовэй</i> Исследования скачкообразной конвергенции СМИ в контексте стратегического партнёрства России и Китая	70
<i>Чжан Сяожань</i> Языковые процессы российских «новых медиа» в социально-политическом контексте	74
<i>Чэнь Фэй</i> Традиции и инновации в осмыслении медиа и журналистики	78

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Афанасова М.С.</i> Систематизация и типологизация оснований возмещения вреда от преступления в уголовном праве	85
---	----

<i>Закусило А.М.</i> Особенности механизма легализации преступных доходов с использованием криптовалюты и ее слеодообразование	90
<i>Кругляков С.В.</i> О некоторых вопросах реализации адвокатами социально-правовых функций на современном этапе	96
<i>Паця Д.В.</i> Актуальные вопросы уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений	102
<i>Фархуллин Д.М., Дышловая А.А., Гаврилюк Р.В.</i> Противодействие коррупции: развитие и правовое регулирование	110

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКЕ РФ)

<i>Бохан К.А., Пономарев И.Е., Самыгин С.И.</i> Педагогические технологии в воспитании здорового образа жизни	119
<i>Сущенко С.А., Самыгин С.И., Жидяева Е.С.</i> Актуальные методы и технологии обучения в высшей школе в эпоху цифровизации	127

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Roza T. Baigazanova</i> Features of verbal communication of an external communicator under business bullying conditions	19
<i>Olga A. Mashkovich</i> Values and speech guidelines of modern students in conditions of turbulence and digitization of society	27
<i>Anna A. Nemyka, Elizaveta I. Lyagina, Olga V. Rybalchenko, Pavel V. Sapozhnikov</i> Speech characterization of the heroes of M.A. Bulgakov's novel «Master and Margarita»: axiological parameters	32
<i>Olga E. Pavlovskaya, Alina A. Bazhan, Daria S. Tasakovskaya</i> Linguoculturological and linguodidactic potential of modern literary texts in the process of teaching Russian Language Arts (based on the material of L. Petrushevskaya's prose)	39
<i>Maxim S. Tkachenko</i> Semantic-word-formation connections of the lexemes <i>isty</i> and <i>istinny</i> in the old russian language	46
<i>Maria A. Khusainova, Sergey A. Stroikov</i> Small-format texts in educational discourse	52
<i>Cao Yinfei, Liu Yan Tong</i> China Government's communication strategy towards mass audience in official accounts in local social media Douyin and WeChat comparing with traditional media	60

JOURNALISM

<i>Duan Ruoyi</i> Webcast in China: Development history and Regulatory Challenges	66
<i>Li Xiaowei</i> Research on spasmodic media convergence in the context of the strategic partnership between Russia and China	70
<i>Zhan Gxiaoran</i> Language processes of Russian «new media» in the socio-political context	74
<i>Chen Fei</i> Traditions and innovations in understanding media and journalism	78

JURISPRUDENCE

<i>Marina S. Afanasova</i> Systematization and typologization of the grounds for compensation for damage from a crime in criminal law	85
---	----

<i>Alexander M. Zakusilo</i> Features of the mechanism of legalization of criminal proceeds using cryptocurrencies and its formation of traces	90
<i>Sergey V. Kruglyakov</i> On some issues of the implementation of social and legal functions by lawyers at the present stage	96
<i>David V. Patsia</i> Topical issues of criminal liability for illegal logging of forest plantations	102
<i>Damir M. Farkhullin, Anastasia A. Dyshlova, Ruslan V. Gavrilyuk</i> Corruption. The concept and negative consequences	110

PEDAGOGICAL SCIENCES

(THE RUBRIC IS NOT INCLUDED IN THE LIST OF THE HIGHEST CERTIFICATION COMMISSION
UNDER THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

<i>Ksenia A. Bokhan, Igor E. Ponomarev, Sergey I. Samygin</i> Pedagogical technologies in the education of a healthy lifestyle	119
<i>Sergey A. Sushchenko, Sergey I. Samygin, Elena S. Zhidyaeva</i> Current methods and technologies of higher education in the era of digitalization	127

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.11.34.010>
УДК 81'42; 070

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВНЕШНЕГО КОММУНИКАНТА В УСЛОВИЯХ БИЗНЕС-БУЛЛИНГА

Байгазанова Р.Т.

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье автор исследует медиалингвистические аспекты буллинга в бизнес-коммуникации, приводит пример анализа вербальной коммуникации буллера, раскрывает понятие «бизнес-буллинг», демонстрирует интермодальность, интертекстуальность, диалогичность этого явления. Актуальность работы обусловлена, прежде всего, спецификой корпоративной тематики, ее закрытостью, соответственно недостаточным уровнем изученности темы. Бизнес-буллинг оказывает серьезное негативное воздействие на эффективность компаний. В таких условиях механизмы защиты личной свободы и безопасности, защиты прав собственности требуют классификации бизнес-буллинга, описания его механизмов и признаков, что позволит выработать коммуникативные стратегии противодействия. Автор, раскрывая признаки вербальной коммуникации внешнего буллера, на примере кейс-стади показывает, что информационная агрессия против буллируемой компании может развернуться в сверхмедиатекст, который способен развиваться на протяжении нескольких лет, выходить за пределы одной страны, вовлекать огромное количество пользователей. Выводы, к которым приходит автор, касаются не только медиалингвистических признаков рассматриваемого явления, но и позволяют сформулировать определение «бизнес-буллинга» с учетом экстралингвистических аспектов, обозначить приемы коммуникативной стратегии дискредитации компании.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, бизнес-буллинг, бизнес-коммуникация, медиалингвистический анализ, интернет-дискурс, коммуникативная агрессия, медиалингвистика, конфликт.

FEATURES OF VERBAL COMMUNICATION OF AN EXTERNAL COMMUNICATOR UNDER BUSINESS BULLYING CONDITIONS

Roza T. Baigazanova

St. Petersburg State University

Abstract. In the article, the author explores the mediallynguistic aspects of bullying in business communication, gives an example of analyzing the verbal communication of a bully, reveals the very concept of «business bullying», demonstrates the intermodality, intertextuality, and dialogic nature of this phenomenon. The relevance of the work is determined, first, by the specifics of the corporate topic, its closed nature, and, accordingly, the insufficient level of knowledge of the topic. Business bullying has a serious negative impact on the performance of companies. In such conditions, mechanisms for protecting personal freedom and safety, protecting property rights require a classification of business bullying, a description of its mechanisms and characteristics, which will allow us to develop communicative counteraction strategies. The author, revealing the signs of verbal communication of an external bully, using a case study as an example, shows that information aggression against a bullied company can unfold into a super-media text that can develop over several years, go beyond the borders of one country, and involve a huge number of users. The conclusions that the author reaches concern not only the mediallynguistic features of the phenomenon under consideration, but also allow us to formulate a definition of «business bullying» considering extralinguistic aspects, and to identify methods of communicative strategy for discrediting a company.

Keywords: bullying, cyberbullying, business bullying, business communication, media linguistic analysis, Internet discourse, communicative aggression, media linguistics, conflict.

Введение.

Буллинг как специфическая форма агрессии об-
ладает целым рядом признаков, позволяющих
идентифицировать и отличить от других прояв-

лений конфликтного или девиантного поведения.
Это не беззлобное подшучивание, не случайные
акты агрессии, спровоцированные беспечностью
или излишней импульсивностью; буллинг со-
вершается именно с намерением причинить

вред, обидеть, высмеять, уничтожить. Это не единственный акт, а систематическое, повторяющееся с определенной частотой действие. В буллинге всегда будет присутствовать явный дисбаланс сил: инициатор травли сильнее физически и/или психологически, располагает более высоким статусом в группе; в этом основное отличие буллинга от конфликта, в котором оппоненты обладают примерно равными силами, ресурсами, авторитетом [1–9].

Речевая агрессия реализуется через разнообразные формы выражения негодования, враждебности и намерения причинить вред с помощью языка. Она может проявляться как в устной, так и в письменной речи [10–12], [14–16]. В условиях глобальной диджитализации приемы речевой агрессии стали активно использоваться и в бизнес-коммуникации. Рейдерский захват бизнеса и сопровождающий его буллинг в медиапространстве – серьезная проблема, которая может привести к разрушительным последствиям как для предпринимателей, так и для общества в целом.

Внешний буллер, буллер-исполнитель, может иметь разные мотивации и способы поведения. Он может быть клиентом, конкурентом, журналистом, активистом или представителем общности.

Обсуждение. Результаты.

Признаки вербальной коммуникации внешнего буллера в ситуации бизнес-буллинга включают следующие отличительные черты: агрессивный язык и тональность, активная публичная кампания (акции, петиции, бойкоты или другие виды публичных кампаний против компании), анонимность (внешний буллер может вещать с анонимных каналов, которые в последнее время набирают популярность), использование социальных сетей и онлайн-платформ, а также встроенных алгоритмов органического и неорганического продвижения публикаций; контакты с партнерами и клиентами (внешний буллер может пытаться влиять на партнеров, клиентов или поставщиков компании, чтобы они прекращали сотрудничество с ней), публичные выступления (внешний буллер может публично выражать негодование, критику или угрозы в адрес компании через социальные сети, блоги, статьи или другие средства массовой информации), распространение слухов и дезинформации о компании и акционерах с целью навредить репутации, юридические угрозы (внешний буллер может угрожать компании судебными исками, расследованиями или другими юридическими мерами).

Остановимся подробнее на такой особенности, как анонимность коммуникации, которая оказывает значительное влияние на медиалингвистические особенности дискурса бизнес-буллинга следующим образом:

– более агрессивная и нецензурная речь (анонимность дает буллерам возможность выразить

себя менее ограниченно и использовать более агрессивные и нецензурные выражения, они могут чувствовать, что им не грозит ответственность за свои слова и действия);

– массовая мобилизация (анонимность позволяет буллерам организовывать массовку, могут создавать ботов и мобилизовать сторонников для массового распространения негативной информации о жертве);

– отсутствие ответственности (анонимность позволяет буллерам действовать без опасения быть выявленными и привлеченными к юридической ответственности, что стимулирует их к более деструктивному поведению);

– сложность выявления и пресечения (из-за анонимности и отсутствия идентифицирующей информации сложно выявить и пресечь действия буллера, что создает дополнительные трудности для правоохранительных органов и жертвы);

– создание иллюзии широкой поддержки или осуждения (буллеры могут использовать анонимность, чтобы создать иллюзию широкой общественной поддержки своих атак или осуждения жертвы, это может вводить в заблуждение общественность относительно реальных масштабов проблемы);

– увеличение степени агрессивности и дерзости (так как буллеры скрывают свою личность, они могут стать более дерзкими и агрессивными в своих высказываниях, как следствие, рождаются ложные обвинения, угрозы и оскорбления).

В целом, анонимность усиливает отрицательные медиалингвистические особенности дискурса бизнес-буллинга, делая его более агрессивным, менее контролируемым и более трудно поддающимся пресечению.

Отличительной чертой вербальной коммуникации внешнего буллера является ее направленность на воздействие на репутацию и бизнес компании извне.

В ситуации бизнес-буллинга могут использоваться боты и ботофермы для создания комментариев и сообщений, направленных на дискредитацию бизнеса или конкретных личностей. Это может быть частью организованной кампании, целью которой является воздействие на общественное мнение и формирование негативного восприятия целевой компании или персоны. В исследовании института Ренсселиера (Rensselaer) отмечается, если 10 % участников определенного социума разделяют какую-то идею, то оставшееся большинство достаточно быстро начнет доверять этой идее [21].

Боты искусственного интеллекта могут быть запрограммированы для автоматической генерации сообщений с определенными ключевыми словами или фразами, а также для распростра-

нения дезинформации и манипуляции информацией. Эти действия могут привести к созданию впечатления о широкой общественной поддержке или критике, даже если это не соответствует действительности.

Одним из ярких примеров бизнес-буллинга стало дело «Бипэка», связанное с рейдерским захватом автомобильного холдинга «Бипэк Авто – Азия Авто» в Казахстане. **Конечные бенефициары атаки на бизнес не ограничились медиабуллингом, произошел, действительно, отъем бизнеса, заведены уголовные дела, остановлены предприятия, экономика регионов присутствия понесла необратимые потери, в «деле Бипэка» задержанные сотрудники компании прошли через пытки, один из сотрудников убит на допросе.** Этот кейс наглядно демонстрирует, как рейдерский захват бизнеса может стать объектом медийного внимания и как в этом контексте могут возникать различные формы буллинга, когда бизнес-буллинг трансформируется в межличностный буллинг, когда жертвами становятся конкретные персоны. В период с 13.05.2020 по 23.09.2023 в сети появилось 778 публикаций с упоминанием компании, ее проектов, руководителей и сотрудников. 52,6 % публикаций носит явно выраженный негативный характер, содержат элементы информационной агрессии, отличаются такой концентрированностью, что в происходящем усматриваются признаки заказной атаки [17–18].

Личные репортажи пользователей соцсетей стали набирать обороты и все чаще использоваться для продвижения интересов определенных групп. Так происходит сейчас с медиапространством Казахстана, где под видом гражданских журналистов все большее количество пользователей оказываются вовлеченным в буллинг-коммуникацию, приобретая статус блогеров, аналитиков, экспертов, чаще с приставкой «псевдо-», а общество становится свидетелем появления беспрецедентного количества мнений по самым разным вопросам. Поэтому анализ тональности текста сегодня выходит на первый план, потому что позволяет определить уровень субъективности и оценить настроение сообщения.

Проведем анализ поста с комментариями пользователей, который под заголовком «*Азия-авто*»: как государство субсидирует вывоз капитала из Казахстана» размещен в сети Facebook (запрещенная в Российской Федерации соцсеть) 13.05.2020 пользователем Э.К. (URL : <https://www.facebook.com/share/nFYNLjThYg4w9xed/?mibextid=adzO7l>, дата обращения 08.10.2023).

Анализируемый текст выглядит как обвинение компании в получении государственных субсидий и вывозе капитала из Казахстана. Рассмотрим основные аргументы, которые выдвигаются в статье: компания получает государственные субсидии из бюджета Казахстана | несмотря на

получение субсидий, компания не вложила достаточного средств в строительство окрасочного цеха и сборку автомобилей | заявляется, что предприятие приобретает российские и чешские автомобили, а затем устанавливает на них компоненты в Казахстане, чтобы считаться «казахстанскими автомобилями» | утверждается, что часть прибыли от компании перекачивается в Россию, что оценивается как вывоз капитала | поднимается вопрос о законности вывоза капитала и требуется возврат государственных субсидий в бюджет.

В данном тексте можно выделить следующие медиалингвистические особенности:

– акцент на выразительности (текст написан с использованием выразительных приемов, таких как повторы, восклицательные знаки, многоточия и кавычки в словах, чтобы подчеркнуть утверждения и эмоциональный окрас текста);

– аргументация (аргументы представлены в виде логических цепочек, подкреплены фактами и данными (например, утверждения о получении субсидий, вывозе капитала и незавершенном строительстве окрасочного цеха);

– интертекстуальность (автор приводит ссылки на публикации по теме, созвучные общей тональности его публикации);

– использование терминов и сокращений (в тексте используются специфические термины, такие как «МРП» (максимальный репост), «гос-бюджет» и другие сокращения, которые могут быть понятны только определенной аудитории);

– прямая речь (в тексте присутствует цитирование высказываний бывшего сотрудника и информации с сайта компании, чтобы подкрепить аргументацию автора);

– публичная активность: автор обращается к «*слышащему Государству и слышащему Правительству*» и призывает к действиям, что делает текст публично ориентированным;

– утверждения на основе опубликованных данных (в тексте указывается, что все данные взяты из открытых источников, что может придавать аргументам большую убедительность);

– эмоциональный окрас (текст обладает эмоциональным окрасом, проявляющимся в использовании восклицательных знаков, выделенных слов и фраз, что усиливает воздействие на читателя);

– язык обвинения (текст является обвинительным и критическим в отношении компании, ее деятельности и практики использования государственных средств).

Эти лингвистические особенности призваны сделать текст выразительным, аргументированным и эмоционально насыщенным. Приведем ряд примеров:

– «А зачем 'Бипэк Авто – Азия Авто' быть прогрессивной? У них и так все хорошо»: насмешка и критика компании за ее, по мнению автора, недостаточную активность в развитии.

– «А кто будет погашать субсидии? 'Азия-Авто' или, скорее всего, Дед Пихто?»: сомнение в способности компании погасить полученные субсидии.

– «А разве это не чудо – за 18 лет и за 52 млрд тенге из госбюджета до сих пор (!!!) не построить какой-то захудалый покрасочный цех!»: удивление и разочарование автора в долгосрочных результатах компании.

– «Из государственного бюджета на 'Бипэк Авто – Азия Авто' сыплются всякие преференции и денежки...»: негодование автора по поводу предоставления компании субсидий и налоговых льгот.

– «Победными реляциями и рекламными роликами о 'победах'»: сарказм и ирония по отношению к утверждениям компании «Азия-Авто» о своих успехах.

– «Так 18 лет Азия-Авто собирает казахстанское ЛЕГО из российских, чешских и корейских авто»: критика компании за отсутствие собственного производства и зависимость от импортных компонентов.

– «Что теперь?»: озабоченность и недоумение автора перед ситуацией.

– «Это же сколько надо вбухать в автомобиль краски, чтобы довести казахстанское содержание до 50 %)»): смайлик и скобки подчеркивают сарказм и иронию автора.

Эти слова и обороты дают возможность автору выразить свою позицию и отношение к описываемой ситуации.

Как правило, подобные публикации сопровождаются большим количеством комментариев, тем более автор поставил публикацию на коммерческое продвижение; публикация отмечена знаком «реклама», за первые 24 часа пользователями было создано 109 комментариев, их условно можно разделить на несколько групп по характеру сообщения: согласие с автором и поддержка его критики в адрес компании и действий государства; несогласие с автором, с решением правительства и возражения с представлением аргументов в пользу компании; добавление информации (факты, цифры или контекст, чтобы подкрепить аргументы автора или оппонентов); эмоциональные реакции: разочарование, гнев, удивление или поддержку; обсуждение предлагаемых решений: некоторые пользователи предлагают свои идеи и решения для улучшения ситуации, о которой идет речь в материале; дискуссия о политике и бизнесе: комментарии переходят в обсуждение более широких тем, таких как бизнес-практики, налоговая

политика, роль государства в экономике и др.; оскорбления и споры: как в любой дискуссии, встречаются оскорбительные комментарии и/или споры между участниками; вопросы и запросы дополнительной информации: некоторые пользователи задают вопросы автору статьи или другим участникам дискуссии, запрашивая дополнительные подробности или аргументацию.

Комментарии пользователей к данной статье выражают разнообразные мнения и эмоциональные реакции: негодование и разочарование в ситуации, недовольство властью и призывы к изменениям, иронические или саркастические запросы о получении субсидий для своих собственных проектов, намек на возможную коррупцию в системе субсидирования и денежных переводах, заявления о неэффективности и непрозрачности действий правительства и компании, предложения об утилизации автомобилей из других стран и снижении цен на автомобили, информация о продаже доли компании китайцам, критика бизнесменов и их роли в происходящих событиях, критика системы и чиновников, считающихся виновными в предполагаемых недоразумениях, критика системы и компании, критика уровня контроля за государственными средствами, критика цен на автомобили, обмен мнениями и аргументированная дискуссия между пользователями, обсуждение решений; поддержка компании надежда на развитие отечественного автопрома; поддержка автора статьи, поддержка идеи национального производства, поддержка идеи сохранения рабочих мест, поддержка компании и её попытки создать собственное автопроизводство, поддержка отечественного производителя, поддержка предложений о проведении аудита, политические обвинения и утверждения, что политические решения и коррупция могут быть причиной предполагаемых проблем, предложения о создании новых рабочих мест, различные точки зрения, сарказм и критика власти, сомнения в эффективности государственной поддержки, сомнения в предоставленной информации и вопросы о действиях компании и правительства, сравнение с другими странами, сравнение с опытом других стран, юмор и ирония.

В комментариях к статье о ситуации с автопроизводством в Казахстане можно выделить следующие лингвистические признаки бизнес-буллинга:

– использование отрицательных эпитетов, которые придают негативное оттенение: «убыточные проекты».

– обобщения и обвинения в адрес бизнеса или предпринимателей: «Вместе с балушкиным вытурит из страны, халяшников!!! Хватить над простым народом издеваться!!!».

– отрицательные эмоциональные оценки (от разочарования и недовольства до злости): «Это не только такая большая ситуация в отечественном 'автопроме'... это практически на всех направлениях экономики».

– сарказм и ирония, подчеркивающие негативное отношение: «Сколько заплатили за эту грязь?».

– употребление уничижительных слов и выражений, которые принижают значение бизнеса или предпринимателей: «халявшики», «балушкин», «тазики».

Эти лингвистические признаки указывают на наличие элементов бизнес-буллинга в комментариях, где предприниматели, бизнес и автопроизводство критикуются и высмеиваются. В некоторых из комментариев можно наблюдать элементы межличностного буллинга, и негативные высказывания могут создать ощущение жертвы буллинга для тех, кому они направлены.

Вот примеры таких обращений:

– «Вместе с балушкиным вытурит из страны, халявшиков!!! Хватить над простым народом издеваться!!! Со своими тазиками!»: комментарий содержит уничижительные слова и обвинение в халяве в адрес определенных лиц (в данном случае, «балушкин»), с искажением фамилии основного акционера, что может создать ощущение агрессии и негативного отношения к конкретной персоне.

– «Не вижу смысла вообще поддерживать заведомо убыточные проекты за счет вливания государственных средств»: комментарий выражает негодование по поводу поддержки проектов и может оскорбить тех, кто связан с этими проектами, намекая на их неэффективность.

– «Идет вывоз капитала из страны. Надо бы вернуть 52 млрд тенге в бюджет»: комментарий обвиняет в вывозе капитала и может вызвать негативные эмоции у бизнесменов или компаний, которые могли быть связаны с данным проектом.

Эти обращения содержат элементы межличностного буллинга, они могут вызвать негативные реакции у тех, кого они касаются, и создать ощущение недружелюбной атмосферы в дискуссии, изменить реакции эмоционального интеллекта, как в ситуациях моббинга (травле внутри коллектива) [20]. Так, участник дискуссии, Марина Фролова, подвергается индивидуальным нападкам в текстах:

– «Вы сами-то понимаете, о чем пишете? Бред»: в комментарии участника подвергается сомнению её понимание и заявляется, что её текст – «бред».

– «Сколько заплатили за эту грязь?»: в данном случае, участнику намекают на то, что её комментарии могли бы быть оплачены, что может быть воспринято как нападка на её честность.

– «Марина Фролова поняла, что в соцсетях развернули проплаченную кампани»: в реплике

обвиняется участница в том, что её комментарии являются частью проплаченной кампании, что может быть воспринято как укол в её независимость и честность.

На основании изученных комментариев можно сделать следующие предварительные выводы о распределении ролей в ситуации бизнес-буллинга:

– активисты критики (негативные комментаторы), в том числе, участники, перешедшие к личным атакам и к индивидуальному буллингу;

– защитники (положительные комментаторы);

– аналитики и информированные участники.

Здесь же следует отметить негативную динамику, связанную с личными атаками и переходом к индивидуальному буллингу.

Важно отметить, что в дискуссии присутствует разнообразие мнений и точек зрения, что характерно для обсуждения сложных и спорных вопросов. Данный факт свидетельствует о том, что обсуждение бизнеса компании вызывает интерес и важно для различных групп общества. На материалах кейса #делоБипэка базируются публикации оформившегося позже общественного движения #нетУтильСбору, при этом, материалы «Бипэка» используется идеологами движения и как положительный пример развития автопрома в стране, и как отрицательный, в зависимости от текущей ситуации.

Заключение.

Бизнес-буллинг представляет собой сложное социокоммуникативное явление, характеризующееся системой негативных коммуникаций и агрессивным деструктивным воздействием на субъекты бизнес-процессов. Понятие может быть сформулировано следующим образом: бизнес-буллинг – это систематический, намеренный и агрессивный набор коммуникаций, направленных на уничтожение или ослабление позиций субъекта бизнеса, его репутации, финансового состояния и психологического благополучия со стороны более сильного противника, с использованием разнообразных методов и средств, включая информационные, лингвистические и социокультурные, административные, экономические, социально-политические.

Вербальная коммуникация внешнего буллера отличается агрессивным воздействием, намеренностью действий, направленных на уничтожение или ослабление бизнеса, репутации, собственников, разнообразием методов, систематичностью.

В контексте бизнес-буллинга, даже пост в соцсетях и комментарии к нему целесообразно рассматривать как единый инструмент, нацеленный на выполнение дискредитирующих задач, поставленных заказчиком буллинга и направленных

ных на создание негативного образа буллируемой компании. В целом же, на примере структуры сверхмедiateкста [13, с. 76] #делоБипэка мы наблюдаем, как коммуникативная стратегия дискредитации компании и ее акционеров реализуется через приемы наклеивания ярлыков, обвинения, оскорбления, иронии и сарказма, аргументированного умаления авторитетов, расклевывание образа «темного прошлого» и создание

образа «темного настоящего», через нападение и перевод стрелок, теорию заговоров и превращение нейтрального контента в дискредитирующий, через прогнозирование и отсылки к прецедентным событиям. Подробный медиалингвистический анализ подобных кейсов может лечь в основу алгоритмов машинного обучения распознаванию признаков информационной атаки в потоке медиатекстов [19].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе / Р.Г. Ардашев // Социология. 2022. № 6. С. 32–38. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersuitsid-i-kiberbulling-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения 29.07.2023).
2. Ачитаева И.Б. Деструктивные взаимоотношения в учебных группах образовательных учреждений МВД России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010, 249 с. URL : <https://www.dissercat.com/content/destruktivnyye-vzaimootnosheniya-v-uchebnykh-gruppakh-obrazovatelnykh-uchrezhdenii-mvd-rossii> (дата обращения 26.05.2023).
3. Байгазанова Р.Т. Буллинг как коммуникативный феномен / Р.Т. Байгазанова // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01.2023 года. СПб. : Медиалапир, 2023. С. 726–730.
4. Банников К.Л. В армии, как на зоне: насилие и унижение стали нормой / К.Л. Банников // НП НИА «Наследие отечества». № 12. 30.03.2000. URL : http://old.nasledie.ru/voenpol/14_14/article.php?art=17 (дата обращения 15.05.2023)
5. Белановский С.А. Дедовщина в советской армии / С.А. Белановский, С.Н. Марзеева // ИНП РАН. 1991. URL : <http://www.sbelan.ru/content/de dovshchina-v-sovetsoy-ay-armii> (дата обращения 24.04.2023)
6. Белеева И.Д. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований / И.Д. Белеева // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 131–136.
7. Босов Д.В. Буллинг как социальный феномен / Д.В. Босов // Наука. Исследования. Практика: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2021 года. СПб. : ГНИИ «Нацразвитие». 2021. С. 34–37.
8. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3(11). С. 177–191.
9. Галимбекова Ф.С. Конфликт и буллинг как социальные явления в современном обществе / Ф.С. Галимбекова // Проблемы современного образования. 2023. № 2. С. 51–57. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-i-bulling-kak-sotsialnye-yavleniya-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения 28.09.2023).
10. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта / Л.Р. Дускаева // Медиалингвистика. 2014. № 1(4). С. 5–15.
11. Дускаева Л.Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике. Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 4–18.
12. Дускаева Л.Р. Дискурсивный анализ текстов националистической направленности в практике проведения лингвистической экспертизы / Л.Р. Дускаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 52–63.
13. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. (Ред.). М. : Флинта, 2020. 440 с.
14. Дускаева Л. Троллинг в русскоязычных медиа / Л. Дускаева, Ю. Коняева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 5. С. 84–100. URL : <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5>
15. Дускаева Л.Р. Критика речи в медиалингвистике / Л.Р. Дускаева, Т.Ю. Редькина, Н.С. Цветова. М. : Флинта, 2019. 120 с.
16. Красиков В.И. Агрессивная коммуникация в социальных сетях: инициация языка вражды / В.И. Красиков; Под общей ред. О.Ф. Гаврилова, О.И. Жуковой, С.Н. Чируна // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кемерово, 25 мая 2023 года. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2023. С. 114–118.

17. Чернышова Т.В. Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования. *Медиалингвистика*. 2020. № 7(3). С. 343–356. URL : <https://medialing.ru/fakty-mneniya-ocenka-socialno-znachimaya-informaciya-i-sposoby-ee-organizacii-v-diskurse-zhurnalistskogo-rassledovaniya>
18. Чернышова Т.В. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики). *Медиалингвистика*. 2022. № 9(3). С. 170–189. URL : <https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoehkspertnoj-praktiki>
19. Fale P.N. A hybrid deep learning approach for abusive text detection / P.N. Fale, K.K. Goyal, S. Shivani // *AIP Conference Proceedings*. AIP Publishing. 2023. Vol. 2753. № 1. URL : <https://doi.org/10.1063/5.0128071>
20. The influence of workplace bullying on the performance of hotel employees: the mediating role of emotional intelligence and psychological resilience / K.A. Odunjo-Saka, B.R. Olaleye, E. Sarpong, A. Ibrahim, O.A. Adedokun // *Tourism & Management Studies*. 2023. № 19(3). P. 59–71. URL : <https://doi.org/10.18089/tms.2023.190304>
21. Rensselaer Polytechnic Institute. «Minority rules: Scientists discover tipping point for the spread of ideas» *ScienceDaily*. URL : www.sciencedaily.com/releases/2011/07/110725190044.htm (date of the application November 07, 2023).

References:

1. Ardashev R.G. Cyber suicide and cyberbullying in modern society / R.G. Ardashev // *Sociology*. 2022. № 6. P. 32–38. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersuitsid-i-kiberbullying-v-sovremennom-obschestve> (date of the application 07.29.2023).
2. Achitaeva I.B. Destructive relationships in educational groups of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia : author's abstract. dis. ... candidate of psychological sciences. M., 2010, 249 p. URL : <https://www.dissercat.com/content/destruktivnye-vzaimootnosheniya-v-uchebnykh-gruppakh-obrazovatelnykh-uchrezhdenii-mvd-rossii> (date of the application May 26, 2023).
3. Baigazanova R.T. Bullying as a communicative phenomenon / R.T. Baigazanova // *Medialinguistics: Materials of reports of participants of the VII International Conference*, St. Petersburg, June 28 – 01.2023. SPb. : Mediapapir, 2023. p. 726–730.
4. Bannikov K.L. In the army, as in the zone: violence and humiliation have become the norm / K.L. Bannikov // *NP NIA «Heritage of the Fatherland»*. № 12. 03/30/2000. URL : http://old.nasledie.ru/voenpol/14_14/article.php?art=17 (date of the application 05/15/2023).
5. Belanovsky S.A. Hazing in the Soviet army / S.A. Belanovsky, S.N. Marzeeva // *Institute of Economic Forecasting RAS*. 1991. URL : <http://www.sbelan.ru/content/hazing-in-the-Soviet-army> (date of the application 04/24/2023)
6. Beleeva I.D. Bullying as a socio-psychological phenomenon: analysis of theoretical approaches and empirical studies / I.D. Beleeva // *Pedagogical education in Russia*. 2020. № 5. P. 131–136.
7. Bosov D.V. Bullying as a social phenomenon / D.V. Bosov // *Science. Research. Practice: a collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference*, St. Petersburg, June 25, 2021. St. Petersburg : State Research Institute «National Development». 2021. P. 34–37.
8. Bochaver A.A. Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies / A.A. Bochaver, K.D. Khlokov // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. № 3(11). P. 177–191.
9. Galimbekova F.S. Conflict and bullying as social phenomena in modern society / F.S. Galimbekova // *Problems of modern education*. 2023. № 2. P. 51–57. URL : <https://cyberleninka.ru/artic-le/n/konflikt-i-bulling-kak-sotsialnye-yavleniya-v-sovremennom-obschestve> (date of the application 09/28/2023).
10. Duskaeva L.R. Medialinguistics in Russia: linguapraxiological dominant / L.R. Duskaeva // *Medialinguistics*. 2014. № 1(4). P. 5–15.
11. Duskaeva L.R. Vectors of praxeological analysis in media linguistics. *Medialinguistics*. 2019. № 6(1). P. 4–18.
12. Duskaeva L.R. Discourse analysis of nationalist texts in the practice of linguistic examination / L.R. Duskaeva // *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. 2020. Vol. 19. № 1. P. 52–63.
13. Duskaeva L.R. Medialinguistics in terms and concepts: dictionary-reference. (Red.). M. : Flint, 2020. 440 c.
14. Duskaeva L. Trolling in Russian media / L. Duskaeva, Yu. Konyaeva // *Vestnik of Moscow University. Ep.10: Journalism*. 2017. № 5. P. 84–100. URL : <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5>
15. Duskaeva L.R. Criticism of language in media linguistics / L.R. Duskaeva, T.Yu. Redkina, N.S. Tsvetova. M. : Flint, 2019. 120 c.
16. Krasikov V.I. Aggressive communication in social networks: initiation of hate speech / V.I. Krasikov; Under the general editorship of O.F. Gavrilova, O.I. Zhukova, S.N. Chirun // *Social communications: philosophical, political, religious, cultural and historical dimensions: Collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation*, Kemerovo, May 25, 2023. Kemerovo : Kemerovo State University, 2023. P. 114–118.
17. Chernyshova T.V. Facts, opinions, assessment: socially significant information and ways of organizing it in the discourse of investigative journalism. *Medialinguistics*. 2020. № 7(3). P. 343–356. URL : <https://medialing.ru/fakty-mneniya-ocenka-socialno-znachimaya-informaciya-i-sposoby-ee-organizacii-v-diskurse-zhurnalistskogo-rassledovaniya>
18. Chernyshova T.V. Defamatory bullying in polylogues of network communication (based on linguistic expert practice). *Medialinguistics*. 2022. № 9(3). P. 170–189. URL : <https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoehkspertnoj-praktiki>

19. Fale P.N. A hybrid deep learning approach for abusive text detection / P.N. Fale, K.K. Goyal, S. Shivani // AIP Conference Proceedings. AIP Publishing. 2023. Vol. 2753. № 1. URL : <https://doi.org/10.1063/5.0128071>
20. The influence of workplace bullying on the performance of hotel employees: the mediating role of emotional intelligence and psychological resilience / K.A. Odunjo-Saka, B.R. Olaleye, E. Sarpong, A. Ibrahim, O.A. Adedokun // Tourism & Management Studies. 2023. № 19(3). P. 59–71. URL : <https://doi.org/10.18089/tms.2023.190304>
21. Rensselaer Polytechnic Institute. «Minority rules: Scientists discover tipping point for the spread of ideas» ScienceDaily. URL : www.sciencedaily.com/releases/2011/07/110725190044.htm (date of the application November 07, 2023).

Информация об авторе

Байгазанова Роза Токтаркановна
магистр,
соискатель кандидатской степени,
Санкт-Петербургский государственный университет
roza.baygazanova@gmail.com

Roza T. Baigazanova
Master,
PhD Candidate,
St. Petersburg State University
roza.baygazanova@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.64.35.001>

УДК 808

Attribution

cc by

ЦЕННОСТНО-РЕЧЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Машкович О.А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Аннотация. Статья посвящена изучению ценностно-речевых ориентиров студенчества – аудитории, определяющей и формирующей ценностный базис современности. Актуальность исследования определяется социальной нестабильностью и трансформацией культурных и ценностных основ общества в условиях турбулентности и цифровизации. Методом исследования выступило анкетирование. Результаты анкетирования демонстрируют отсутствие единого ценностно-речевого лидера у молодого поколения. В перечне единичных ответов студенты указывают разнообразных медийных личностей и блогеров, что подтверждает гипотезу о трансформации классического понимания оратора в условиях турбулентности общества. В ценностно-речевое ядро, определяющее эффективность речи, вошли аксиологемы преимущественно отечественного риторического идеала, отражающие традиционные ценности речевого идеала. Результаты риторической самодиагностики студентов продемонстрировали необходимость системной риторической подготовки студенчества, формирующей впоследствии не только речевые, но и ценностные эталоны молодого поколения.

Ключевые слова: цифровизация, риторический идеал, студенчество, лингвоаксиология, цифровая риторика, анкетирование, турбулентность, ценностно-речевые ориентиры, глобализация, медиакоммуникации.

VALUES AND SPEECH GUIDELINES OF MODERN STUDENTS IN CONDITIONS OF TURBULENCE AND DIGITIZATION OF SOCIETY

Olga A. Mashkovich

Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»

Abstract. The article is devoted to the study of the value and speech guidelines of students – the audience that determines and shapes the value basis of our time. The relevance of the study is determined by social instability and the transformation of the cultural and value foundations of society in conditions of turbulence and digitalization. The research method was a questionnaire. The results of the survey demonstrate the absence of a single value-speech ideal among the younger generation. In the list of single answers, students indicate a variety of media personalities and bloggers, which confirms the hypothesis about the transformation of the classical understanding of the speaker in the conditions of turbulent society. The value-speech core, which determines the effectiveness of speech, includes axiologems of predominantly the domestic rhetorical ideal, reflecting the traditional values of the domestic speech ideal. The results of rhetorical self-diagnosis of students demonstrated the need for systematic rhetorical training of the younger generation, which subsequently forms not only speech, but also value standards of students.

Keywords: digitalization, rhetorical ideal, students, linguoaxiology, digital rhetoric, questioning, turbulence, value-speech guidelines, globalization, media communications.

Введение.

Большинством исследователей современная эпоха по праву считается эпохой турбулентности. О.Н. Яницкий определяет этот социальный феномен как «крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической систе-

мы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока» [6].

Нестабильность охватывает все сферы человеческой жизни: не только материальные, но и духовные. Трансформации и неопределенности подвергаются культурные и ценностные основы

общества. Общественное сознание заполняется новыми моделями поведения, примерами и ориентирами. Безусловно, ведущим инструментом распространения новых ценностных парадигм становятся активно развивающиеся цифровые технологии – «эпоха цифровизации коренным образом меняет эту парадигму, трансформируя, прежде всего, ценностную и смысловую ориентацию» [1, с. 44].

Цифровизация общества трансформирует уже сформировавшиеся сферы знаний. С высокой степенью уверенности можно говорить о формировании новой области цифровой риторике, о возникновении которой пишет А.А. Шмаков. Согласно его пониманию, цифровая риторика есть «развивающаяся форма коммуникации, созданная и распространяемая через медиатексты, как наука и искусство информирования, убеждения и побуждения к действию аудитории через цифровые каналы» [5, с. 108].

Процессы же глобализации, деглобализации, информатизации и политической/экономической дестабилизации общества интенсифицируют скорость турбулентной динамики.

Глобализация предполагает «формирование единого мира и взаимосвязи обществ во всех аспектах: политическом, экономическом и культурном» [Петров, с. 83], что ведет к унификации ценностей на всех уровнях существования общества.

В условиях глобальной неустойчивости приоритетом социума становится сохранение культурных ценностей, которые обеспечивают устойчивость и жизнеспособность национальных культур и сообществ.

Обсуждение.

Сфера ценностей описывается и изучается аксиологией. Лингвоаксиология, являющаяся аспектологической частью аксиологии, занимается вопросами формирования коммуникативных ценностей различных обществ и механизмами их выражения [4]. Языковым явлением, связывающим ценности и языковое воплощение, является риторический идеал. Риторический идеал обусловлен слиянием ценностных ориентиров культуры и его языкового воплощения. Он представляет собой «иерархию коммуникативных ценностей, отражающих требования к речи и речевому поведению носителей определенной культуры» [2, с. 47]. Представления о риторическом идеале базируются ценностных установках и ориентирах, актуальных для общества в конкретный период времени.

Основу исследования составляет концепция А.К. Михальской. По А.К. Михальской, риторический идеал представляет собой «систему наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившуюся в определенной культуре и отражающую систему ее ценностей – эстетических и этических (нравственных)» [2, с. 34–47].

Типология А.К. Михальской недостаточно полно описывает реальную практику коммуникативного существования в современном обществе.

Глобализационные процессы, активное взаимодействие и слияние культур, а также новые социально-экономические и информационно-коммуникационные условия трансформируют традиционные, уже сложившиеся представления. Эти факторы также подчеркивают необходимость изучения риторического идеала в лингвоаксиологическом контексте с упором на выявление его ценностных аспектов.

С целью изучения ценностно-речевых ориентиров молодого поколения. было проведение анкетирования. Опрос проводился среди студентов вузов России (НГТУ, НГУ, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, НГУЭУ, МГУ, СПбГУ, ВГУ, ДФУ, КГУ им. К.Э. Циолковского, РГПУ им. А.И. Герцена, СахГУ, Смоленского государственного медицинского университета и др.) в возрасте от 18 до 23 лет в период с 2015 по 2023 год.

В общей сложности получено 736 анкет, соответственно структуре анкеты, – 5004 реакции. Целевой аудиторией исследования было выбрано современное студенчество, так как именно эта группа активно участвует в существующих коммуникативных ситуациях, а в будущем будет определять и формировать ценностные нормы речевого взаимодействия.

Данная статья представляет собой анализ результатов и наблюдений 2023 года. Количество анкет 2023 года составило 161 единицу и 1094 реакции.

Результаты.

Первый вопрос был ориентирован на выявление риторических лидеров современного студенчества: «Назовите российского современника из числа известных широкой общественности лиц, которого Вы считаете успешным оратором».

Характерной особенностью ответов 2023 года является преобладание единичных уникальных ответов. Можно утверждать, что у молодого поколения отсутствует единый ценностно-речевой лидер. В своих ответах студенты указывают на самых разных медийных личностей и блогеров, что отражает изменения в представлении о риторике в условиях цифровизации. Теперь ораторами становятся не только традиционные публичные спикеры, но и лидеры мнений в онлайне-среде, ведущие общение с аудиторией в формате блогов и через различные цифровые платформы. Наиболее часто упоминаемыми речевыми лидерами стали: Владимир Путин, Сергей Лавров, Ирина Хакамада, Андрей Курпатов, Сергей Минаев, Ксения Собчак, Артемий Лебедев и другие.

Первая группа упомянутых личностей (В. Путин, С. Лавров) представляет собой медийных пер-

сон, которые часто упоминаются и популярны как в традиционных, так и в цифровых медиа благодаря активности в определенных политических и социальных событиях.

Вторая категория отмеченных риторических лидеров взаимодействует со своей аудиторией в основном через социальные сети и различные видео-платформы, такие форматы как вертикальное/горизонтальное видео, влоги, обзоры, сторис и другие форматы, а также проводят стримы, подкасты и публикуют текстовые сообщения в виде постов.

В совокупности, эти две группы формируют речевые, ценностные и культурные ориентиры, идентичность молодой аудитории.

Важно отметить, что студенты выбирают риторических лидеров не на основе оценки и анализа их выступлений, а исходя из уровня популярности и активности в цифровом пространстве. Цифровая трансформация средств массовой информации и общения требует от лидеров мнений создания контента и перманентного присутствия в медийной и онлайн-среде. Личность человека существует лишь в том случае, если она отражена и зафиксирована в цифровом формате.

Также, студентам было необходимо выделить свойства, обеспечивающие речевую успешность: «В приведенном ниже списке отметьте свойства, которые, на ваш взгляд, обеспечивают успех речи».

- Демонстрация уважения аудитории.
- Установка на успешность речи.
- Соревновательность речи и стремление одержать победу посредством речи.
- Естественность.
- Стремление к гармонизации диалога со слушателями.
- Агрессивность.
- Истинность.
- Нравственность.
- Скромность.
- Диалогичность в отношении к аудитории.

В рамках опроса с множественным выбором результаты распределились следующим образом: 77 % участников выделили естественность, понимаемую как открытое выражение желаний и эмоций говорящего; 58 % участников выбрали демонстрацию уважения к аудитории в качестве фактора речевой успешности; 53 % участников указали стремление к гармоничному взаимодействию с аудиторией; 41 % участников отметили истинность как критерий речевой эффективности; установка на успех получила 40 % голосов; диалогичность – 36 %; нравственность – 12 %; соревновательность в речи – 6 %; агрессивность – 3 %; скромность – 0 % (рис. 1).

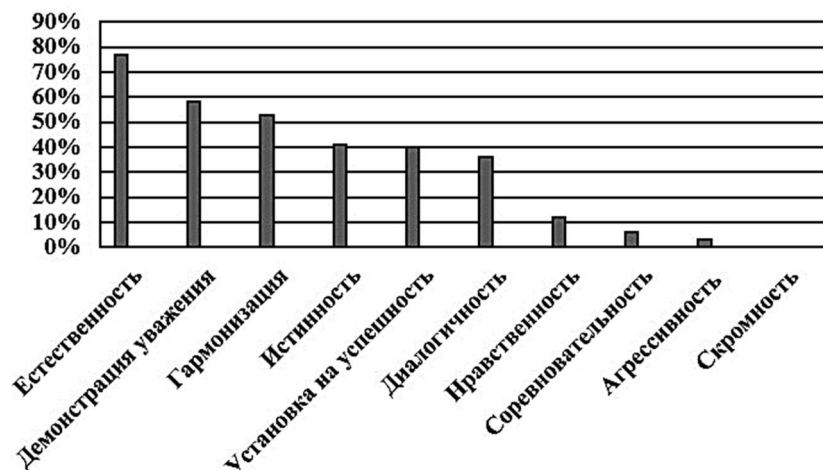

Рисунок 1 – Распределение ответов испытуемых о свойствах, обеспечивающих успех речи (%)

Согласно результатам опроса, ценностно-речевое ядро, определяющее эффективность речи, включает аксиологемы преимущественно отечественного РИ. В тройку лидирующих свойств вошли: демонстрация уважения собеседнику и гармонизация, отражающие традиционные ценности отечественного речевого идеала. Требование естественности, получившее максимальное количество голосов, отражает ценностно-речевые ориентиры американизиро-

ванного РИ. Подобный результат демонстрирует трансформацию представлений о речевом поведении в условиях информатизации и цифровизации общества, где в перманентном потоке информации становится необходимым выделяться и устанавливать контакт с аудиторией посредством эмоциональной связи, которая создается, в том числе, за счет естественного речевого поведения, предполагающего свободную демонстрацию эмоций и взаимодействия.

В следующем вопросе студентам требовалось охарактеризовать речевое поведение россиян: «Отметьте три свойства речи, характеризующие речевое поведение россиян». Целью данного вопроса являлась необходимость в разграничении идеализированных ожиданий и представлений о речи (полученных в предыдущем задании) от реальной ежедневно наблюдаемой речевой практики современного студенчества.

Здесь лидирующее количество голосов было отдано аксиологеме естественности – 57 %, соревновательность в речи отметили 47 %, агрессивность – 46 %, нравственность – 30 %, диалогичность указали 30 %, истинность – 24 %, установку на успешность – 19 %, стремление к гармонизации диалога – 18 %, демонстрацию уважения – 16 %, скромность была отмечена 14 % (рис. 2).

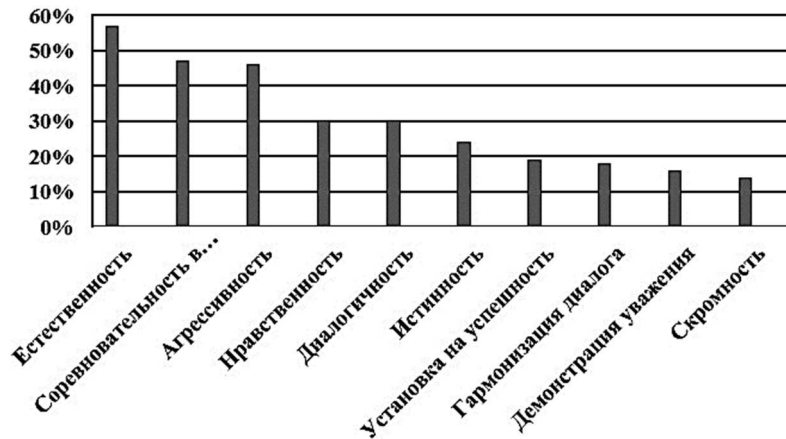

Рисунок 2 – Распределение ответов испытуемых о свойствах, характеризующих речевое поведение россиян (%)

Вновь лидирующей ценностью стала естественность речевого поведения. Также, в ядро характеристик речевого поведения россиян вошли соревновательность и агрессивность. Такую интерпретацию мы обуславливаем практическим опытом студентов, полученным в результате наблюдений за современными массовыми медийными продуктами, которые акцентируют внимание на агрессивном и эмоциональном речевом поведении.

Следующий вопрос был направлен на риторическую самодиагностику студенчества. 57 % опрошенных студентов не оценивают себя в качестве успешных ораторов. 22 % определяют себя успешными ораторами в зависимости от аудитории и нуждаются в дополнительной практике и обучении для достижения более высокого результата. Лишь 21 % студентов оценивают свои ораторские навыки как успешные. Это свидетельствует о необходимости развития всесторонней риторической подготовки для молодого поколения, способной формировать не только умения выступать публично, но и ценностные установки.

Заключение.

Активно развивающиеся цифровые форматы и платформы формируют и трансформируют речевые идеалы молодого поколения. Возможности цифрового формата видеоконтента увеличивают количество речевых лидеров, повышая уровень конкурентности и необходимости привлекать и удерживать внимание получателя сообщения/потребителя контента, что закономерно ведет к доминированию требования естественности речи, предполагающей яркую и открытую демонстрацию эмоций и желаний.

Несмотря на изменения условий коммуникативного и медийного состояния общества, влияние цифровизации, информатизации и глобализации, ядро ценностно-речевых представлений молодого поколения составляют традиционные ценности демонстрации уважения собеседнику и гармонизации коммуникации, что в условиях турбулентности является положительной тенденцией, способствующей сохранению национальной идентичности, являющейся, по мнению автора статьи, одной из ключевых задач современности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации / Е.И. Замараева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(1). С. 43–48.
2. Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика : учеб. пособие. М., 2015.
3. Петров И.Ф. Глобализация и культурная универсализация потребления / И.Ф. Петров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1. С. 83–86.
4. Сидорова Н.А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
5. Шмаков А.А. Цифровая риторика как инструмент создания позитивного речевого образа власти / А.А. Шмаков, А.А. Ермишина // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2020. № 18. С. 107–109.
6. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL : http://www.ssa-rss.ru/index.php?id=508&page_id=19 (дата обращения 21.11.2023).

References:

1. Zamaraeva E.I. Sociocultural transformations in the era of digitalization / E.I. Zamaraeva // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. № 11(1). P. 43–48.
2. Mikhalskaya A.K. Comparative-historical rhetoric : tutorial. M., 2015.
3. Petrov I.F. Globalization and cultural universalization of consumption / I.F. Petrov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 7-1. P. 83–86.
4. Sidorova N.A. Fundamentals of the linguoaxiological concept of speech communication : abstract of thesis. ... Doctor of Philological Sciences. M., 2011.
5. Shmakov A.A. Digital rhetoric as a tool for creating a positive speech image of power / A.A. Shmakov, A.A. Ermishina // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2020. № 18. P. 107–109.
6. Yanitsky O.N. «Turbulent times»: slogan or problem of sociology? URL : http://www.ssa-rss.ru/index.php?id=508&page_id=19 (date of the application 11/21/2023).

Информация об авторе

Машкович Ольга Александровна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
маркетинга, рекламы и связей с общественностью
факультета корпоративной экономики и права,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
mashkovich.olya@yandex.ru

Olga A. Mashkovich

Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Marketing,
Advertising and Public Relations
Faculty of Corporate Economics and Law,
Novosibirsk State University of Economics
and Management «NINH»
mashkovich.olya@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.50.86.014>

УДК 81'42:82-31:124.5

Attribution

cc by

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Немыка А.А.¹, Легина Е.И.², Рыбальченко О.В.³, Сапожников П.В.⁴

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,

⁴Институт русского языка

Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. В статье рассматриваются речевые портреты основных героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Дается характеристика разных уровней языковой личности персонажей произведения, показана роль речевой характеристики основных и второстепенных героев романа для целостного представления языковой картины всего произведения, проанализированы аксиологические параметры языковой личности персонажей. Авторами делаются выводы о функциональной и аксиологической специфике репрезентации языковых портретов персонажей, имеющих различные функции: характеризующую, выделительную, сравнительную и психологическую. Также, при анализе языка ключевых и второстепенных героев романа, отмечена необходимость обращения ко всем слоям лексического, фонетического и синтаксического строя речи. Проводя комплексное исследование речевых особенностей героев романа и делая выводы об их ключевых ценностных параметрах, авторы статьи намечают перспективы исследования текста М.А. Булгакова в рамках аксиологических лингвистических исследований.

Ключевые слова: речевой портрет, аксиологические параметры, речевая характеристика, речевая личность.

SPEECH CHARACTERIZATION OF THE HEROES OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL «MASTER AND MARGARITA»: AXIOLOGICAL PARAMETERS

Anna A. Nemyka¹, Elizaveta I. Lyagina²,
Olga V. Rybalchenko³, Pavel V. Sapozhnikov⁴

^{1, 2}Kuban State University,

³Trubilin Kuban State Agrarian University,

⁴Institute of Russian Language

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. The article examines the speech portraits of the main characters of the novel by M.A. Bulgakov «The Master and Margarita». The characteristics of different levels of the linguistic personality of the characters in the work are given, the role of the speech characteristics of the main and secondary characters of the novel for a holistic presentation of the linguistic picture of the entire work is shown, the axiological parameters of the linguistic personality of the characters are analyzed. The authors draw conclusions about the functional and axiological specificity of the representation of linguistic portraits of characters that have different functions: characterizing, excretory, comparative and psychological. Also, when analyzing the language of the key and minor characters of the novel, the need to address all layers of the lexical, phonetic and syntactic structure of speech was noted. Conducting a comprehensive study of the speech characteristics of the novel's characters and drawing conclusions about their key value parameters, the authors of the article outline the prospects for studying M.A. Bulgakov's text within the framework of axiological linguistic research.

Keywords: speech portrait, axiological parameters, speech characteristics, speech personality.

Введение.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно назвать произведением, подтверждающим авторский афоризм – предсказание: «рукописи не горят» [2, с. 365]. Вокруг булгаковского текста до сих пор не утихают споры литературо-

ведов и лингвистов. Это касается не только проблематики романа, но и речевой характеристики героев «Мастера и Маргариты». Речевой портрет помогает раскрыть характер персонажа, даёт читателю возможность погрузиться во внутренний мир героя, увидеть особенности исторического времени. Анализируя речевой портрет, мы

характеризуем разные уровни языковой личности. Языковая личность – это «сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [6, с. 3].

В произведении М.А. Булгакова показано противоборство двух миров. По словам А.П. Романенко, «роман Булгакова построен на противопоставлении и конфликте двух планов – реального, представленного московской действительностью, и ирреального...» [9, с. 17]. Хотя композиция произведения сложна и многогранна, а фантастический мир органично введён в мир московской обыденности, мы, всё же, можем разделить героев на две группы: первая – это повествование о Понтии Пилате и Иешуа, вторая – действующие лица Москвы 1930-х годов.

Представляется актуальной речевая характеристика основных персонажей романа (их выбор продиктован количеством реплик и сюжетной значимостью), аксиологические аспекты их характеристики. Автор в ершалаимских главах придерживается «нейтрального стиля, вводя нескольких «трансляторов» и насыщая повествование историческими реалиями». Благодаря такому подходу, читатель начинает думать, что «ершалаимская история и ее герои «объективно» существовали» [8, с. 5].

Обсуждение.

В книге «О художественной прозе» В.В. Виноградов выдвинул теорию о возможности рассматривать персонаж художественного произведения в качестве языковой личности [4, с. 45]. Речевой портрет героев служит одной из характеристик художественного образа. Ведь, «литературный образ может существовать не иначе, как в словесной оболочке» [5, с. 72].

Индивидуальные черты речевого портрета персонажа вмещают в себя и лексикон героя, и темп речи, и строение синтаксических конструкций. Важно учитывать также ремарки автора в отношении героев. Все эти критерии, в совокупности, дадут читателю увидеть речевой портрет персонажей. Речевая характеристика персонажа включает в себя «содержание его высказываний» и «манеру речи» [5, с. 32]. При характеристике речи героев важно проследить все пласты лексики. Нужно понять, в каком соотношении автор использует нейтральную, книжную или разговорную лексику, создавая речевой портрет своего персонажа. Необходимо проанализировать синонимические ряды, художественную выразительность речи героев произведения. Речь персонажа может быть сухой и необразной, а может изобиловать тропами.

Исследователь творчества М.А. Булгакова, Е.А. Яблоков в статье «Я – часть той силы...» ёмко и точно говорит об основной проблеме, затронутой в романе: это соотношение «Мир – Человек – Истина» [10, с. 4]. А ведь человек

неотделим от своей речи, она составляет его мир и может помочь читателю увидеть истину. На страницах романа автор показывает читателю иное понимание «природы добра и зла, свободы и несвободы, правды и неправды, жизни тела и жизни духа» [2, с. 1].

А некоторые из советских людей именно через бессмертные страницы романа Булгакова открыли для себя Библию. Поэтому интерес для нашей работы представляют и московские, и ершалаимские главы. Речевой портрет персонажей в этих главах показывает читателю два противопоставленных друг другу мира: мир мистический, библейский и мир советского пространства. Именно об этом аспекте произведения пишет исследователь А.П. Романенко: «Филологически в романе это противопоставление выражается в противопоставлении двух типов словесности – художественной (повествование о Христе и Пилате, жизнь Мастера) и документной, организующей и объясняющей советскую жизнь» [9, с. 17].

Актуальность работы связана с небольшим объёмом исследований в области анализа речи персонажей романа Булгакова «Мастер и Маргарита», хотя речевой портрет его персонажей отличается яркостью и самобытностью. Исследования в этой области часто имеют слишком обобщённый характер: авторы анализируют речь героев Булгакова не в отдельном произведении а, во многих, сравнивают язык персонажей Булгакова с речью героев произведений других авторов. Среди таких исследований можно назвать работы З.С. Санджи-Гаряевой «А. Платонов и М. Булгаков: принципы изображения языка власти», «Изображение и трансформация советского языка в произведениях М. Булгакова», «Советизмы в сатире М. Булгакова» [1, с. 2].

Результаты.

Для Понтия Пилата характерно использование исконной литературной лексики; иногда, прокуратор сочетает её с разговорными, стилистически окрашенными выражениями, что делает образ героя более живым: «Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» [2, с. 86]. Булгаков показывает нам «одновременно бесчеловечную природу любой власти и ее тяжкое бремя» [6, с. 28]. Ведь Пилат, понимая несправедливость казни Иешуа, испытывает нравственные страдания и получает наказание длиной в две тысячи лет. Для речевого портрета персонажа иногда используется языковая игра; мы видим переосмысление внутренней формы фразеологизма: «Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо» [2, с. 94].

Интересна и просодическая характеристика Понтия Пилата. Комментарии автора ясно говорят нам о нервном, возбуждённом состоянии героя. В начале разговора Пилат своей властью хочет заставить арестанта говорить правду, но у прокуратора невыносимо болит голова. Пилат, пытаясь это скрыть, испытывает физические и

нравственные страдания: «сидел как каменный», «монотонно прибавил», «глаз устался на арестованного» [2, с. 88, 89]. Когда Пилат понимает, что перед ним философ, а не преступник, речевые доминанты существенно меняются: «произнёс мягко и монотонно», он волнуется, намереваясь спасти арестованного «раздался сорванный, хриплый голос» [2, с. 92, 85]. Пилат под гнётом обстоятельств утверждает смертный приговор, и тогда голос его звучит «торжественно и сухо». За внешней силой, нарочитой грубостью мы видим нравственные метания героя. Понтий Пилат внутренне становится последователем учения Иешуа, но сам боится это признать.

Иешуа Га-Ноцри можно назвать «духовным центром, магнитом, главной загадкой» романа [3, с. 30]. В каждом человеке Иешуа видит хорошие стороны, это ясно по обращениям, которые он использует: «Добрый человек! Поверь мне...» [2, с. 87]. Мы заметили, что эпитет «добрый» часто употребляется героем и не в качестве обращения: «Этих добрых людей я не знаю», «С тех пор как добрые люди изуродовали его...» [2, с. 95]. В тексте также можно увидеть использование антонимов добрый/ злой в речи Га-Ноцри: «злых людей на свете нет» [2, с. 89]. Часто, повторение таких эпитетов, обращений помогает нам понять философию Иешуа, увидеть его нравственные принципы. Герой считает, что любого человека можно повернуть лицом к истине, в любом есть луч добра, только это нужно увидеть и раскрыть.

Речь Га-Ноцри литературная, правильная, в монологах герой использует развернутые высказывания: «Истина, прежде всего, в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти» [2, с. 92]. Га-Ноцри – не волшебник, герой, скорее, выступает хорошим психологом, по мельчайшим деталям поведения других людей узнающим истину: «Истина, прежде всего в том, что у тебя болит голова ... Это очень просто, ... ты водил рукой по воздуху, ... как будто хотел погладить» [2, с. 89]. Головную боль Пилата Га-Ноцри объясняет рационально, но этим удивляет его. Хотя исследователи замечают, что «Булгаков постоянно снижает образ Иешуа, намереваясь показать его как простого смертного, тем не менее он все равно предстает провидцем и магом-целителем» [3, с. 32].

По комментариям автора к речи персонажа мы можем сказать, что Иешуа всегда доброжелателен, проявляет участие к людям, ни в ком не видит зла, разговорчив, хочет, чтобы ему верили: «мечтательно сказал арестант» [2, с. 97], «весь напрягаясь в желании убедить» [2, с. 91]. Всеми возможными средствами, куда включена и речевая характеристика героя, «автор акцентирует этическую незыблемость Иешуа, который ни в слове, ни в жизни, ни в смерти не отступил от Добра» [8, с. 5].

Следует отметить, что Булгаков объединяет «новые языковые элементы с народной речью,

канцеляризм и газетные штампы с книжным стилем» [1, с. 4]. Новый советский язык в романе обыгрывается сатирически: «Свет надо тушить за собой в уборной... – а то мы на выселение на вас подадим...» [2, с. 261]. Здесь видны реалии советской действительности: «уборная», «выселение», «примус». Также, следует обратить внимание на использование канцелярской лексики в московских главах. Автор прекрасно видел «канцеляризацию советской действительности»: «в содержании романа (в московской его части) документ предстает, во-первых, как основа, стержень жизни, Во-вторых, он – своего рода лакмусовая бумажка, идентификатор личности персонажей романа» [0, с. 18]. Пытаясь задержать Воланда на Патриарших, Берлиоз сразу вспоминает про документы: «Спрашивай у него документы, а то уйдёт...» [2, с. 84]. Интересно, что после исчезновения Воланда и свиты разные ведомства безуспешно «пытаются осуществить документную идентификацию Воланда и связанных с ним событий» [9, с. 19].

Автор в речи персонажей московских глав сочетает книжную лексику со сниженной, употребляет неологизмы советского периода и устаревшие слова: «... будем говорить прямо...с нечистой силой знается...» [2, с. 139], «Вы, профессор, воля ваша, что-то несладное придумали» [2, с. 80], «Как вы говорите? Ась?» [2, с. 197], «Ни при валюте мы сегодня... не позже понедельника... отдадим всё чистоганом» [2, с. 431] Воланд является одним из основных персонажей романа, поэтому его речевой портрет очень важен.

Представляется актуальным анализ некоторых фонетических аспектов речевой характеристики персонажа. Булгаков несколько раз указывает на акцент профессора магии: «Извините меня, пожалуйста, - заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов...» [2, с. 11]. Не во всех ситуациях Сатана использует акцент, когда он говорит на серьёзные темы, эта особенность речи исчезает: «... и он сказал, но уже без всякого акцента, который у него, чёрт знает почему, то пропадал, то появлялся» [2, с. 108]. Мы поняли, что это может быть связано со смеховым началом персонажа в московской действительности и философской глубиной образа Сатаны в других планах романа. Речь Воланда литературная, иногда он подчёркнуто вежлив, но несколько с издёвкой: «Позвольте вас поблагодарить от всей души!» [2, с. 79], Такими восторженными словами Князь Тьмы благодарит Берлиоза и Ивана за предоставленные ему сведения об атеизме советских людей. Интересны обращения в речи персонажа, он чаще вежлив, но во фразах видна скрытая ирония: «... дражайший Степан Богданович», – вежливо обращается Воланд к полупьяному Лиходееву, которого через минуту отправит в Ялту [2, с. 153]; «Голубчик, это вздор», «... почтеннейший... Драгоценный мой...» [2, с. 181] вежливо, но с иронией обращается чёрный маг к буфетчику, у которого осетрина тухлая. Нас заинтересовало и обращение к Маргарите: когда она не стала сама

ничего просить у Воланда, он говорит героине: «Сядьте, гордая женщина» [2, с. 361]. На наш взгляд, такое обращение ещё раз показывает, что Князь Тьмы достаточно справедлив и каждому даёт по заслугам.

В речи Воланда много устаревших слов: будучи, коих, ежели, досточтимый, ибо, помилосердствуйте, прокляты. Часто использует книжную лексику, включающую вводные конструкции. Есть в речевом портрете библейская лексика: Бог, Евангелие, Иисус, дьявол, – «Имейте в виду, что Иисус существовал» [2, с. 86]. Нам представляется это естественным для характеристики вечного образа Князя Тьмы: Сатана существует вне времени и пространства. В лексике героя присутствуют стилистически окрашенные разговорные фразеологизмы: «вообще, так сказать, входите во вкус...», «Вы, чуя неладное...» [2, с. 81], «Кирпич ни с того ни с сего... никому и никогда на голову ни свалится» ...», «сию минуту приехал...» [2, с. 112].

Выбор синтаксических конструкций в речи Воланда разнообразен и даже больше, чем лексический план, придаёт речи персонажа выразительность. В монологах преобладают сложные предложения: «Неужели вы скажете, что это он сам собой управил так?» [2, с. 118], «...Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения» [2, с. 84]. Он использует неполные предложения, когда отдаёт краткие приказания или выносит свой вердикт в виновности других героев: «Кресло мне» [2, с. 152], «Извинить не могу!» [2, с. 281]. Иногда видим синтаксический параллелизм: «Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над риторкой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?» [2, с. 492]. Яркости речи способствует использование вводных конструкций и вводных слов разной стилистической окраски: «спрашивается, скажем, как известно, воля ваша, стало быть» и под. [2, с. 53].

Речевой портрет Князя Тьмы помогает увидеть двойственность этого персонажа: смеховое начало в реальном плане и трагический глубокий образ в ирреальном мире. Его речь лаконична, логична, мы видим властителя, которому нельзя сопротивляться. В необходимой речевой ситуации речь Воланда становится выразительной, во многом благодаря использованию фразеологизмов, разговорной и просторечной лексики наряду с книжными выражениями и разнообразию синтаксических конструкций.

Образ Мастера противоречив, что можно увидеть и в его языковом портрете. Чаще всего, герой использует правильную литературную речь: «Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского...», «Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и поплатились» [2, с. 207], «Не плачь, Марго, не терзай меня, я тяжко болен» [2, с. 363]. Видно, что Мастер – образованный чело-

век, который даже в самых безнадёжных ситуациях не может быть груб, не отступает от своих нравственных принципов. Несмотря на не очень частое появление героя в романе, при встрече с Иваном Мастер сумел поведать тому обо всей своей жизни. В этих главах герой говорит эмоциональными развёрнутыми монологами: «Мы разговаривали так, как будто знали друг друга много лет...». Его литературная речь полна выразительных средств: необычные метафоры: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке...» [2, с. 213]; яркие эпитеты: «тайная жена», «ветхая калитка» [2, с. 213]. Его интонация часто тревожная, нестабильная, есть вводные слова и конструкции: «Да... но вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума...» [2, с. 205]. Этим Булгаков хотел показать эмоциональную неустойчивость, тревожность героя, которая объясняется неудачей с романом (делом всей его жизни).

Образ Маргариты двойственен, она предстаёт в двух ипостасях: как земная женщина и как ведьма. Эту двойственность можно проследить и по речи героини. В первом проявлении это несчастливая женщина, живущая в роскоши, но до знакомства с Мастером не знающая настоящей любви. Она говорит так, как и любая образованная женщина того времени. Иногда бывает романтична: «Я погибаю вместе с тобой. Утром я буду у тебя» [2, с. 221]; «Нужно было или забыть его, или самой умереть» [2, с. 292]. Бывает и груба в своей обиде и ярости, когда видит состояние любимого после сожжения романа или когда следит за похоронной процессией Берлиоза: «Я ещё кой-кого ненавижу...» [2, с. 300]. Неприятно, с применением просторечной лексики характеризует она Азazelло при знакомстве на улице: «Новая порода появилась: уличный сводник», «мерзавец» [2, с. 301]. Когда добивается своей цели, может применять фразы, характеризующие советскую действительность: «Его арестовали вчера... А ваша как фамилия?» [2, с. 355]. Подобными выражениями Маргарита заставляет делать людей то, что ей нужно.

По мере развития повествования другая ипостась героини проявляется всё сильнее. В её речи всё больше грубых слов и обращений, яростных интонаций: «Ты бы брюки надел, сукин сын» [2, с. 322]. Она полна желания спасти Мастера любой ценой: «Еду. Еду куда угодно» [2, с. 303]. Интересно, что связь этих сторон героини видна в речевой характеристике, данной ей автором ещё до появления Воланда. Булгаков замечает, что у Маргариты низкий «со срывами», хриплый голос. Называет её «чуть косящей на один глаз ведьмой» [2, с. 380]. Различаются характеристики, данные речи героини Булгаковым в каждой из ипостасей. Для Маргариты – земной женщины используются глагольные формы «помолчала», «воскликнула», «шептала»; наречия «сквозь зубы», «тихо», «торжественно», «задумчиво», «сухо», «молящее». Такие характеристики могут показывать растерянность Маргариты, живущей с нелюбимым мужем, а также «покорность» внешним обстоятельствам во имя спасе-

ния дорогого человека» [9, с. 6]. Вот характерная для героини фраза, когда она в образе обычной женщины: «Простите, простите, – бормотала покорная теперь Маргарита» [2, с. 387]. По подобным фразам понятно, что героиня боится открыть свои истинные чувства к Мастеру, вынуждена плыть по течению, не знает, как ей действовать, она покорна своей несчастливой судьбе. Очевидно, что речевые характеристики Маргариты различны: от покорности и пассивности она переходит к действию, ведёт за собой растерявшегося Мастера. Мы видим образ героини в развитии, он трансформируется.

Представляется значимым и исследование особенностей речи второстепенных персонажей московских глав. Интересен речевой портрет Ивана Бездомного. В начале романа Иван и облик, и речью вписывается в образ типичного советского гражданина. Он бывает груб и резок, использует советизмы, характеризующие советскую действительность: «Взять бы этого Канта, да... года на три на Соловки!», «А ты лезешь ко мне со своими глупостями! Кретин!», «Сволочь...» [2, с. 134–135]. В последних примерах герой применяет разговорную и жаргонную лексику; видно, что он в крайней растерянности, не понимает, как выйти из ситуации.

Пролетарский поэт готов выполнять социальный заказ, с интересом внимает речам своего духовного учителя Берлиоза об отсутствии Христа. Но Бездомный меняется под воздействием нового учителя – Мастера, а начало этому положено на Патриарших прудах. Будучи под влиянием идей Берлиоза, Иван использует разговорную лексику: «Ишь, и не жарко ему в перчатках» [2, с. 77]. Разговорная частица «ишь» показывает удивление персонажа, простому советскому гражданину не понятна привычка иностранца носить в жару перчатки. Уже находясь в больнице, Иван тоже часто использует разговорную лексику, что типично для советского гражданина, пребывающего в волнении: «Ну вот, стало быть, я иконку на грудь пришил и побежал» [2, с. 139]. В сильном волнении герой может употреблять неправильные грамматические формы слов: «Нету никакого дьявола» [2, с. 113]. Иван, как и Коровьев, иногда упоминает чёрта: «Какого чёрта ему надо?» – думает Иван при появлении иностранца на Патриарших прудах [2, с. 78], «Да чёрт их возьми, олухов...» [2, с. 138]. На наш взгляд, это – своеобразная словесная игра автора. Ведь, именно с чёртом (Воландом) Иван и встречается, именно Сатана меняет жизнь героя.

Важны и просодические характеристики героя. Когда Иван понял, что консультант знал заранее о смерти Берлиоза, то он «грозно сказал ... и почувствовал холодок под ложечкой», «теряется», «впав в гнев, прокричал» [2, с. 117]. Булгаков показывает, что Иван пытается по советской привычке грозным тоном привлечь профессора к ответственности, но сам чувствует бесплодность этой попытки. Попадая в больницу, Иван «воскликнул, сердясь на общую бестолковость...» [2, с. 139].

После встречи с Сатаной на Патриарших Иван растерян, от этого злится, пытается обвинить Рюхина в незаконном задержании: «Типичный кулачок по своей психологии» [2, с. 138]. В этой фразе Иван соединяет книжную лексику «типичный» со стилистически окрашенным разговорным словом, в котором есть уменьшительный суффикс -ок («кулачок»). В разговоре с профессором он снова употребляет подобное слово: «Взял я на кухне свечечку...». Такие слова нетипичны для поэта Ивана Бездомного, они ещё больше показывают изменение его сознания, растерянность перед неведомыми силами. Только что отрицавший наличие Христа, человек берёт «иконку» и «свечечку», чтобы спастись от нечистой силы. В больнице Иван произносит: «Слава те господи» [2, с. 137]. Мы считаем, что всё это говорит о начале изменений в сознании героя, его повороте к истинной вере.

Показательны и синтаксические конструкции, которые использует Иван в разных коммуникативных ситуациях. В больнице, находясь в волнении, он говорит отрывочными предложениями, в волнении повторяет слова, использует парцелляцию: « Ну да, иконка... – иконка-то больше всего их и напугала... но дело в том, что он, консультант, он...» [2, с. 139] или «Да нечего на меня так смотреть! Верно говорю! Всё видел – и балкон, и пальмы» [2, с. 139]. Здесь использована парцелляция, изменён порядок слов, в последнем примере интонация предложений восклицательная. Такая сбивчивая, неровная манера речи показывает крайнюю растерянность героя в данной ситуации. Мы заметили, что Иван часто использует вводные слова и конструкции разговорного стиля: «Был, словом, у Понтия Пилата», «Ну вот, стало быть» [2, с. 139].

Можно отметить, что речь Ивана меняется в зависимости от ситуации. Пребывая в непонятных для него обстоятельствах, он говорит сбивчиво, меняет порядок слов, употребляет разговорную лексику, часто использует вводные слова, пытается убедить собеседников в своей правоте. В более спокойном состоянии он говорит грубовато, использует советизмы.

Берлиоз пользуется литературным, правильным языком: «Ваш рассказ чрезвычайно интересен» [2, с. 111], «Нет ни одной восточной религии..., в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога...» «В нашей стране атеизм никого не удивляет» [2, с. 76]. При этом может в одной фразе использовать и разговорную лексику: «Ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив» [2, с. 79]. В этом предложении есть разговорный фразеологизм «сдать в архив» – признать ненужным. Как и Иван, он часто упоминает чёрта «Фу ты чёрт...» [2, с. 75]. Речевой портрет Берлиоза показывает, что он неглупый, начитанный человек, но совершенно не может изменить своё мнение, он закостенел в неверии.

Заключение.

Булгаков в одном контексте употребляет слова в прямом и переносном смысле, сочетает лексику разных стилей. Автор своеобразно «оживляет» внутреннюю форму слова; его герои понимают фразеологизмы и общезыковые метафоры в прямом смысле, фразеологизмы в тексте часто разрушаются: «...то первым делом следует кричать» вместо «первым делом» [2, с. 117], «ведь это в голову не лезет» вместо «в голове не укладывается» [2, с. 153], «голову ему оторвать» (далее происходит отрывание головы в прямом смысле) [2, с. 197].

Язык персонажей романа М.А. Булгакова является средством типизации и индивидуализации характеров, он метафоричен. В романе множество символов, зашифрованных аналогий, мистических отсылок, но при этом речь персонажей последнего романа великого Булгакова понятна читателю. Роман «подобен «магическому кристаллу», преобразующему реальность в соответствии с волей автора» [7, с. 5]. Текст Булгакова на всех его уровнях является актуальным элементом нашей языковой картины мира, представляющим национальные аксиологические доминанты.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абжалимова А.Ш. Речевые характеристики героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореферат бакалаврской работы. Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики. Саратов, 2022. 12 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2018. 637 с.
3. Белобровцева И.З. Путеводитель по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М., 2012. 461 с.
4. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Наука, 1930. 186 с.
5. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие: для студентов и преподавателей филологических факультетов, учителей-словесников. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 248 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Ковтун Е.Н. Поэтика необычного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
8. Корнеенко А.С. Функции речевых характеристик в ершалаимских главах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.С. Корнеенко // Язык. Культура. Коммуникации. 2014. № 3. С. 1–2.
9. Романенко А.П. Документ в содержательной и духовной структуре романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.П. Романенко // Известия Саратовского государственного университета. 2010. № 1. С. 17–20.
10. Яблоков Е.А. «Я – часть той силы...»: Этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е.А. Яблоков // Русская литература. 1988. № 2. С. 4–31.

References:

1. Abzhalimova A.Sh. Speech characteristics of the heroes of M.A. Bulgakov's novel «Master and Margarita»: abstract of bachelor's thesis. Department of theory, history of language and applied linguistics. Saratov, 2022. 12 p.
2. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. M., 2018. 637 p.
3. Belobrovtsseva I.Z. Guide to the novel by M.A. Bulgakov «Master and Margarita». M., 2012. 461 p.
4. Vinogradov V.V. About artistic prose / V.V. Vinogradov. Vinogradov. M.; L.: Nauka, 1930. 186 p.
5. Esin A.B. Principles and methods of analyzing a literary work: textbook: for students and teachers of philological faculties, teachers-wordsmiths. 10th ed. M.: Flinta: Nauka, 2010. 248 p.
6. Karaulov Y.N. Russian language and linguistic personality. M.: LKI, 2010. 264 p.
7. Kovtun E.N. Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fantasy, magic fairy tale, utopia, parable and myth (On the material of European literature of the first half of the XX century). M.: Izd-vo MSU, 1999. 308 p.
8. Korneenko A.S. Functions of speech characteristics in the Yershalaim chapters of M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». Language. Culture. Kommunikatsii. 2014. № 3. P. 1–2.
9. Romanenko A.P. Document in the content and spiritual structure of M. Bulgakov's novel «Master and Margarita». Izvestiya Saratov State University. 2010. № 1. P. 17–20.
10. Yablokov E.A. «I am a part of that power...»: Ethical problematics of M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» // Russian literature. 1988. № 2. P. 4–31.

Информация об авторах

Немыка Анна Анатольевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
как иностранного филологического факультета,
Кубанский государственный университет
annemyka@yandex.ru

Лягина Елизавета Игоревна

магистрант 2 года обучения
филологического факультета,
Кубанский государственный университет
elizaveta.legina@yandex.ru

Рыбальченко Ольга Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и речевой коммуникации,
Кубанский государственный аграрный университет
rybalchenkoolga@mail.ru

Сапожников Павел Валерьевич

заместитель директора
Института русского языка
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва
sapozhnikov-pv@rudn.ru

Anna A. Nemyka

Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Faculty of Philology,
Kuban State University
annemyka@yandex.ru

Elizaveta I. Lyagina

2-year Undergraduate Student
of the Faculty of Philology,
Kuban State University
elizaveta.legina@yandex.ru

Olga V. Rybalchenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Speech Communication,
Kuban State Agrarian University
rybalchenkoolga@mail.ru

Pavel V. Sapozhnikov

Deputy Director
of the Institute of the Russian Language
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University,
Moscow
sapozhnikov-pv@rudn.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.32.28.002>
УДК 81'42:82-31:124.5

Attribution
cc by

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Павловская О.Е.¹, Бажан А.А.², Тасаковская Д.С.³

¹Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т.Трубилина,

^{2,3}Кубанский государственный университет

Аннотация. Данное исследование связано с проблематикой языковедческих работ, выполненных в русле современной лингвокультурологической и лингводидактической научной парадигмы. Авторы анализируют современный русский прозаический текст и рассматривают функциональные особенности его репрезентации в иноязычной аудитории, обращаясь к анализу текстов прозы Людмилы Петрушевской, делают выводы о значимости учета межкультурной компетенции и степени лингвокультурологической сложности и аутентичности текстового материала, интегрированного в процесс обучения русскому языку как иностранному.

Также, в работе описаны методы и приемы, применяющиеся при обучении русскому языку как иностранному на материале художественных текстов (цикл «Песни восточных славян») Людмилы Петрушевской. Эти методы позволяют оптимизировать и системно представить лингводидактические и функциональные аспекты работы с современным художественным прозаическим текстом различной степени сложности.

Научная новизна работы состоит в анализировании, а также систематизации лингвопрагматических и функционально-семантических свойств художественного текста в практике преподавания русского языка как иностранного. Практическая значимость состоит в применимости результатов исследования при обучении иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: художественный текст, прозаический текст русский язык как иностранный, лингвокультурный комментарий, лингводидактика, проза Людмилы Петрушевской.

LINGUOCULTUROLOGICAL AND LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF MODERN LITERARY TEXTS IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE ARTS (BASED ON THE MATERIAL OF L. PETRUSHEVSKAYA'S PROSE)

Olga E. Pavlovskaya¹, Alina A. Bazhan², Daria S. Tasakovskaya³

¹Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,

^{2,3}Kuban State University

Abstract. This study is related to the problems of linguistic works carried out in line with the modern linguocultural and linguodidactic scientific paradigm. The authors analyze modern Russian prose text and consider the functional features of its representation in a foreign language audience, turning to the analysis of prose texts by Lyudmila Petrushevskaya, draw conclusions about the importance of taking into account intercultural competence and the degree of linguocultural complexity and authenticity of text material integrated into the process of teaching Russian as a foreign language.

The work also describes the methods and techniques used in teaching Russian as a foreign language on the material of literary texts (the cycle «Songs of the Eastern Slavs») by Lyudmila Petrushevskaya. These methods make it possible to optimize and systematically present the linguodidactic and functional aspects of working with modern literary prose text of varying degrees of complexity.

The scientific novelty of the work lies in the analysis and systematization of the linguopragmatic and functional-semantic properties of a literary text in the practice of teaching Russian as a foreign language. The practical significance lies in the applicability of the research results when teaching Russian to foreigners.

Keywords: literary text, prose text, Russian as a foreign language, linguocultural commentary, linguodidactics, prose of Lyudmila Petrushevskaya.

Введение.

Художественный анализ текста является важным инструментом для понимания и интерпре-

тации литературных произведений. Однако при работе с иностранной аудиторией возникают особые сложности, связанные с языковым барьером.

© Павловская О.Е., Бажан А.А., Тасаковская Д.С.

ером и культурными различиями. Репрезентация литературных произведений в иностранной аудитории требует системного подхода и учета лингвокультурологических факторов.

Одна из особенностей использования художественного текста состоит в том, что он может содержать множество языковых и культурных элементов, которые могут быть не знакомы иностранным студентам. Поэтому важно проводить языковой и лингвокультурный анализ художественного текста, чтобы помочь студентам понять эти элементы.

Также, следует отметить, что работа с художественным текстом способствует развитию межкультурной компетенции у обучающихся. Это может быть достигнуто посредством анализа культурных норм и ценностей страны изучаемого языка, работы с аутентичными материалами и развития ассоциативных связей. Формирование межкультурной компетенции в обучении русскому как иностранному – это одна из важнейших задач в современном образовании, обучении иностранных студентов. Знание языка является лишь одним из элементов, который необходим для успешного взаимодействия в многонациональном окружении. Для полноценного понимания другой культуры важно уметь интерпретировать аутентичные тексты на изучаемом языке, в том числе художественные.

В связи с этим, весьма актуально рассмотрение лингвокультурологических и лингводидактических параметров современного прозаического текста и их функционирования в процессе обучения русскому языку как иностранному (на примере прозы Людмилы Петрушевской).

Художественный текст может быть использован и для развития навыков перевода и интерпретации. Это, несомненно, способствует улучшению понимания русской культуры и менталитета, а также улучшает интерпретативные навыки обучающихся по работе с различными типами дискурса.

Следовательно, использование художественного текста в иностранной аудитории может быть эффективно для развития языковых и лингвокультурологических навыков, а также для развития межкультурной компетенции студентов.

Обсуждение.

В лингводидактике применяются различные подходы, позволяющие иностранным студентам познавать русскую культуру. Так, Е.М. Верещагии и В.Г. Костомаров в своих работах по лингвострановедению предложили и реализовали идею соизучения языка и культуры.

С их точки зрения, «усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [1 с. 4].

В рамках проводимого исследования представляется актуальным обращение к работам С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.А. Масловой и других современных исследователей лингвокультурологической научной парадигмы». [2; 3; 4; 5].

Лингвокультурологическая интерпретация основывается на рассмотрении художественного текста с точки зрения феномена речи, языка и культуры. Они отражают ментальность носителей языка, а также их национальную языковую картину мира, предполагая выявление этноспецифической информации, а точнее – представлений, знаний, фактов, реалий, речевых формул, которые относятся к конкретной культуре. Именно поэтому при лингвокультурологической интерпретации художественный текст является «хранилищем» информации, которое содержит сведения о культуре народа, его быте и нравах.

Результаты.

При работе с прозаическими текстами Людмилы Петрушевской необходимо обращать внимание иностранных студентов на особенности русской грамматики, лексики и стиля в различных типах текста. Например, они могут подробнее познакомиться с употреблением глаголов движения в русском языке, так как это является одним из максимально сложных грамматических вопросов для студентов-иностранцев.

В текстах Людмилы Петрушевской учащиеся обращают внимание на культурные реалии и ценности, которые существенно отличаются от их стереотипов. Например, могут изучать традиции русской кухни, религиозные обряды или исторические события, которые могут быть мало известны или совсем не известны им как иностранным студентам.

Работая над интерпретацией и общим пониманием текстов Людмилы Петрушевской, учащиеся формируют навыки эффективного взаимодействия с представителями других этносов. Например, они могут обсуждать различия между культурами и учиться уважительно относиться к мнению других людей из-за культурных различий.

Традиционно, работа над художественным текстом состоит из трёх этапов: предтекстовый, притекстовый и послетекстовый. На предтекстовом этапе важно создать эмоциональную атмосферу, которая повысит мотивацию обучающихся к прочтению данного текста. Для этого следует погрузиться в определённый культурно-исторический период времени, дать биографическую информацию об авторе, поговорить о событиях, нравах, образе жизни людей того времени.

Использование текстов Людмилы Петрушевской позволяет учащимся работать с аутентичным материалом; то есть, с материалом, который был создан носителями языка и культуры. Это помогает учащимся изучать реальный язык и

культуру, а не только учебную литературу, работать с современным, изменяющимся русским языком, изучать язык в его динамике

В качестве иллюстрации формулировки предтекстовых заданий для рассмотрения цикла рассказов Людмилы Петрушевской предлагаем следующие вводные вопросы:

1. Знаете ли вы имя Людмилы Петрушевской?
2. Читали ли вы её произведения на русском языке?
3. Рассказ называется «Случай в Сокольниках», как вы полагаете, о чём данный текст? Выскажите предположения, которые у вас возникли?
4. Какие ассоциации у вас появляются, когда вы читаете заголовок? Расскажите о них.

В зависимости от того, насколько полной информацией о писателе владеет аудитория, преподаватель предлагает познакомиться с биографией и особенностями его творчества.

Как правило, имя Людмилы Петрушевской не знакомо иностранным студентам; исключением являются филологи, уже имеющие некоторые знания о Людмиле Петрушевской как о лауреате специальной премии «Золотая маска» «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства».

Проза Людмилы Петрушевской продолжает раскрывать основные темы её творчества с использованием различных художественных приёмов. Произведения писательницы являются своеобразной энциклопедией женской жизни от юности до старости. В произведениях Людмилы Петрушевской проявляется эстетическая сущность постмодернизма, а также - его влияние на современный литературный процесс, принадлежность тех или иных писателей к этому направлению – один из самых сложных вопросов современного языковедения и теории текста. Нет единого мнения относительно того, что считать постмодернизмом: художественный метод, стиль, или вообще эпоху. Еще больше спорных вопросов остается в отношении понятия «русский постмодернизм». Вопрос о русском постмодернизме сегодня остается сложным и нерешенным, несмотря на многочисленные научные работы, посвященные этой проблеме. Характерные для постмодернизма общие черты – интертекстуальность, игра и диалогизм обнаруживают в русских текстах свою специфику.

Анализ лексической структуры многих рассказов Людмилы Петрушевской показывает, что для интерпретации мистического мира автор изображает миметические состояния и картины, которые осложняются вторжением необычных, потому и таинственных сил. Повседневное течение жизни прерывается, и человек будто оказывается во власти иного пространства и иного времени. Выход из расширенного состояния со-

знания не просветляет прежнее существование, а остается опытом поражения. Поэтому автор транслирует своим читателям фантастические состояния в «таинственных повестях».

Познакомившись с биографией и особенностями творчества Людмилы Петрушевской, студенты переходят к чтению текста и выполнению приклеточных заданий. В качестве примера можно предложить следующие варианты заданий:

1. Прочитайте рассказ «Случай в Сокольниках». Сформулируйте тему рассказа после прочтения.
2. Какие чувства вызывает у вас этот текст? Выразите свои ощущения.
3. Что вы можете сказать о героях рассказа? Опишите героев.
4. Как вы думаете, почему у героев рассказа нет имени?
5. Скажите, где происходит действие, что делают герои?

Выслушав мысли и идеи студентов, преподаватель обобщает информацию: сюжет рассказа очень прост, действие происходит в военные годы, у женщины умирает муж, а после возвращается живым как ни в чем не бывало, просит закопать обмундирование, чтобы никто не узнал о дезертирстве, когда жена выполняет его просьбу, тело в окопе вдруг начинает шевелиться, а потом во сне женщина понимает, что закопала тело. Одна из особенностей рассказа заключается в том, что герои не имеют имён, описание внешности не подробное.

Грамматическая структура художественного текста демонстрирует авторское своеобразие: в первых предложениях сразу появляется грамматический субъект действия: «В начале войны в Москве жила одна женщина. Муж ее был летчик, и она его не очень любила, но жили они неплохо». Диалог в рассказе обрывист, у главной героини есть имя в отличие от ее мужа. Далее в тексте используются местоимения 3-го лица «он» и «она». Реплики персонажей короткие, неполные, характеризуются особенностями синтаксиса разговорной речи.

В художественной системе мира Петрушевской важную роль играет мистический компонент. Но каковы способы его языкового воплощения в тексте? Можно утверждать, что текст, практически, соткан из элементов событийно-мистической канвы впечатлений. Наиболее частотный – это зрительный модус восприятия. Студентам предлагается выявить языковые средства создания наглядно-чувственных модусов восприятия. Варианты заданий следующие:

1. Найдите в тексте слова и словосочетания, создающие зрительный модус.
2. Найдите в тексте слова и словосочетания, создающие слуховой модус.

3. Найдите в тексте слова и словосочетания, создающие осязательный модус.

После прочтения рассказа, в качестве послетекстовых заданий считаем целесообразным ещё раз проанализировать со студентами название рассказа. Предлагаем варианты заданий:

1. Вы уже прочитали рассказ, как вы понимаете, почему автор дал ему название «Случай в Сокольниках»?

2. Как вы думаете, о чём этот рассказ. Сформулируйте идею рассказа.

3. Скажите, какие эмоции переживают герои рассказа, почему?

4. Как бы вы отнеслись к такому мистическому появлению? Что вы чувствуете в это время? Опишите свои чувства.

Следует также отметить, что возможность использования оригинальных аутентичных художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному несет в себе огромный потенциал как для формирования, так и для развития коммуникативных компетенций студентов. Данные художественные тексты активизируют развитие речевой деятельности обучающихся.

Работа с художественным текстом расширяет возможности комплексного интерпретационного анализа. Чтение различных художественных текстов увеличивает объём социокультурных, а также страноведческих знаний иностранных студентов о стране изучаемого языка, делает богаче их лексический запас. Если учитывать высокий уровень сложности языка художественной литературы, преподавателю необходимо разработать систему заданий, позволяющих более полно и всесторонне раскрыть замысел автора, смыслы, содержащиеся в произведении. Для того чтобы чтение текста стало результативным, важно подбирать доступный для понимания текст, соответствующий уровню подготовки иностранных студентов, а также разработать эффективные приёмы, способы и средства его интерпретации.

В «мистической» прозе Петрушевской продолжается реалистическая традиция, определявшая эстетику и поэтику таинственной прозы Тургенева. В прозе Людмилы Петрушевской мистическое подается как порождение сознания человека, не всегда задействуется фантазия, хотя у писательницы очень частое изображение галлюцинативных образов, которые могут появляться также в сновидениях.

Образ иной реальности появляется в сознании героев прозаических произведений Людмилы Петрушевской в попытке выйти за пределы эмпирической реальности. Случается такой «побег» в ирреальный мир из-за невыносимости действительности, а также конкретных бытовых или жизненных обстоятельств, таких как одино-

чество, бытовая неустроенность, утрата любви, смерть близкого.

Чтобы прояснить специфику репрезентации текстов произведений Людмилы Петрушевской в иностранной аудитории, сравним реализуемые автором мистические мотивы с подобной тематикой в произведениях Тургенева. Если у писателя тонко чувствующий герой устремлен за границы видимого мира в желании наполнить свое существование более высокими, сильными переживаниями, то у Петрушевской, помимо такой потребности, героем движет потребность изменить обстоятельства, пережить чудесное избавление от действительности, реализовать потребности, которые невозможны в действительных условиях. Герои Петрушевской находятся не во власти запредельных состояний или фантомов, напротив, они в измененном состоянии сознания, осуществляют свои желания, преодолевая законы реальности, также, как и у Тургенева, когда изменяется восприятие, сознание персонажей возвращается в границы реального, мира, который не менялся. Такой опыт виденья другого мира, иной реальности остается психологической травмой для героя. Следует учитывать, что содержательное и идиостилевое восприятие столь сложных текстов возможно для иностранных обучающихся уровня не ниже В-2.

Интерпретируя поведение героев Людмилы Петрушевской, учащиеся понимают, что им свойственно мифологизированное сознание, они, рационально осознавая возвращение в прежний и неизменный поток жизни, дают веру в то, что «видения», «путешествия» в реальность «других возможностей» являются подлинными. Личные мифы о спасении после вмешательства таинственной силы или вера в наличие подобного раю мира, куда можно попасть хотя бы на время, имеют, по мнению автора, спасительную силу, позволяющую сопротивляться реальности, которую нельзя отменить, являющейся равнодушной и даже жестокой к человеку. Как и в рассказах Тургенева, таинственное – порождение сознания людей, подавленных не только бытийными стихиями (смерть, болезнь), но и давлением эмпирической действительности – бытом, социальным бесправием. Их индивидуальное сопротивление реальности выражается в том, что, сознательно или интуитивно, они воображают иную реальность, точнее – скрытые (а потому таинственные) возможности реальности, где вмешательство наделенного особыми силами спасителя либо собственные усилия приводят к разрешению неразрешимой ситуации, временно преодолевают действие известных условий и законов текущей жизни.

Другой способ включения таинственных сил связан с интерпретацией событий в рассказывании, при котором исход реальной ситуации «сочиняется» и объясняется неверифицируемой причинной. Событие рассказывания преодолевает логику события реальности.

Совершенно иной тип персонажа в прозе у Людмилы Петрушевской. У современной писательницы такой герой является носителем стандартизированного, массового, практического сознания, которое испытывает груз бытовых трудностей.

Такое сознание не стремится к одиночеству, а наоборот – нуждается в любви и внимании, необходимости быть нужным близким. Но ни условиями социальной жизни, ни собственными умениями он не может изменить жизненную ситуацию. Поэтому он либо пересчитывает реальность, либо проецирует на нее архетипы своего сознания. В том и другом случае возникает мифический вариант реального события, когда разрешаются неразрешимые коллизии. Выход из такой ситуации сопровождается либо погружением в прежний поток жизни, и чудесная ситуация остается как лечащее воспоминание, либо остается вера в подлинность пережитого в сознании, и человек живет в своем мифе, в надежде на мир других возможностей.

Особенность сюжетики прозаических текстов Людмилы Петрушевской заключается и в том, что мистические ситуации в жизни персонажей возникают в предельных ситуациях: смерти близких и приближения собственной. «Ощущение удара, когда от тебя уходит жизнь, счастье, любовь» («Где я была») наступает не обязательно перед смертью, но экзистенциальная ситуация отпадения от прежнего существования непереносима, хотя может быть вызвана только равнодушным взглядом мужа, и возникает желание куда-то уехать, перенестись в иную реальность. Новеллистическая острота исходной ситуации обуславливает иррациональный вариант видения и переживания испытания – смешение реальности и воображения.

Финал таких рассказов либо возвращает героя в реальность, оставляя объяснением воображаемые причины спасения, либо рассказ заканчивается мистически, превращая воображение в метафорическое изображение смерти как спасения от ужаса реальности («Два царства»).

В рассказах Людмилы Петрушевской совершенно иной тип нарратора, он отличается от тургеневского. Рассказчик у современной писательницы выражает массовое сознание горожан, также вносит голос предания, которое трансформируется, но сохраняется в современной урбанистической цивилизации. Амбивалентная модальность проявляется в голосе городского народа, рассказах о таинственных разрешениях жизненных противоречий. Одновременно выражает иллюзию и подвергает ее сомнению. Объяснениями нарратора в причинно-следственном аспекте создается двойственная модальность возможного вторжения чудесного. В рассказах вмешательству умерших людей, как правило, существуют бытовые объяснения того, по какой причине они «задержались» в физическом мире после смерти. В данных рассказах существует

опора на архаические представления о привидениях, также опора на христианские мифы о присутствии души в мире земном определенный период после смерти. Вера в такие архаические мифы является одновременно верой в некую материальную силу, которая позволяет преодолеть грань возможного. Сделать это можно, по мысли автора, с помощью духа, чувств, желанием спасти дочь от смерти или восстановить любовь к умершей матери.

Так, совершенно новое понимание всей жизни дает героине одного из рассказов встреча с гостем из посмертного мира, а точнее с тем, кто обрел знания о посмертном мире. Семантика переходного пространства является составляющей образа иного мира. Также, архетипические символы, в которых модернизированы образ дороги, проводники, не являющиеся призраками. Они в авторской стилистике символизируют спасение. Например, в обычном многоэтажном доме спасительная комната, где происходит встреча с женщиной, которая похожа на призрак, но еще не стала им, все происходящее в том же пространстве города, откуда собиралась исчезнуть героиня рассказа.

Обретение знания зарисовано в рассказах в странных свойствах тех или иных предметов. Например, девушка находит в своих вещах записку, написанную при странных обстоятельствах (она лежала на столе в момент, когда девушка уснула, впала в измененное сознание; записка оставалась пустой, а теперь на ней чудным образом проявились слова покаяния перед матерью).

Чудесное входит в рассказ как нарративный прием, условность, мотивируемая временным изменением сознания персонажа. Героиня возвращается к восприятию действительности, вспоминает о причинах, толкавших к самоубийству (брошена любимым, родители кажутся равнодушными и бессильными помочь). После обретения опыта в расширенном сознании она поняла отношение к себе не как вину, а как бессилие близких изменить разнонаправленные условия жизни, в которых одна большая беда растворяется во множестве мелких бед. Речь идет не об оправдании или прощении, а о понимании, похожести других на самое себя, понимании общей подавленности людей потоком жизненных трудностей, что отдаляет от сочувствия и помощи: «И увидела, что там, в той жизни, за стеной храпит ее больной дедушка, а мама лежит на раскладушке поблизости от него, потому что он тяжело заболел и все время просит пить».

Преображения не возникает, так как понимание не меняет обстоятельства, но снимает претензии к жизни. Занятая заботой, мать чувствовала беду дочери, но бессильна спасти и своего больного отца, и одинокую дочь. Войдя в комнату, где дочь укрепляла петлю, она рассказывает страшный сон, где рука дочери тянулась к ней с просьбой помочь («Я плакала во сне»), – это и есть возможная степень соучастия – разделить

страдание. «Видение» героини следует сюжету посещения загробного мира, и это архетипические следы сознания, выстраиваемые не встречей с иномирием, а логикой коллективного бессознательного и логикой самоанализа. И в «ином мире» она видит образы одиноких, несчастных и отчаявшихся.

Заключение.

Внимание, состоящее из сострадания к людям, опыт чужого страдания, а также способ преодоления смерти не утешает, а, наоборот умножает понимание безнадежности жизни, дает абсурдный пример заботы о близком, жестоком бытии.

У Петрушевской безжалостность материальной жизни осложняется безжалостностью социально-

го устройства, отношениями между людьми, равными жертвами бытия. «Другой – это ад», – можно сказать и о героях Петрушевской, но в отличие от модернистского экзистенциализма Петрушевская оставляет человеку возможность бессильного сопротивления отчаянию, абсурдную иллюзию «бессмертной любви» и к другим, и к жизни как таковой.

Таким образом, исследование показало, что использование художественных текстов Людмилы Петрушевской в обучении русскому языку как иностранному способствует формированию межкультурной компетенции у студентов, что помогает им более эффективно взаимодействовать с представителями других культур и успешно адаптироваться в многонациональной среде.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. 4-е изд., М. : «Русский язык», 1990. 269 с.
2. Воркачев С.Г. К апологии лингвокультурного концепта. Волгоград : Парадигма, избранные работы по теории лингвокультурного концепта, 2013. 243 с.
3. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 25 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001.
5. Немыка А.А. Единицы языка для специальных и художественных целей. Краснодар, 2013.
6. Петрушевская Л.С. Случай в Сокольниках. М. : Вагриус, 2002. 22 с.
7. Петрушевская Л.С. Песни восточных славян / Л.С. Петрушевская // Новый мир. 1990. № 68(788). С. 7–19.

References:

1. Vereshchagin E.M. Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. 4th edition. M. : «Russian language», 1990. 269 p.
2. Vorkachev S.G. Towards an apology for the linguocultural concept. Volgograd : Paradigm, selected works on the theory of linguocultural concept, 2013. 243 p.
3. Karasik V.I. Language matrix of culture. M. : Gnosis, 2013. 25 p.
4. Maslova V.A. Linguoculturology. M. : Academy, 2011.
5. Nemyka A.A. Units of language for special and artistic purpose. Krasnodar, 2013.
6. Petrushevskaya L.S. Case in Sokolniki. M. : Vagrius, 2002. 22 p.
7. Petrushevskaya L.S. Songs of the Eastern Slavs / L.S. Petrushevskaya // New world. 1990. № 68(788). P. 7–19.

Информация об авторах

Павловская Ольга Евгеньевна

доктор филологических наук,
заведующая кафедрой
русского языка и речевой коммуникации,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
oera@mail

Olga E. Pavlovskaya

Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Language
and Speech Communication,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
oera@mail

Бажан Алина Андреевна
магистрант 1 года обучения
филологического факультета,
Кубанский государственный университет
bazhan1607@gmail.com

Тасаковская Дарья Сергеевна
магистрант 2 года обучения
филологического факультета,
Кубанский государственный университет
darya.tasakovskaya@gmail.com

Alina A. Bazhan
1-year Undergraduate Student
of the Faculty of Philology,
Kuban State University
bazhan1607@gmail.com

Darya S. Tasakovskaya
2-year Undergraduate Student
of the Faculty of Philology,
Kuban State University
darya.tasakovskaya@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.88.87.016>
УДК 81'373.611

Attribution
cc by

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМ ИСТЫИ И ИСТИНЬНЫЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ткаченко М.С.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются прилагательные ИСТЫЙ и ИСТИНЬНЫЙ, рассматриваемые в диахроническом аспекте выражаемых значений путем соотношения сем производной и производящих основ. Проводится детальное семемное описание прилагательного ИСТЫИ и производных ИСТИНА и ИСТИНЬНЫЙ на материале словарей древнерусского языка путем анализа приводимых контекстных употреблений с целью построения семантической модели. Сравнение полученных данных позволило выделить семантическое основание внутренней формы слова, а сопоставление близких сем – отметить пути развития новых семем и нейтрализацию прежних. Отдельное внимание уделяется критериально-оценочным значениям у лексем ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫЙ, особенно в тех случаях, когда иллюстративный материал словарной статьи позволяет выявить основания оценок экзистенциально-деонтического типов, согласно классификации С.О. Малевинского. Завершается исследование установлением общих и дифференциальных сем в ряду рассмотренных лексем.

Ключевые слова: сема, семема, семантика, имя прилагательное, оценка, критериальная оценка, критериальные оценки деонтического типа, критериальные оценки экзистенциального типа, метод моделирования, словообразовательное гнездо, исторические словари русского языка, номинация, древнерусский язык.

SEMANTIC-WORD-FORMATION CONNECTIONS OF THE LEXEMES ISTYI AND ISTINNY IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Maxim S. Tkachenko

Kuban State University

Abstract. The subject of this study are the adjectives PURE and TRUE, considered in the diachronic aspect of the meanings expressed by the ratio of these derivatives and generating bases. A detailed family description of the adjective PURE and derivatives TRUE and TRUE is carried out on the basis of dictionaries of the Old Russian language by analyzing the contextual uses given in order to build a semantic model. A comparison of the data obtained made it possible to identify the semantic basis of the internal form of the word, and a comparison of close semes – to mark the ways of development of new semes and the neutralization of the former ones. Special attention is paid to the criterion-evaluative values of the lexemes TRUE and TRUE, especially in cases where the illustrative material of the dictionary entry allows us to identify the bases of assessments of existential deontic types, according to the classification of S.O. Malevinsky. The study concludes with the establishment of general and differential semes in a number of the considered lexemes.

Keywords: sema, sememe, semantics, adjective, evaluation, criterion evaluation, criteria-based assessments of the deontic type, existential type criteria assessments, modeling method, word-formation nest, historical dictionaries of the Russian language, nomination, Old Russian language.

Введение.

Цель настоящего исследования – проследить развитие лексического значения через соотношение с внутренней формой слова прилагательных ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫЙ в древнерусском языке. Согласно А.А. Потебни, «всякое новое слово имеет представление, т.е. [...] всегда заключает в себе один признак, общий со значением, ему предшествующим»; «из значения прежнего сло-

ва в новое входит только один признак» [5, с. 34]. Этот признак и называется внутренней формой слова. Такой посредник между двумя сравниваемыми мыслительными единицами ученый именует *tertium comparationis*. Развивая мысль А.А. Потебни, В.Г. Гак считает, что в процессе группировки и классификации новых объектов субъект пользуется уже готовыми в языке элементами плана содержания и выражения. Эту же мысль развивает О.Е. Павловская и С.О. Малевинский, гово-

ря о видах значений полнозначительных слов [4, с. 5].

Выбор внутренней формы слова – явление не случайное, а отражает результат коллективного познавательного процесса. При этом интерес представляет выбор признака номинации, который может быть как объективным, т.е. отражать реальные черты, отмеченные лингвокультурным сообществом, так и субъективно-прагматическим.

Прилагательные ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫИ находятся в отношениях словообразовательной и семантической производности. Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова, прилагательное ИСТИНЬНЫЙ в современном русском языке является производным от существительного ИСТИНА [10, с. 282], от которого оно образовано суффиксальным способом. В свою очередь, ИСТИНА содержит непроизводную основу. Однако по данным исторических словарей, в древнерусском языке существительное ИСТИНА происходит от основы ист – как в прилагательном ИСТЫИ и, следовательно, является производным.

Все производные слова сохраняют семантическую связь с производящей основой по одному из признаков. Когда же эта связь разрывается, прекращаются и связанные с ней словообразовательные отношения. Нужно полагать, именно это и произошло со словами ИСТЫИ и ИСТИНА в современном русском языке.

Для анализа динамики изменений словообразовательных и семантических отношений нами были проанализированы словарные дефиниции семантики лексем ИСТЫИ → ИСТИНА → ИСТИНЬНЫИ для древнерусского языка XI–XIV вв. В качестве исторических словарей были использованы «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (СДРЯ), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СРЯ XI–XVII) «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, (МСДРЯ) «Словарь русского языка XVIII в.» (СРЯ XVIII), «Словарь Академии Российской» (САР). В ходе анализа использовалась методика анализа словарных дефиниций, предложенная И.А. Стерниным [9, с. 16].

Обсуждение.

«Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) у прилагательного ИСТЫИ выделяет значение, которое иллюстрируется синонимами *подлинный, настоящий* [6, с. 177]. Однако в памятниках переводного характера древнерусское прилагательное ИСТЫИ используется в качестве эквивалента греческому прилагательному. Так, в Кормчей Рязанской 1284 года читаем: *не приидеть же на имъне должника заимодавецъ. прѣже даж(ь) не исповѣдано будетъ. пре(д) послухы съглашение. на сповѣстники и на поручники и на съвѣтныкы. и тако на имъне приити істаго* (той τρωτότυπος) должника. Можно заметить, что прилагательное *истый* (1) синонимично указательному местоимению *тот* или

выражению *тот самый*, соответствующие греческому слову τρωτότυπος. Это значение приводит также И.И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка»: *Истому* (тому самому) *королеви Володиславови* (Грам. Дм. Ольгерд. 1388) [8, с. 1144–1145].

Кроме этого, прилагательное ИСТЫИ обозначало (2) истинность чего-либо, соответствие действительности (2.1) в противоположность тому, что таковым не является: *познавъше пътищи своѣго оца, оставивъше неістаго потекуть къ истоумоу* (Иппол. Антихр. 55). В русском языке в этом значении употребляется прилагательное *настоящий*, например, в выражении *найти настоящего отца. И иже видѣли бѣху Александра жива, и кленяхуся яко тѣ ес(ть) истыи* (Флавий. Полон. Иерус. I, 134). Можно заметить, во втором примере соответствие действительности мыслится (2.2) как противоположность видимости, призрачности.

В следующем примере: *наоучижеся ш(т) Юврѣя богословію, аще и не явѣ истою.*, – древнерусская лексема является эквивалентом греческому ἀκραιφής «несмешанный, чистый», «нетронутый, чистый» [1, с. 68]. *Истым богословием*, надо полагать, называется богословие истинной веры, т.е. такое богословие, чистота которого ведет к познанию истинного Бога. Именно на такое понимание указывает противопоставление истинного христианского богословия иудейскому, в котором автор высказывания видит искажение богооткровенной истины. Таким образом, прилагательное ИСТЫИ (3) синонимично значению *сохраняющий первоначальную чистоту, лишенный какого-либо смешения*, как в современных выражениях *чистое золото, чистый спирт*.

Иное значение встречаем, например, в следующем памятнике XIV века: *то бо есть истая ересь иже бо пристати къ нравомъ шканьныхъ садукии*, где рассматриваемое прилагательное обозначает не просто ересь, а ересь (4) действительную, настоящую, со всеми признаками, природа которой не вызывает сомнений. В данном случае, актуальным оказывается указание на соответствие ментальным образованиям, мыслимым в качестве необходимых, но необязательно предусмотренных содержанием логического понятия. В русском языке, в данном случае, было бы уместно прилагательное *настоящий*, как, например, в выражении *он высказал настоящую ересь*.

Прилагательное ИСТЫИ может указывать также на (5) высокую степень обладания какими-либо качествами. В этом случае оно заменяет греческое ἀκρος в значении «наилучший, превосходный» [1, с. 71]: *бѣ бо звѣздозаконьникъ истыи, шцем своимъ наказанъ* (ГА XIII–XIV, 51r). Если толковать значение данного прилагательного через *настоящий*, как предлагает словарь, то наиболее справедливым было бы соотнести такое употребление с выражениями типа *настоящий мастер, настоящий виртуоз*.

Следует также отметить случаи, где невозможна однозначная семантическая интерпретация, очевидно, по причине совмещения нескольких значений: *тѣм же и болень моужь твораиса създравъ **истаго здравия** не шбращеть*. Логично предположить, что под словосочетанием *истым здравием* можно понимать здоровье не только кажущееся, но и действительное. С другой стороны, нельзя исключать и сему полноты, совершенства, то есть здоровья тела и души.

Прилагательное ИСТЫИ может указывать на (6) те качества, которыми денотат определяемого существительного должен обладать. Эти качества устанавливаются в соответствии с предметом оценки его природе: *истаа бо **вѣра** дѣлы са авляеть* (Ю. экз. Бог. 246); *Имать бо съ собою **истааго кърмчю** Христа* (Иппол. Антихр. 59). В данных примерах лексема ИСТЫИ употребляется в критериально-оценочном значении деонтического типа, где в роли оснований оценки выступают ментальные образования, обусловленные представлением о том, какими должны быть настоящая вера или настоящий кормчий. Примечательно, что на месте лексемы ИСТЫИ в словосочетании *истый кормчий* употребляется греческое прилагательное *ἐμπειροῦ*, переводимое на русский язык как *имеющий опыт, сведущий* [1, с. 523]. Полагаем, что именно эти признаки и являются оценочными основаниями.

Особняком стоит значение прилагательного ИСТЫИ (7) как того, что содержит или отражает ведение, подаваемое свыше: *раздрѣшева, прехвальне, тьму невѣжьствьну, **свѣтъ** же **истъ** блистова Дамаску трисъставьнь* (Мин. окт., 7. 1096 г.). *Истымъ свѣтъмъ*, как нам кажется, автор канона называет особое просвещение ума, которое приближает человека к пониманию божественных истин, не доступных для ума земного, плотского.

Таким образом, словари древнерусского языка демонстрируют наличие у древнерусского прилагательного ИСТЫИ следующие семемы: 1. тот, тот самый; 2. соответствующий действительности 2.1. в противоположность тому, что таковым не является или 2.2. видимости, прозрачности чего-либо; 3. то, что лишено примесей и сохраняет первоначальную чистоту; 4. действительный, со всеми признаками чего-либо; 5. в высокой степени обладающий какими-либо качествами; 6. такой, какой должен быть; 7. указывающий на сверхъестественное, божественное ведение.

Существительное ИСТИНА является производным от основы *ист-*, от которой оно образовано суффиксальным способом. «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» выделяет у него следующие семемы.

Истиной называется то, что (1) соответствует действительности, или (1.1) реальному положению дел в настоящем или прошлом. Данное значение находим в случаях, когда речь идет о ка-

ком-то событии, факте: *истиною ти вѣщаю отче яко азъ самъ пометахъ соустькъ тѣ* (ЖФП XII); *и глагола юмоу оуноша всю истину* (Прл XIII, 276). Иные контексты подчеркивают значение истины (1.2) как противоположности лжи, обману: *яко же рече ап(с)ль. отъложивъше лъжю вѣштате истину* къждо съ ближнимъ своимъ (Изб 1076, 203).

В ряде случаев, ИСТИНОЙ называется (2) знание, подаваемое свыше, которое является способом и следствием богопознания: *подобаетъ всѣхъ шчиститиса [...] хотацемоу оуловити **истиною*** (ПНЧ 1296); *Моисии прмдримъ вѣмъ оучитель наре(ч)са, неизреченьнымъ изгльникъ, **истинѣ** извѣстьникъ бж(с)твьныи* (ГА XIII–XIV); *Максимъ и федотъ. х(с)ва мчника ходашо по всемоу градуу и вси. съ дързновениемъ проповѣдаста **истиною**. и бга исповѣдаста* (Прл XIII). Словарь, однако, в этом случае дает лишь помету о христианстве, не выделяя при этом особого ЛСВ. Отголоском этого значения в современном русском языке является выражение *истинная вера*.

Интересно отметить, что в переводных с древнегреческого на древнерусский язык текстах обоим значениям соответствует одна лексема *ἀλήθεια*, которая, согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И.Х. Дворецкого, второго, христианского, значения не имеет [1, с. 77–78].

Нельзя не заметить, что существительное ИСТИНА также эксплицирует значение (3) справедливости в составе устойчивых выражений: *како не правосудите. но мзды ради **погубляете истину*** (Пр 1384, 74г); *тѣм же съ многымъ долготерпѣньемъ оуловивше правду. створите истину* (РПРМус сп. XIV, 3).

Фразеологически, связанным также является употребление слова ИСТИНА в значении (4) *верности кому-либо: и ти принимающее харатью на роту идуть **хранити истину*** (ЛЛ 1377, 13 об. 945).

Отдельный интерес представляет пятый ЛСВ, в котором ИСТИНОЙ называется (5) действительное количество товара, денег (без прибыли) [8, с. 320]. Выше указывалось, что прилагательное ИСТЫИ могло обозначать отсутствие примесей, а сочетаясь с существительными *плата*, *стоимость*, указывало на отсутствие процентов или дополнительной прибыли при продаже или займе. Теперь, как видно из памятников XV–XVI вв., основное значение оказалось не востребуемым и вытесненным более частным, что обусловливается сокращением числа слов, способных сочетаться с прилагательным ИСТЫИ в рассматриваемом значении.

Таким образом, выделенные на основе анализа словарных дефиниций и контекстуальных употреблений значения можно представить в виде следующей модели:

ИСТИНА:

- 1) то, что соответствует действительности;
- 2) знание, духовное ведение, сообщаемое свыше;
- 3) справедливость, законность;
- 4) верность;
- 5) количество товара, денег без прибыли.

Прилагательное **ИСТИНЬНЫИ** демонстрирует гораздо большее число ЛСВ по сравнению с лексемой, содержащей производящую основу. Анализ словарного материала позволяет выделить около восьми ЛСВ.

Относительное прилагательное **ИСТИНЬНЫИ**, будучи образовано от существительного **ИСТИНА**, употребляется в тех случаях, когда также указывает на (1) соответствие какого-либо предмета или явления действительности, причем это соответствие бывает аспектуальным: истинность как соответствие чего-то своей природе может противопоставляться показному или кажущемуся проявлению свойств какого-либо предмета: *кающихся о исходъ еретикъ подобають примати [...] нь искоушающе. аще истинною показаютъ покаянию* (КЕХII, 181б); *просвѣтити юго истиннымъ блгразумьемъ* (ЖВИ XIV–XV, 71в); *исправлениа же похотнаго се соуть. желанию истиннаго добра* (КР 1284б 203в). В другом случае, значением соответствия чего-либо действительности можно считаться указание на реальность чего-либо в противовес образу или образу (изображению): *змия мѣдная не бѣ истинная змия. но обра(з) имѣ змия* (ГБ XIV, 70г).

Сочетаясь с одушевленными существительными, лексема **ИСТИНЬНЫИ** (2) приобретает значение *правдивый, говорящий правду*: *нь искати послуухъ истинень. боящихся бга нарочить* (МПр XIV, 72); *Истинень боуди. истинны же имѣи и друугы* (Мен к. XIV, 183 об.).

Близким к указанному мы относим значение **ИСТИНЬНЫИ** как (3) *содержащий истину*. Истина при этом может (а) противопоставляться лжи или (б) актуализировать значение высшего, божественного откровения (см. выше): (а) *истинна бо соуть влдыкы словеса яко же рече. яко славащая ма прославию* (ЖФП XII, 65а); *и видѣвъ свѣдѣтельствова. и истинно есть свѣдѣтельство его* (КР 1284, 274в) (б) *и послань бысть в критъ. и проповѣдавъ слово истинною. с миромъ оусле* (Пр 1383, 151–152).

Также, как и существительное **ИСТИНА**, производное от него прилагательное **ИСТИНЬНЫИ** (4) способно выражать значение справедливости. Причем, это значение, в зависимости от контекста, приобретает оттенок (а) справедливости,

законности в рамках общественных отношений или (б) оттенок высшей, божественной справедливости: (а) *истинная хоула лочечи юсть лицемѣрная славы* (Пч к. XIV, 91 об); (б) *судя судъ истинень и нелицемѣрень* (ЛЛ 1377, 149 (1212)).

Особое место в семантической структуре рассматриваемого прилагательного занимают (5) семема с критериально-оценочным значением, которые С.О. Малевинский относит к оценкам экзистенциального и деонтического типа [2, с. 86].

(5.1) Первый вид оценок, имеющий общее значение типичности/нетипичности, дан в следующих примерах, в которых прилагательное **ИСТИНЬНЫИ** указывает на полный набор ментальных образований, или стереотипов, мыслимых в качестве сущностных для какого-либо предмета или явления: *въведе и въ црковь и на полати да видать истинное хр(с)тъянство. и крѣстатъся* (ЛИ ок. 1425, 208 об. (1175); *истинного друуга въ напастехъ не боиса* (Пч к. XIV, 22); *иже не одежетъ оубогааго. а имѣнию. имѣя. то юсть истинны разбоикъ* (Изб 1076, 94).

(5.2) Критериальную оценку деонтического типа, или оценку того, каким предмет должен быть, мы находим в следующих примерах: *нѣсть празника истинному мниху на земли. праз(д)никъ мниху блгъ плачь всегда* (ИларПосл XI сп. XIV, 200–200 об.); *се бысть истинны пастырь пасъ стадо люди земля Ростовская с кротостью* (ЛЛ 1377, 168 (1262); *и обиходаше [Ольга] всю русьскую землю. дани и оуроки оуставляющи. кюмиры скрушающа. яко истинная оучница хва* (ПрП XIV–XV (2), 185б). Из этих контекстов видно, что прилагательное **ИСТИНЬНЫИ**, сочетаясь с существительными *пастырь, монах, ученица* (Христа), выражает значение образцовости, достигаемой путем соответствия критериям, мыслимым в качестве обязательных для оцениваемого предмета.

Иногда, древнерусское прилагательное **ИСТИНЬНЫИ** употребляется (6) в значении *искренний*: *аще истиннымъ срдцьемъ и върою обратиться къто отъ нихъ* (КЕ XII, 74–75). Очевидно, подразумевается искренность сердца как символ чувств; то есть, искренность самих чувств.

Исследуемое прилагательное, сочетаясь с некоторыми существительными, (7) имеет значение *уважительный, оправданный*: *и аште боудеть истинна вина. милость да полуочить* (КЕ XII, 14а).

В иных случаях, это значение переосмысливается и (8) употребляется для указания на то, что имеет вес, силу: *въ законѣбо вашемъ написано юсть, яко двоу члвкоу свѣдѣтельство истинно ю(с)* (Пч к. XIV, 110).

Таким образом, модель ЛСВ прилагательного ИСТИНЬНЫЙ можно представить в следующем виде:

ИСТИНЬНЫЙ:

- 1) соответствующий действительности: не показной, противопоставленный образному;
- 2) тот, кто говорит правду;
- 3) содержащий истину как то, что противоположно лжи, и истину как богооткровенное знание;
- 4) справедливый по человеческой или божественной мере;
- 5) в критериально-оценочном значении:
 - 5.1) со всеми признаками чего-либо, соответствующий природе чего-либо, типичный;
 - 5.2) такой, какой должен быть;
- 6) искренний;
 - 7) уважительный;
 - 8) то, что имеет вес, силу.

Представленные модели, однако, не отражают частотность употребления, вследствие чего невозможно выстроить иерархию этих значений. Причиной этого является ограниченность словарного материала. Однако использованная методика семантического описания, предложенная И.А. Стерниным, позволяет с большой степенью вероятности выделить возможные значения, иерархия которых возможна только при работе с обширным текстовым материалом.

Результаты.

Сравнивая полученные в ходе анализа значения и их компоненты, можно сделать следующие выводы, которые должны учитывать словообразовательную соотнесенность лексем: ИСТЫИ → ИСТИНА и ИСТИНА → ИСТИНЬНЫЙ.

1. У лексем ИСТЫИ и ИСТИНА выделяется общая сема *то, что соответствует действи-*

тельности. Однако существительное ИСТИНА развивает особый аспектуальный признак этого соответствия – *противоположный лжи или обману*. Общей также является сема *знания или ведения, подаваемого свыше*.

2. Производное ИСТИНА сужает значение *без смешения, сохраняющий первоначальную чистоту*, наблюдаемое у производящей основы, прилагая этот признак к существительным со значением товара, денег.

3. Прилагательное ИСТИНЬНЫЙ обнаруживает с производящей основой в слове ИСТИНА также общую сему соответствия действительности. При этом заслуживают внимания как совпадение, так и различие аспектуальных признаков. В первом случае сохраняются актуальными семы *противопоставленный лжи и содержащий откровение, подаваемое свыше*. Во втором случае наблюдаем развитие нового признака – *противопоставленный образу или прообразу*. Отдельно нужно сказать о сохранении семы *противопоставленный кажущемуся*, которая была отмечена у лексемы ИСТЫИ и была, следовательно, заимствована у производящей основы второго ряда.

4. Подобные семантические отношения, которые «игнорируют» непосредственно производящие основы, можно проиллюстрировать также развитием у прилагательного ИСТИНЬНЫЙ критериально-оценочной семантики экзистенциального и деонтического типа, как у лексемы ИСТЫИ.

Выводы.

Таким образом, семантико-словообразовательные отношения у древнерусских лексем ИСТЫИ → ИСТИНА → ИСТИНЬНЫЙ обнаруживают (1) общие (интегральные) семы и их общие аспектуальные оттенки, (2) общие семы с различными аспектуальными оттенками. При этом общность сем не всегда обусловлена семантикой лексемы первого словообразовательного ряда. И, наконец, мы отметили (3) сужение экстенционала семы и (4) появление новых сем как результата семантического развития в языке.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. Т. 1: А–Л / Сост. И.Х. Дворецкий; Ред. С.И. Соболевский. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1044 с.
2. Малевинский С.О., Ахмадзаи С.А. Критериальная оценочность в русской речи : монография / С.О. Малевинский, С.А. Ахмадзаи. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2016. 394 с.

© Ткаченко М.С.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы : монография. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. 327 с.
4. Павловская О.Е. О семантической структуре полнозначного слова / О.Е. Павловская, С.О. Малевинский // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 4. С. 252–266.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М. : Гос. учебно-методическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / Под ред. Р.И. Аванесова. Т. 4: Изживати–Моление. М. : Русский язык, 1991. 559 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 28 т. / Под ред. С.Г. Бахурдарова. Т. 6: Зипунь-Иануарий. М. : Наука, 1979. 360 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А–К. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1893. 806 с.
9. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте : учеб. пособие / И.А. Стернин М.С. Саломатина. Воронеж : Изд-во «Истоки», 2011. 150 с.
10. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1: А–П. М. : Русский язык, 1985. 854 с.

References:

1. Ancient Greek-Russian dictionary : in 2 vol. / Vol.1. A-A / Comp. I.H. Dvoretzky; Ed. S.I. Sobolevsky. M. : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. 1044 p.
2. Malevinsky S.O. Criterion evaluation in Russian speech : monograph / S.O. Malevinsky, S.A. Akhmadzai. Krasnodar : Kuban State University, 2016. 394 p.
3. Nikiforova E.B. Semantic evolution of the lexical system of the Russian language: trends, vectors, mechanisms : monograph. Volgograd: Publishing house of VSPU «Change», 2008. 327 p.
4. Pavlovskaya O.E. On the semantic structure of a full-meaning word / O.E. Pavlovskaya, S.O. Malevinsky // Proceedings of the Kuban State Agrarian University. 2006. № 4. P. 252–266.
5. Potebnya A.A. From notes on Russian grammar. M. : State Educational and Methodical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1958. 536 p.
6. Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV cent.) : in 10 vol. / Edited by R.I. Avanesov. Vol. 4: Izzhivati–Prayer. – Moscow: Russian language, 1991. 559 p.
7. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries : in 28 vol. / Edited by S.G. Bakhurdarov. Vol. 6: Zipun-January. M. : Nauka, 1979. 360 p.
8. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language. Vol. 1: A–K. SPb. : Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893. 806 p.
9. Sternin I.A. Semantic analysis of a word in context : textbook / I.A. Sternin, M.S. Salomatina. Voronezh : Publishing house «Istoki», 2011. 150 p.
10. Tikhonov A.N. The word-formation dictionary of the Russian language. Vol. 1: A–P. M. : Russian language, 1985. 854 p.

Информация об авторе

Ткаченко Максим Сергеевич
магистр филологии,
соискатель кафедры
общего и славяно-русского языкознания,
Кубанский государственный университет
Tkachenko@mail.ru

Maxim S. Tkachenko
Master of Philology,
Applicant for the Department
of General and Slavic-Russian Linguistics,
Kuban State University
Tkachenko@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.47.62.004>
УДК 81-11

Attribution
cc by

МАЛОФОРМАТНЫЕ ТЕКСТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Хусаинова М.А.¹, Стройков С.А.²

¹Самарский государственный технический университет,

²Самарский государственный социально-педагогический университет

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ малоформатных текстов (МФТ), используемых в учебных пособиях «English Unlimited» (Elementary, Intermediate, Advanced), репрезентирующих современный англоязычный образовательный дискурс. Основными методами исследования послужили анализ лингвистической литературы, метод контент-анализа, а также качественный сравнительный анализ. Текстовый компонент учебника рассматривается в статье в качестве образовательного дискурса, существующего в контексте академического общения. В работе также рассматриваются особенности малоформатных текстов, осуществляется их систематизация, описываются их основные характеристики. Анализ малоформатных текстов учебника «English Unlimited» показал, что они в образовательном дискурсе связаны с деятельностью человека, его чертами характера, профессиональными сферами, знаниями и интеграцией информационных технологий в жизнь человека. В работе отмечается, что малоформатные тексты, характеризующиеся интертекстуальностью, представляют собой ситуации, рассказы, статьи, диалоги, аннотации, обзоры блогеров и монологи.

Проанализировав учебники разного уровня, авторы пришли к выводу о том, что эти учебные материалы структурированы таким образом, чтобы в центре внимания была фигура человека. Таким образом, тексты малого формата в образовательном дискурсе вращаются вокруг человеческой деятельности, черт характера, профессиональных сфер, знаний и интеграции ИТ в человеческую жизнь. Эти тексты способствуют созданию условий для глобальной коммуникации.

Ключевые слова: малоформатный текст, особенности малоформатных текстов, характеристики малоформатных текстов, англоязычный образовательный дискурс, интертекстуальность, антропоцентризм, учебные материалы, концептосфера, академическое общение, коммуникация.

SMALL-FORMAT TEXTS IN EDUCATIONAL DISCOURSE

Maria A. Khusainova¹, Sergey A. Stroikov²

¹Samara State Technical University,

²Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract. The purpose of this study is to analyze small format texts used in the coursebook «English Unlimited» (Elementary [30], Intermediate [31], Advanced [29]), that represent modern English-language educational discourse. The main methods of the research were the analysis of linguistic literature, the method of content analysis, as well as the qualitative comparative analysis. The text component in the coursebook is considered in the paper as an educational discourse existing in the context of academic communication. The paper also considers some features of small-format texts, their systematization is carried out, and their main characteristics are described. The analysis of small-format texts of the coursebook «English Unlimited» showed that in the educational discourse they revolve around human activities, character traits, professional spheres, knowledge, and the integration of IT into human life. These texts facilitate the development of global communication conditions. The work also notes that small-format texts, characterized by intertextuality, are situations, stories, articles, dialogues, annotations, reviews of bloggers and monologues.

Having analyzed coursebooks of different levels, authors have found that these teaching materials are structured to place the human figure in the spotlight. In summary, small-format texts in educational discourse revolve around human activities, character traits, professional spheres, knowledge, and the integration of IT into human life. These texts facilitate the development of global communication conditions.

Keywords: small-format text, features of small-format texts, characteristics of small-format texts, English-language educational discourse, intertextuality, anthropocentrism, educational materials, conceptosphere, academic communication, communication.

Introduction.

Small-format texts often stand as research material within the framework of business discourse (A.A. Kharkovskaya), advertising texts on tourism topics (M.V. Cherkunova, A.A. Trenina), Internet discourse (Y.S. Gatina). There are some works that discuss methods of typological research of small-format texts, in particular, structural and semantic types of small-format texts and their functioning in various types of discourse, features of small-format texts categorization, their pragmatic potential and ways of intertextuality demonstration (E.S. Kubryakova, O.V. Bokova, I.B. Ruberg, L.I. Plotnikova, N.M. Necheporenko, etc.).

To observe the topic under consideration, research philosophy was chosen as a core method of scientific investigation. It is an important basis of every research, no matter what scientific field the paper is referred to. With the help of research philosophy method, it was also decided to use data collection which was done by the authors while working. Comparative and qualitative analysis were used to understand and interpret definitions applied in the paper.

Discussion.

The English language is a subject of research from both linguistic and philological perspectives in the present day. Currently, English holds the status of a global language for worldwide communication due to the military, economic, technological, and political influence of countries where English is the native language or an official language [27, p. 5–10].

In the realm of modern English-language education, which is evolving within the context of globalization and the diminishing of information barriers, the number of English learners is undoubtedly increasing. The primary focus is on developing effective English communication skills [2; 4; 7; 9; 10; 14; 16; 17; 18; 21; 22].

One of the challenges in modern educational discourse is the difficulty in finding suitable teaching resources. Additionally, there is a need to broaden the scope of English language coursebooks and incorporate texts from various discourse practices into educational materials.

Currently, small-format textual materials are becoming increasingly prevalent and are among the most common forms of written information. Their quantity and quality vary in different communicative contexts, steadily growing. Therefore, this study aims to analyze «small-format text» and identify its main characteristics. To clarify the concept of a «small-format text», let's categorize its key features.

The study of small-format texts as an object of linguistic research has gained significant attention in

recent years. Today it is customary to call small-format text any text, regardless of genre and content plan, that meets the condition of the main formal feature – brevity.

The purpose of creating any text, including small-format ones, is to convey information, and therefore each text is characterized by information content.

At the same time, the amount of information contained in the text is responsible for its information richness, which can vary, predetermining the selection and combinatorics of linguistic means.

Situationality concerns the factors which make a text relevant to a situation of occurrence. The situation in which a text is exchanged influences the comprehension of the text. R. Beaugrande and W.U. Dressler define the term «situationality» as «a general designation for the factors which render a text relevant to a current or recoverable situation of occurrence ... with our prior knowledge and expectations about how the «real world» is organized» [26].

Situationality concerns of the text correlates with significant factors of a specific communicative situation that influence the actualization of the meaning embedded in text structures, bringing to the fore certain specific semantic aspects determined by the current environmental parameters. The category of situationality concerns provides access to the text in the aspect of pragmatics, revealing its relationship with a broader real or fictional context in a specific act of speech interaction, and this, in turn, gives the text a discursive expansion.

There is a wide range of scientific papers that discuss various methods and techniques for the typological study of small-format texts. In particular, the structural and semantic aspects of small-format texts; their functioning in different types of discourse; pragmatic potential; ways of displaying intertextuality in these units. In all of these papers, it is noted that small-format text is a special subtype of text, characterized by a certain structure and essential semantic brevity.

I.B. Ruberg claims that in the terminological sense, a «small-format text» is precisely a type of text, a unit of «... a higher level of abstraction compared to the presented speech manifestation» [19, p. 3]. That is to say, by «text type» we mean «... a culturally and historically established outdated productive model, a sample of textual construction that determines the structure and structural features of specific texts with various thematic changes.

According to V.E. Chernyavskaya, each type of text determines a system of distinctive features assigned to it» [25, p. 60].

With this consideration of the text type of a small-format text, the taxonomic category represents a phenomenon of a more general order from the point of view of its relationship to the speech genre. The term «genre» is traditionally understood by M.M. Bakhtin as «... a relatively stable thematic, compositional and linguistic-stylistic type of statements (texts)» [3, p. 25; 1, p. 159–206], that is, speech genres directly correlate with a specific speech situation, due to which they are regulated according to the parameters of thematic content and the specifics of linguistic embodiment.

At the same time, a small-format text as a text type combines diverse genre formats related to various discursive segments – for example, anecdotes, horoscopes, weather forecasts, advertisements, news reports, scientific synopses, small forms of online literature and many others.

It is reasonable to assume that all small-format texts have a number of characteristic features and implement similar principles for performing a pragmatic task, due to the compressed text volume and the limitation on the number of linguistic means used.

T.M. Nikolaeva noted that «... the length of the text is included among its categorial features» [15, p. 415]. Moreover, in the modern world, the volume of text acts as one of the criteria for its communicative effectiveness [13; 28].

Examples of small-format texts that are actively studied by philological researchers demonstrate a noticeable diversity of their categorial features. As rightly been said by M.V. Cherkunova and A.A. Trenina, «the very concept of «small-format text» is interpreted quite broadly – from the names of textbooks, titles of TV shows and crime reports to abstracts and culinary recipes» [23, p. 69].

One of the well-known papers devoted to small format texts is an article by Russian cognitive scientist E.S. Kubryakova «On the text and the criteria for its definition.» The author notes that «the most blurred boundaries of the category of text are those that are associated with the upper limit, i.e., with the size or volume of the text, texts limited in length can be considered prototypical; texts are not just of average size, but texts of small volume, small texts» [12, p. 77].

According to E.S. Kubryakova: «small-format text is a text that is visible and observable in the smallest details, possessing such important characteristics as isolation, emphasis, formal and semantic self-sufficiency, thematic certainty and completeness. Moreover, for this kind of texts, their informative content is clear, their cognitive background is the meaning of its creation, its general intention and the result of creation realized in a special linguistic form of a special semantic space» [12, p. 72–89]. The precise characteristics of small-format texts, in contrast to the whole text, which is associated with a «multifaceted, diverse and multi-aspect phenomenon» [11], in which, despite a sufficient number of

definitions, there is no single universally accepted definition, in works devoted to the study of small-format texts. It is more difficult to find a clear definition of small format text. Many researchers [5; 20; 24] describe small-format texts as:

- texts that are characterized by slight variability in terms of their architectonics and do not exceed five to ten sentences;
- texts of 10–15 lines with a standard compositional structure, which are characterized by brevity and conciseness of linguistic means of expression [5, с. 189].

Small format texts are of great interest to researchers: their limited scope allows for a comprehensive and in-depth analysis of their main characteristics.

As it is rightly noted by A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk in the paper «Minitexts in Modern Educational Discourse: Functions and Trends», the main difference between the phenomenon of small-format text and the traditional adoption of text lies in the volume parameter: «a mini-format text, or minitext in fact differs from the generally accepted meaning of «text» only because it contains a limited volume of words, otherwise bearing typical features of all the classical standards of textuality (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality)» [28, p. 70].

Small-format texts exhibit certain systemic properties in terms of their formal structural organization (stereotypic compositional model, uncomplicated syntax, brevity of linguistic units constituting the text, etc.).

Currently, both Russian and foreign linguists have defined foreign-language educational discourse as primarily defining the status of an educational text as a piece of speech created for didactic purposes, encompassing content, style, and composition. An educational text is a component of the overall information presented in a textbook and is designed to facilitate controlled development of textual skills. It serves as the basis for imparting knowledge and necessary skills to individuals within a specific group at a particular stage of education [8, p. 37].

The textual content of a textbook can be viewed as a form of discourse, specifically, academic discourse that exists within the context of academic communication.

Results.

According to our research, the structure of contemporary English language teaching materials includes several components within the framework of written educational discourse. This structure encompasses elements of instructional content, encompassing all communicative signals and cultural language facts, as well as verbal texts and visual information (illustrations, photos, diagrams, charts, symbols) across various spheres of social activity:

«The panic about the dollar» [29, p. 93];

«This is the cutest soap that you will steal from a hotel, enjoy it» [29, p. 91];

«I'm lovin' it» [29, p. 91];

«I'm Katrin Mendes. The one on the right» [29, p. 21, ex. 1a];

Simultaneously, as components of the learning content, various textual samples are incorporated into a comprehensive model representing the learning process aimed at achieving practical, educational, and developmental objectives. Authentic educational discourse is distinguished by its feature of intertextuality. Essentially, the textuality of contemporary textbooks organizes the intertextual field, comprising a collection of verbal texts and symbols from other semiotic systems. The specificity of authentic educational texts lies in their reference to discourse as the primary source, represented by texts in scientific, journalistic, official, and business styles, ultimately connecting the reader to specific referents [8, p. 24].

The intertextual nature of educational discourse, as extensively explored in O.A. Klimanova's study, is also evident in small-format texts found in English language teaching materials. Small-format texts exhibit specific structural and formal characteristics as well as employ various non-linguistic elements systematically. The primary feature of such texts is their limited length, typically not exceeding fifty sentences. Some types of small-format texts display noticeable variability in their structure. Educational scenarios and their linguistic representations identify significant variability while emphasizing the dominant components and features of small-format texts in educational discourse.

Previous research by linguists has documented the distinctive aspects of small-format texts, considering both their structural and semantic features as well as their cognitive foundations. Clearly, small-format texts, as a textual form, serve various functions in society and are formally defined by their brevity. Key properties of modern small-format texts include positional independence (autonomous written pieces), semantic conciseness, and structural simplicity. Researchers commonly agree that a distinguishing characteristic of such texts is their «visual brevity,» stemming from the specificity of both schematic depth and communicative aspects of language. Small-format texts, despite their relative autonomy and self-contained nature, possess not only nominative but also considerable communicative-pragmatic potential [8].

Next, considering the existence of various definitions of small-format texts in contemporary linguistics, we adopt the definition proposed by E.S. Kubryakova, which we mentioned earlier, as a working definition. Our research interest lies in uncovering the linguistic nature of small-format texts based on their communicative functions, which facilitate complex interactions with the addressees or consumers. These small-format texts are part of our study samples.

Another crucial fact to note is the increasing role of effective teaching materials in foreign language instruction. This is because not every modern textbook can guarantee successful language learning and cultural understanding.

In modern teaching materials, authors consider the linguistic cognitive characteristics of learners in the educational process. The primary goal of contemporary authors is to create English teaching materials that can cater to students of various nationalities, helping them assimilate the presented content.

Furthermore, textbooks should meet the needs of individuals from diverse social backgrounds interested in learning English as a foreign language. An innovative aspect of modern English-language educational discourse is its focus on the topical conceptual sphere of educational content. Each knowledge level expands vocabulary resources, and at the core of each section lies the anthropocentric paradigm, which is currently one of the most prominent and relevant concepts in linguistics.

Almost all current teaching materials incorporate anthropocentrism as a central theme. Anthropocentrism is the inclination to place humans at the center of theoretical premises [6]. Considering anthropocentrism in the lexical system involves addressing numerous tasks and perspectives, including studying natural vocabulary to express the «Native model of man». Implementing anthropocentrism in texts and situations requires special attention to word functionality within the limited space of the text. Indeed, contemporary teaching materials published today place special emphasis on anthropocentrism.

Additionally, explanatory materials should be selected with great care to accommodate individuals from various cultures and knowledge levels adequately. The axiological approach to the selection of lexical material is pertinent, as it applies to reading and listening texts, the compilation of lexical and grammatical elements, and situations that foster speaking skills development. In other words, it contributes to updating the verbal structure of task formulations in English language textbooks.

Based on our analysis of the current English textbooks, specifically «English Unlimited,» it is evident that this series of materials is characterized by the following key aspects:

At the elementary level, the following topics are covered:

PEOPLE: Explored in sections like «People In Your Life», «Away from Home», and «What's she like». This topic includes linguistic markers related to family, friends, and guests.

TECHNOLOGY: Addressed in the unit «Changes» with markers indicating important events.

PLACE: Covered in the unit «Your Place», featuring markers such as flat, room, and personal space.

WORK: Examined in the unit «Work-life balance» with the workplace as a prominent marker.

JOURNEY: Presented in chapters like «Journey», «Getting Around», and «Experiences», with markers including airport, flight, great places, visitor, tickets, information, and recommendations.

These topics are suitable for small talk as people often prefer to discuss themselves, their occupations, and related subjects. According to a survey, men in the UK spend over six hours per day on leisure, sports, and hobbies, while women allocate just two hours to similar activities.

At the intermediate level, the following topics are covered:

TECHNOLOGY or MASS MEDIA: Explored in units like «Media Around the World» and «Good Communication» with linguistic markers such as entertainment, TV, Fact and Fiction, TV show, communication, and Internet.

PEOPLE, ATTITUDES, FEELINGS: Addressed in chapters like «Success», «Personal Qualities», «Truth and Lies», «Make up your mind», and «Impressions», with markers including ideas, hopes, dreams, ambitions, abilities, achievements, success, character, roles in life, gossip, secrets, friends, attitudes, witnesses, and memory.

MONEY: Examined in sections like «Looking back» and «Let me explain», with markers related to money, mistakes, rules, and risk.

JOURNEY: Presented in sections like «Any questions?», «Impressions», and «Lost and Found», with markers including memories, complaints, disputes, strangers, surveys, nightmare journeys, rubbish, freecycle, stuff, and property.

At the advanced level, the following topics are explored:

PEOPLE: Discussed in units like «Childhood», «Self», and «Health», with markers related to memory, children, and self.

TECHNOLOGY: Addressed in units like «Knowledge and Technology», «Self», and «Brand Awareness», with markers such as online self, agency, cards, brands, viral ads, products, mega-brands, cameras, profiles, and interviews.

PLACE: Covered in sections like «World» and «Concepts of Space», featuring markers like world, maps, restaurants, city, surveillance, and square.

KNOWLEDGE: Examined in sections like «Knowledge and Technology» and «Language and Literature», with markers including books, language, English, knowledge, and messages.

Conclusion.

Having analyzed coursebooks of different levels, we have found that these teaching materials are structured to place the human figure in the spotlight. In summary, small-format texts in educational discourse revolve around human activities, character traits, professional spheres, knowledge, and the integration of IT into human life. These texts facilitate the development of global communication conditions.

Our research is centered on small-format texts sourced from English language teaching materials called «English Unlimited». It comprises a six-level course designed for both students and adults, spanning from A1 to C1 proficiency levels. It caters to learners from the Starter to Advanced levels. All units in this course are tailored for focused and individualized learning. They include not only real-world tasks but also universally relevant activities aimed at developing foreign language skills for everyday use. Additionally, this international educational resource assists students in becoming more proficient in real-life communication and broadening their social awareness. Ultimately, this international course offers students excellent opportunities to communicate effectively with people from other nationalities without constraints. The overall framework of this educational resource places a strong emphasis on developing speaking skills alongside self-teaching methods, which are integrated seamlessly with real-life understanding.

One of the key characteristics of small-format texts, widely recognized by linguists, is their intertextuality. It is evident that small-format texts have a linguistic presence within the educational discursive space. Consequently, small-format texts encompass various narrative forms, including situations, stories, articles, dialogues, annotations, blogger reviews, and monologues.

In conclusion, the findings of the current study support the classification of the analyzed texts as belonging to the educational type of discourse. They effectively serve as a structured framework for conveying information and knowledge.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Гурочкина А.Г. Когнитивный и прагмасемантический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 102 с.
3. Дускаева Л.Р. О жанровых текстовых категориях / Л.Р. Дускаева // Жанры Речи. 2016. № 2. С. 25–32.
4. Ильичева Н.В. Коммуникативные стратегии в англоязычном учебном деловом видеодискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 164 с.
5. Исаева О.Н. Профессионально ориентированный текст малого формата как маркер организации информации в американском правоведческом учебном дискурсе / О.Н. Исаева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2014. № 1. С. 189–192.
6. Калабмет Е.В. Проявление антропоцентризма в современной лексикографии: на материале лингвистических словарей : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 177 с.
7. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж : ВГУ, 2003. 170 с.
8. Климанова О.А. Аутентичный учебный дискурс в контексте современных лингвистических исследований (на материале микротекстов формулировок учебных заданий) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 197 с.
9. Козлова Л.А. Межкультурная коммуникация и проблемы обучения английскому языку студентов – нелингвистов / Л.А. Козлова // Иностранный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации. Сборник статей по материалам межвузовской научно-методической конференции. Н. Новгород : Нижегородский филиал НИУ ВШЭ, 2011. С. 194–199.
10. Комина Н.А. Организационные параметры учебного дискурса в ситуации коммуникативно-ориентированного обучения языку / Н.А. Комина // Языковое пространство личности: Функционально-семантические и когнитивные аспекты. М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. С. 9–15.
11. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу психолингвистике текста) / В.В. Красных // Вестник московского университета. 1998. № 1. С. 53–71.
12. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72–89.
13. Леденева С.Н. О факторах коммуникативной эффективности текста / С.Н. Леденева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С. 97–101.
14. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 320 с.
15. Николаева Т.М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 415 с.
16. Пичкур А.И. Межкультурная коммуникация в учебном дискурсе (на материале аутентичных учебников немецкого языка) / А.И. Пичкур; Отв. ред. В.Д. Шевченко // Языковые процессы в дискурсе: Междунар. сб. науч. ст. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 107–113.
17. Пономаренко Е.В. О функциональной организации речевых средств в английском деловом дискурсе / Е.В. Пономаренко // Вестник СамГУ. 2013. № 5(106). С. 80–85.
18. Радько Г.А. К вопросу о специфике англоязычной деловой коммуникации / Г.А. Радько // Университетские чтения – 2011. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск : ПГЛУ, 2011. Ч. III. С. 139–144.
19. Руберг И.Б. Типологические характеристики английских малоформатных текстов «Рецепт» и «Полезный совет» : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ленинград, 1991. 19 с.
20. Турлова Е.В. Прагмалингвистические характеристики малоформатных текстов (на материале названий англоязычных учебно-методических пособий) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 15 с.
21. Харьковская А.А. Современный образовательный дискурс: лингвистические особенности учебных материалов по обучению английскому языку как иностранному / А.А. Харьковская // Актуальные проблемы современного социально-экономического развития: тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции. Самара : Международный институт рынка. 2011. Вып. 6. С. 421–422.
22. Харьковская А.А. Коммуникативные стратегии в современном межкультурном пространстве / А.А. Харьковская; Под ред. А.А. Харьковской // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках: межвузовский сб. науч. ст. Самара : Самарский университет, 2000. С. 81–90.
23. Черкунова М.В. Коммуникативно-прагматические параметры малоформатных рекламных текстов туристической тематики / М.В. Черкунова, А.А. Тренина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 68–72.
24. Черкунова М.В. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных элементов в малоформатных текстах рекламных аннотаций / М.В. Черкунова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 1. С. 192–199.
25. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М. : Либроком, 2009. 260 с.
26. Beaugrande R. de., Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. London, New-York : Longman, 1992. 286 p.
27. Crystal D. English as a Global Language. UK : Cambridge University Press, 2003. P. 5–10. URL : http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/nation_branding/English_As_A_Global_Language_-_David_Crystal.pdf (date of the application 30.03.2016).

28. Kharkovskaya A.A. Minitexts in modern educational discourse / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk // Functions and trends. Training, Language and Culture. 2017. № 1(1). P. 62–76.
29. Rea D. English Unlimited Advanced Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2012.
30. Rea D. English Unlimited Elementary Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2012.
31. Rea D. English Unlimited Intermediate Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2010.

References:

1. Bakhtin M.M. The problem of speech genres: collection of works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s. M. : Russian dictionaries, 1996. P. 159–206.
2. Gurochkina A.G. Cognitive and pragmasemantic aspects of language units functioning in discourse. SPb. : Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2005. 102 p.
3. Duskaeva L.R. Genre text categories / L.R. Duskaeva // Genres of Speech. 2016. № 2. P. 25–32.
4. Ilyicheva N.V. Communication strategies in the English-language educational business video discourse : dis. ... candidate of philological sciences. Samara, 2005. 164 p.
5. Isaeva O.N. Professionally oriented text of small format as a marker of information organization in the American legal educational discourse / O.N. Isaeva // Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. 2014. № 1. P. 189–192.
6. Calabmet E.V. Manifestation of anthropocentrism in modern lexicography: based on the material of linguistic dictionaries : dis. ... candidate of philological sciences. Krasnodar, 2007. 177 p.
7. Kashkin V.B. Introduction to communication theory. Voronezh: VSU, 2003. 170 p.
8. Klimanova O.A. Authentic educational discourse in the context of modern linguistic research (based on the material of microtexts of the wording of educational tasks) : dis. ... candidate of philological sciences. Samara, 2001. 197 p.
9. Kozlova L.A. Intercultural communication and the problems of teaching English to non-linguistic students / L.A. Kozlova // Foreign language at a national research university: new tasks and value orientations. A collection of articles based on the materials of the intercollegiate scientific and methodological conference. N. Novgorod : Nizhny Novgorod branch of the National Research University Higher School of Economics, 2011. P. 194–199.
10. Komina N.A. Organizational parameters of educational discourse in a situation of communicative-oriented language learning / N.A. Komina // Linguistic personality space: Functional-semantic and cognitive aspects. M. : Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences. 2003. P. 9–15.
11. Krasnykh V.V. From the concept to the text and back (to the question of the psycholinguistics of the text) / V.V. Krasnykh // Bulletin of Moscow University. 1998. № 1. P. 53–71.
12. Kubryakova E.S. On the text and criteria for its determination / E.S. Kubryakova // Text. Structure and semantics. M., 2001. Vol. 1. P. 72–89.
13. Ledeneva S.N. On the factors of communicative efficiency of the text // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2017. Vol. 23. № 2. P. 97–101.
14. Malyuga E.N. Functional pragmatics of intercultural business communication. M. : Book House «LIBROCOM», 2008. 320 p.
15. Nikolaeva T.M. From sound to text. M. : Languages of Russian culture, 2000. 415 p.
16. Pichkur A.I. Intercultural communication in educational discourse (based on the material of authentic German textbooks) / A.I. Pichkur; Ed. V.D. Shevchenko // Language processes in discourse: Collection of papers. Samara : Publishing house «Samara University», 2013. P. 107–113.
17. Ponomarenko E.V. Functional organization of speech media in the English business discourse / E.V. Ponomarenko // Vestnik of Samara State University. 2013. № 5(106). P. 80–85.
18. Radko G.A. Specifics of English-language business communication / G.A. Radko // University Readings – 2011. Materials of scientific and methodological readings of PGLU. Pyatigorsk : PGLU, 2011. Part III. P. 139–144.
19. Ruberg I.B. Typological characteristics of English small-format texts «Recipe» and «Useful Advice» : abstract of dis. ... candidate of philological sciences. L., 1991. 19 p.
20. Turlova E.V. Pragmalinguistic characteristics of small-format texts (based on the material of the names of English-language teaching aids) : dis. ... candidate of philological sciences. Samara, 2009. 15 p.
21. Kharkovskaya A.A. Modern educational discourse: linguistic features of educational materials on teaching English as a foreign language / A.A. Kharkovskaya // Actual problems of modern socio-economic development: theses of reports of the VI International Scientific and Practical Conference. Samara : International Market Institute. 2011. Iss. 6. P. 421–422.
22. Kharkovskaya A.A. Communication strategies in modern intercultural space / A.A. Kharkovskaya; Ed. A.A. Kharkovskaya // Cognitive aspects of studying linguistic phenomena in German languages: Collection of papers. Samara : Samara University, 2000. P. 81–90.
23. Cherkunova M.V. Communication and pragmatic parameters of small-format advertising texts on tourism topics / M.V. Cherkunova, A.A. Trenina // Bulletin of PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy. 2017. № 1. P. 68–72.

24. Cherkunova M.V. Functional and pragmatic potential of intertextual elements in low-orthographic texts of advertising abstracts / M.V. Cherkunova // Theoretical and applied linguistics. 2021. Iss. 7. № 1. P. 192–199.
25. Chernyavskaya V.E. Linguistics of the text: Polycodeness, intertextuality, interdiscursivity : textbook. M. : Librocom, 2009. 260 p.
26. Beaugrande R. de., Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. London, New-York : Longman, 1992. 286 p.
27. Crystal D. English as a Global Language. UK : Cambridge University Press, 2003. P. 5–10. URL : http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/nation_branding/English_As_A_Global_Language_-_David_Crystal.pdf (date of the application 30.03.2016).
28. Kharkovskaya A.A. Minitexts in modern educational discourse / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Radyuk // Functions and trends. Training, Language and Culture. 2017. № 1(1). P. 62–76.
29. Rea D. English Unlimited Advanced Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2012.
30. Rea D. English Unlimited Elementary Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2012.
31. Rea D. English Unlimited Intermediate Coursebook / D. Rea, T. Clementson, A. Tilbury. Cambridge University Press, 2010.

Информация об авторах

Хусаинова Мария Алексеевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Самарский государственный
технический университет
maria.maiorova076@gmail.com

Стройков Сергей Александрович

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Самарский государственный
социально-педагогический университет
stroykov@ya.ru

Maria A. Khusainova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
Samara State Technical University
maria.maiorova076@gmail.com

Sergey A. Stroikov

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages,
Samara State Socio-Pedagogical University
stroykov@ya.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.83.50.005>
УДК 801

Attribution
cc by

КОММУНИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К МАССОВОЙ АУДИТОРИИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ АККАУНТАХ МЕСТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ DOUYIN И WECHAT ПО СРАВНЕНИЮ С ТРАДИЦИОННЫМИ СМИ

Цао Иньфэй, Лю Яньдун

Российский Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация. Коммуникационная стратегия правительства Китая в официальных аккаунтах местных социальных сетей Douyin и WeChat отличается от подхода к традиционным СМИ. Это связано с особенностями этих платформ и их влиянием на массовую аудиторию. В официальных аккаунтах местных социальных сетей Douyin и WeChat, правительство Китая применяет более прямой и непосредственный подход к коммуникации с массовой аудиторией. Они используют короткие видео, аудио и текстовые сообщения, чтобы представить свои инициативы, политику и достижения. Это позволяет правительству достичь широкой аудитории, особенно среди молодежи, которая активно использует эти социальные сети. Официальные аккаунты в Douyin и WeChat также обеспечивают интерактивность и возможность обратной связи с аудиторией. Авторами в статье рассмотрены особенности коммуникационной стратегии правительства Китая по отношению к массовой аудитории в официальных аккаунтах местных социальных сетей Douyin и WeChat по сравнению с традиционными СМИ.

Ключевые слова: традиционные СМИ; Новые средства массовой информации; политическая коммуникация; Короткое видео; WeChat; Доуин, политическая роль СМИ, Интернет.

CHINA GOVERNMENT'S COMMUNICATION STRATEGY TOWARDS MASS AUDIENCE IN OFFICIAL ACCOUNTS IN LOCAL SOCIAL MEDIA DOUYIN AND WECHAT COMPARING WITH TRADITIONAL MEDIA

Cao Yinfei, Liu Yan Tong

Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. The communication strategy of the Chinese government in the official accounts of local social networks Douyin and WeChat differs from the approach to traditional media. This is due to the features of these platforms and their impact on the mass audience. In the official accounts of local social networks Douyin and WeChat, the Chinese government takes a more direct and direct approach to communicating with a mass audience. They use short video, audio and text messages to present their initiatives, policies and achievements. This allows the government to reach a wide audience, especially among young people who actively use these social networks. Official Douyin and WeChat accounts also provide interactivity and the possibility of feedback from the audience. The authors of the article consider the features of the communication strategy of the Chinese government in relation to the mass audience in the official accounts of local social networks Douyin and WeChat in comparison with traditional media.

Keywords: traditional media; New media; Political communication; Short video; WeChat; Douyin, the political role of the media, the Internet.

Introduction.

Political communication refers to the behavior of political communication subject to promote the flow of political information through relevant political communication methods according to certain political purposes. Political communication plays an important role in the political process and political life. McNeill categorizes the political communication functions of media in an ideal society into five categories: informing, educating, platform, exposure,

and advocacy. Shao Peiren believes that the function of political communication refers to: «The function of political communication, that is, the responsibility and effectiveness of communication, is the sum of the mission, means, and results of political communication». Li Yuanshu summarized the function of political communication as the sum of the mission, ability, and role of political communication. Therefore, the function of political communication refers to the behavior results of the government, social political organization and other political com-

munication participants who produce specific political influence through relevant political communication behavior modes according to certain political purposes.

The Political Communication Function of Media

The core of political communication is to promote the flow of political information and disseminate political value through various political communication capabilities. Under the background of globalization, western countries represented by the United States, with the help of capital advantages, information technology and hot media resources, promote their political concepts in the world, and take the political values of «freedom, justice, democracy, and the rule of law» as the basis for countries around the world to establish democratic systems. To a certain extent, the spread of political values is the spread of political systems. With the deepening of China's reform and opening up, some political values and institutional design thinking in western countries provide a good theoretical basis for China to promote the reform of political system and administrative management. However, the dissemination of political values in our country should be based on our traditional and specific national conditions, and spread the core socialist values through existing media resources [7].

The media is a power resource and an enhancer of discourse power. It is the main way to shape the image form of social life, and also a key way to gain reputation and have significant influence or even manipulation over real life. The media plays a crucial role as a means and medium for connecting the dissemination and reception of mobile political information. Traditional media relies on the government to gain political and economic discourse power. As the monopolist of political communication information, the government directly controls and coordinates the setting of political communication agendas, the selection of political communication content, and the tone of communication. With the advancement of technology, new media relies on advanced transmission technology to create a new space for political communication. Using the internet, especially the mobile internet, as an emerging medium for political communication, has had a huge impact on social and political life. Traditional media conducts political communication through political propaganda, policy dissemination, and coordination with social management, while new media, with its own technological advantages, provides an interactive platform for the public to receive and disseminate political information more quickly and conveniently, as well as initiate political issues and participate in social discussions. Academic discourse, folk discourse, and palace discourse are launched together on online platforms to form an interaction. At the same time, new media has expanded citizens' «right to know». In an era where information and information are growing exponentially, the public has more channels, information, and materials available than ever before [9].

The Political Communication of Traditional Media

Traditional media use «agenda setting» to determine the value of information that the audience wants to obtain, make choices, manipulate and control the information disseminated, and the audience may learn from the mass media what issues are more important than other issues. Although mass media may not directly change the audience's attitudes and perspectives, they can tell the audience what they think. In other words, traditional media tells us what we think, not how we think. This agenda setting is in line with the government's propaganda policies, spreading the concept of governance to the public from a one-way perspective, conducting policy propaganda, and assuming the political dissemination function in promoting the political values of the party and government.

The political communication function of traditional media includes two major components in terms of expression: current political news and social livelihood, which play different roles in the political communication of «agenda setting». Current political news mainly reports on party and government meetings, interprets policy documents, and promotes governance concepts and dominant values. In China, traditional media such as newspapers, radio, and television are mainly controlled by the propaganda departments of party committees at all levels according to administrative divisions, so traditional media at all levels have corresponding reports on current affairs and the new country. Political news is mostly released on the first page of newspapers and during prime time on radio and television, which aims to achieve political dissemination through market behavior. Compared to the one-way political communication method of current political news, the role of social and livelihood programs (sections) in political communication is often unknown [6].

In fact, social and livelihood programs (sections) not only play an important role in policy dissemination, but also actively participate in the government's social management, actively guiding official political values to penetrate the hearts of the people. In recent years, television programs on social and legal mediation have sprung up like mushrooms after rain, such as Jiangxi TV's «Gold Medal Mediation», Dongfang TV's «New Old Uncle», Hubei TV's «Mediation Scene», Sichuan TV's «Let Love Be the Master», and Sichuan TV's «Extraordinary Topic», which have successively appeared on various local television screens. The emergence of such programs is closely related to the government's proposed governance paradigm of «harmonious society». The government encourages the use of mediation as a means of dispute resolution and emphasizes the social management concept of «great mediation, maintaining stability», which has been disseminated in the programs [3].

By conducting a statistical analysis of the 48 programs of Sichuan TV's «Very Active Questions» program throughout 2012, It was found that political keywords such as «harmonious society», «socialist core values», «scientific outlook on development»,

«governing for the people (Serve the People)» and so on appeared repeatedly, of which «harmonious society» appeared most, 29 times in total, «socialist core values» 20 times, «scientific outlook on development» 19 times, «governing for the people (Serve the People)» 21 times. This data exceeds the number of political keywords captured in the current political news broadcast by Sichuan TV's Xinjian Information Channel during the same period. The number of times political keywords appear in programs reflects the ranking of political communication and also reflects the changes in the government's dissemination of political information through traditional media. The most frequently used political keywords in 2013 were «Chinese Dream» (25 times) and «mass line» (24 times), while «harmonious society» dropped from first place in 2012 to third place in 2013, only 19 times.

The Political Communication of New Media

New media provides a platform for the public to participate in criticism and discussion of public issues. According to Habermas' public domain framework, the public with full right to know must maintain a high degree of criticality when participating in discussions on public issues. The development of new media has indeed brought critical public discussions to Chinese society. With the diversification of expression methods, the critical spirit has spread in the Internet. Opinion leaders from different backgrounds are committed to expressing their political views through WeChat, Douyin and other online tools, so as to infiltrate the political value orientation in the real society into the Internet discussion. The Internet has also promoted the flow of political information up and down, and online public opinion is increasingly valued by the Chinese government, which is increasingly affecting its decision-making thinking. New media users use «online search» to supervise and expose corrupt officials, or use information technology tools to conduct offline protest activities, forcing the government to respond actively, fulfill their administrative responsibilities, and improve social management methods [5].

The «Sun Zhigang Incident» promoted the legislative process of the country and abolished the detention system that had been implemented for decades. The «hepatitis B» incident forbids employers to check hepatitis B. In the 2007 Xiamen and 2011 Dalian PX events, online blogs and emails became a platform for disseminating a large amount of information, quickly focusing the public's attention on PX and its potential health issues. People move from online to offline and gather to raise dissent with the local government. The people and the government established a foundation of mutual trust through dialogue, ultimately reaching a consensus and drawing a successful conclusion to the event.

According to the 23rd «Statistical Report on the Development of the Internet in China» by the China Internet Information Center, 61.8 % of respondents generally first see their understanding of major news through the internet. 76.9 % of respondents said

that after going online, they pay more attention to social events than before, and 41.9 % of respondents admitted that the internet is their main channel for expressing opinions. According to the 33rd report, as of December 2013, the number of Chinese netizens reached 618 million, with an internet penetration rate of 45.8 %. In 2008, the number of netizens in China was 298 million, and the internet penetration rate was only 22.6 %. This indicates that with the promotion of informatization and digitization, the rapid development of the Internet has promoted the increasingly important role of new media in disseminating political values dominated by civil rights and democratic consciousness [8].

Problems of Current Political Short Videos are Disseminated in Terms of Methods in Government Affairs

The birth of social media has made short videos the main channel for information reception, and current affairs short videos have also become an essential part of China's current affairs activities. For example, during the annual «Two Sessions» period, mainstream media represented by CCTV release many short videos, occupying the main part of current affairs content. At present, political communication is no longer limited to the past forms. It can be very serious and can also adopt forms that are currently favored by teenagers to attract audiences. For example, CCTV News has 110 million fans on the Douyin platform, reflecting a new channel for people to receive information in recent years. But behind these current situations, there are also many hidden problems.

The continuous deepening of media integration has gradually diversified the actual communication forms of mass media, and its visual communication characteristics can break through the audience's rigid and fixed image of previous government communication. The rise of short videos in 2018 has created a new platform for the transformation of current political media. Under the influence of policies, platforms, users and operations, government short videos have begun to be popularized on Douyin and WeChat platforms. At the same time, they provide new channels for the information disclosure of local government agencies, and lay the foundation for developing government influence and building a harmonious society.

5.1 *Serious' pan-entertainment 'situation*

Because young people make up the majority of the audience, the media needs to make some «set-backs» in order to attract audience attention. In the official account of Beijing SWAT, the videos produced have reached millions of likes. The main content it produces is the daily exercise of special police officers, paired with «step on» music and short video clips that young people like, quickly gaining a large number of fans. Most of the audience praised the handsome work of special police officers and did not delve into the story behind them. The video then sent also contains elements that are of interest to

many young people. Popular music that often appears on Douyin is used in the life of special police. In terms of personnel selection for appearance, Beijing SWAT showcases well built special police officers, and even produces a collection of instructors who wear fashionable clothes and can drive fast cars. However, the fact is that the average number of videos played today is not more than ten thousand, and the number of fans on the Douyin platform with many users is only three million. It is not difficult to find that entertainment videos that excessively cater to young people only gain temporary audiences. is that the disseminator failed to fulfill the role of «gatekeeper» in the process of disseminating false news [1].

5.2 *Concerns about video quality and copyright issues*

Short videos are a low-cost product that everyone can shoot and use. At present, when individual video producers and self media professionals strive to create original content, there are some who want to opportunistically obtain the same popularity. After removing the watermark and adding some novel video clips, it becomes a video created by oneself. However, most pirated platforms do not have standardized rights protection processes, which to some extent increases the difficulty and cost of rights protection. Some self media government accounts often give up their rights protection due to the high cost of rights protection, resulting in pirated videos crushing high-quality videos when faced with ineffective rights protection.

5.3 *Inaccurate positioning, overly generalized content, and lack of original content*

The short video covers the author's philosophy and the spirit they want to convey. In this regard, political short videos should convey the image of the government and the quality of life for the general public. However, on the platform of Tiktok, most of the content released by mainstream media such as CCTV News and People's Daily is related to people's life. For example, positive energy events such as «Brother Transforms into Spider Man to Surprise Primary School Sisters» or «Everyone Works Together to Save Children». This part of the video has added reasonable background music to deepen the audience's feelings, in order to achieve the goal of promoting positive social energy. However, its positioning is relatively vague, with a wide range of content and a large number, coupled with official accounts that do not value originality, it is often reprinted by major platforms. In addition, there is another type of video that makes people feel like they are posing, which is prone to aesthetic fatigue.

Communication measures of current political content in the environment of Douyin and WeChat short video

Gather hotspots of current political content to make it more interesting. At present, publishing political news in the form of short videos can attract the at-

ention of the audience and create relevant topics. In 2015, the Renaissance Road Studio released the song «Song of the 13th Five Year Plan». This short film revolves around the directions of good listening, good looking, and fun, and has been loved by many young people. Not only did it convey the core of the «13th Five Year Plan» concept to the audience, but it also received numerous likes and reposts. Moreover, such visual forms of communication have played the role of agenda setting, making more and more people aware of the goals of the «13th Five Year Plan» concept and promoting civilized norms.

Enhancing the readability of news and highlighting its storytelling, government short videos can more vividly shape the image of party and government agencies and civil servants. With the help of short videos, audiences can intuitively experience the life scenes and states of government officials, and find resonance in them. The visualization of government content can more vividly create a patriotic image of public officials, promoting the integration of two types of public opinion. In 2017, CCTV Micro Video Studio released «The Road of the Servant» and quickly scanned the entire network. Within a week, this video reached 250 million views on the internet, becoming the first «popular» short video after the 19th National Congress. This detailed narrative is closer to the audience and is loved by the general public. In terms of shaping the image of leadership figures, the previous forms were relatively serious and rigid. But 'The Road of the Public Servant' made a bold innovation by adding humanistic care to it, making it easier for the audience to accept [2].

Effective ways for the development of political short videos in the Internet environment such as Tiktok and WeChat

7.1 *Mainstream media needs to provide good public opinion guidance*

Even though everyone in current society is a disseminator, mainstream media is still the most important disseminator among them, and their statements are more persuasive. Officials need to implement what they need to do, especially in the field of political communication, which will involve various interests of citizens. Some government new media, as disseminators, have not fulfilled their obligations in a true sense, but directly spread parody and lax news to the public, thereby affecting the atmosphere and public opinion of society. Therefore, the media should strive to guide the direction of public opinion and continuously regulate the mode of communication. Short videos, as a brand new form of communication, can meet the audience's viewing requirements, not only express their opinions in a shallow way, but also attract attention from all sectors of society. Therefore, mainstream media should use short videos to effectively expand the influence of mainstream public opinion.

7.2 *Realize diversified dissemination*

Due to the rise of short videos, the media has achieved astonishing results in recent times, which

is inseparable from the efforts of the creative team. The Central Committee of the Communist Youth League has its own official accounts on Douyin, Kwai and WeChat platforms, and has gained a large number of fans. The Central Committee of the Communist Youth League has also released many activities. For example, it launched the Douyin challenge of «Chinese Costume Day» on April 17, attracting a large number of Chinese costume lovers. In addition, activities such as «New Era Youth Saying» and «Qingming Festival Sacrificing Martyrs» have also been launched, which have been recognized by many netizens. Therefore, short videos need to break through the overly serious and rigid communication methods in the past, and continue to launch new forms of communication to achieve the audience's potential curiosity, thereby also gaining more attention [4].

7.3 The phenomenon of «pan-entertainment» should be taken seriously

In order to gain more attention, the media will focus on what the current audience is concerned about and create news that the audience likes. Therefore, it is highly likely that there will be a «pan entertainment» of political communication. Many media outlets will creatively edit current political news, along with music backgrounds and short video clips that young people love, to make originally serious news more vivid and interesting. However, some short videos are only for the purpose of transforming videos, without conveying the actual needs and concerns of the audience. On the contrary, people have become a subsidiary of entertainment. Being too entertaining not only prevents people from understanding the truth, but also wastes a lot of time and

money. Therefore, the media should not excessively entertain themselves in short video formats.

7.4 Find positioning and shape a good image

Although short videos have many advantages, the information they can convey is still very limited and not as accurate as text. Therefore, under the premise of limited content, short videos need to combine the unique image that regional government wants to shape, and use it as a key focus and breakthrough point. Many county-level financial media professionals nowadays combine regional characteristics to create government short videos to attract local attention. Government short videos can also combine the content advantages of various counties and cities to create high-quality content and become a brand for local government affairs.

Conclusion.

Network technology has driven the enthusiasm of the whole people to participate and is an important way of communication for people today. Douyin, WeChat short video and new government media are the products of the media field under the Internet environment. It has been born under the influence of social development and technological progress, but also faces many difficulties and challenges. With the continuous updating of media methods and content, the short video platform dominated by Douyin has become an inevitable choice for government media. Media workers should approach such situations with a critical and inclusive perspective. Therefore, local government affairs should leverage new media platforms to convey policies in the form of short videos, thereby enhancing the influence of local government affairs.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Zhang Jiahui. The phenomenon of «pan-entertainment» in Political Participation 2.0 and its corresponding strategies. Journal of the Yunnan Provincial Party School of the Communist Party of China [J]. 2018. Vol. 19. Iss. 4.
2. You Cheng, Jia Guanghui. Analysis of the Deviation of Widely Entertainment on Weibo Hot Search Rankings [J] Southeast Communication. 2018. Iss. 10.
3. Liu Liu, Ma Liang. The diffusion of government short videos and its influencing factors: an empirical study based on the government Douyin account [J]. E-government. 2019 (07). P. 11–21.
4. Zhang Zhian. Mixed Emotional Communication Mode: Research on the Production of Short Video Content in Mainstream Media – Taking the Douyin № of People's Daily as an Example [J] / Zhang Zhian, Peng Lu. News and Writing. 2019(07). P. 57–66.
5. Cao Jinsong Government Network Communication [M]. Nanjing : People's Publishing House, 2010:2.
6. Robert Reiner. Police and Politics [M]. Beijing : Intellectual Property Press, 2008
7. Wang Jiahang, Zhang Xichen. Analysis on the discourse mode and social effect of Douyin government affairs account [J] News Forum. 2018. (5). P. 19–23.

8. Wei Xiaoran. Discussion on the current situation of government Douyin communication based on the «5W theory» [J] Research on Communication Power. 2018. (31). 108 p.
9. Tang Xujun, Huang Chuxin, Wang Dan. Entering a New Era of Intelligent Interconnection: Trends in the Development of New Media in China [J]. Chinese Journalist. 2018. (8). P. 26–29.

References:

1. Zhang Jiahui. The phenomenon of «pan-entertainment» in Political Participation 2.0 and its corresponding strategies. Journal of the Yunnan Provincial Party School of the Communist Party of China [J]. 2018. Vol. 19. Iss. 4.
2. You Cheng, Jia Guanghui. Analysis of the Deviation of Widely Entertainment on Weibo Hot Search Rankings [J] Southeast Communication. 2018. Iss. 10.
3. Liu Liu, Ma Liang. The diffusion of government short videos and its influencing factors: an empirical study based on the government Douyin account [J]. E-government. 2019. (07). P. 11–21.
4. Zhang Zhian. Mixed Emotional Communication Mode: Research on the Production of Short Video Content in Mainstream Media – Taking the Douyin № of People's Daily as an Example [J] / Zhang Zhian, Peng Lu. News and Writing. 2019(07). P. 57–66.
5. Cao Jinsong Government Network Communication [M]. Nanjing : People's Publishing House, 2010:2.
6. Robert Reiner. Police and Politics [M]. Beijing : Intellectual Property Press, 2008
7. Wang Jiahang, Zhang Xichen. Analysis on the discourse mode and social effect of Douyin government affairs account [J] News Forum. 2018. (5). P. 19–23.
8. Wei Xiaoran. Discussion on the current situation of government Douyin communication based on the «5W theory» [J] Research on Communication Power. 2018. (31). 108 p.
9. Tang Xujun, Huang Chuxin, Wang Dan. Entering a New Era of Intelligent Interconnection: Trends in the Development of New Media in China [J]. Chinese Journalist. 2018. (8). P. 26–29.

Информация об авторах

Цао Иньфэй

аспирант,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
Milena@mail.ru

Лю Яньдун

аспирант,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
Milena.555@mail.ru

Cao Yinfei

Graduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia
Milena@mail.ru

Liu Yan Tong

Graduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia
Milena.555@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.22.32.008>
УДК 81

Attribution
cc by

ВЕБ-ТРАНСЛЯЦИЯ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дуань Жои

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация. В данной статье исследуются состояние общественной коммуникативной среды, в которых китайские веб-трансляции выступают в качестве центрального фактора формирующего медиа и культурное пространство. Объект исследования – коммуникативное общественное пространство. Предмет исследования – веб-трансляции, определяющие содержание прямых трансляции как современной медиаиндустрии. Цель исследования – раскрыть историю развития и проблемы регулирования веб-трансляций в Китае. Результаты. В статье раскрывается, что стримеры в Китае обладают большей автономией по сравнению с их западными коллегами, включая конкуренцию игровых платформ, которые соперничают за привлечение ведущих геймеров, способных диктовать свои условия. Выводы. Долгие десятилетия государственной медиа политики способствовали созданию условий, в которых прямые трансляции также используются в маркетинговых целях для направления потребителей на кросс-интегрированные платформы электронной коммерции, способствуя формированию культуры потребления в современном Китае. В то же время, стримерам приходится сталкиваться с постоянно растущими ограничениями со стороны государственного регулирования из-за роста нарушений китайских норм содержания медиа-контента, что свидетельствует о возвращении идеологии, направленной на формирование эстетичного и этичного онлайн-выражения и поведения.

Ключевые слова: прямые трансляции, стрим, медиа, коммуникация, маркетинг, государственное регулирование.

WEBCAST IN CHINA: DEVELOPMENT HISTORY AND REGULATORY CHALLENGES

Duan Ruoyi

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. This article examines the state of the public communicative environment in which Chinese webcasts act as a central factor shaping the media and cultural space. The object of research is a communicative public space. The subject of the research is webcasts defining the content of live broadcasts as a modern media industry. The purpose of the study is to reveal the history of development and problems of regulation of webcasts in China. Results. The article reveals that streamers in China have more autonomy compared to their Western counterparts, including the competition of gaming platforms that vie for attracting leading gamers who can dictate their terms. Conclusions. Long decades of state media policy have contributed to the creation of conditions in which live broadcasts are also used for marketing purposes to direct consumers to cross-integrated e-commerce platforms, contributing to the formation of a culture of consumerism in modern China. At the same time, streamers have to face ever-increasing restrictions from government regulation due to the increase in violations of Chinese media content standards, which indicates the return of ideology aimed at the formation of aesthetic and ethical online expression and behavior.

Keywords: live broadcasts, stream, media, communication, marketing, government regulation.

Введение. Веб-трансляции являются значимой частью понятия «прямых трансляций», определяющие их содержание. Со времен начала процесса построения «социалистической рыночной экономики» Китая в конце 1970-х годов, в течение нескольких десятилетий Китай значительно опередил западные технологии. Многие последние инновации в глобальной онлайн-коммерции

(например, QR-коды, цифровые кошельки), обмен сообщениями и прямые трансляции начались и распространились именно в Китае. Особенно активное развитие было заметно в области прямых трансляций, которые выполнили значимую роль в росте социальных развлечений в Китае; такой вид развлечений стал новой творческой индустрией, основанной на местных

предпринимателей, работающих на различных платформах социальных сетей. Малые и средние бизнесы используют прямое общение, такое как веб-трансляции, а также особые направления контента, такие как игровой процесс, в отличие от традиционных форматов развлекательного контента. Поклонники активно взаимодействуют с авторами через комментарии, обмены, лайки и сотрудничество. Сочетание нескольких платформ, уникального контента и управления сообществами позволяет авторам объединять большие и преданные фан-сообщества. Эта новая индустрия развивается несколько десятилетий, начавшись после приобретения Google YouTube в 2006 году и запуска Twitter и его аналогов в Китае, таких как Youku и Weibo.

Обсуждение. Прямые трансляции, также известные как «ван хун или ванхун» [1], представляют собой услуги потоковой передачи видео, которые предоставляются через веб-платформы и мобильные приложения: «*Ванхун – знаменитость нового стиля, а экономика Ванхун – это новая модель электронного бизнеса с развитием сети. Поскольку Ванхун и экономика Ванхуна представляют собой новые явления интернет-маркетинга и электронной коммерции с китайской спецификой, академические исследования все еще находятся на начальной стадии, отстающая от развития практики*» [1, с. 18].

Веб-трансляции обеспечивают интерактивность с использованием синхронного и кросс-модального контента (видео, текст, изображения), пользователи на платформах потокового вещания создают различные жанры контента, включая игры, кулинарию, рисование, караоке и другие виды развлечений. «Стримеры» (ведущие) превращают свою экранную практику и общение с подписчиками в источник дохода через функции и возможности платформы, веб-трансляции находятся в развитии вместе с традиционными и интерактивными медиа-отраслями, такими как видеоигры и киберспорт: «*Продажи в режиме онлайн сокращают дистанцию между продавцами и потребителями за счет того, что потребители могут использовать Интернет для мгновенной обратной связи с информацией о продукте и содействия его совершенствованию, что отличается от традиционных офлайн-продаж. В соответствии с новой моделью продаж в режиме реального времени культура фанатов также изменилась с культуры «поиска» на культуру равенства. В результате прямая веб-трансляция привела к ряду изменений в сфере продаж товаров*» [2, с. 16].

Первые платформы прямых трансляций в Китае, известные как шоу-румы, были созданы для энтертейнмента стримеров и фан-комьюнити, на этих платформах зрители могли наблюдать, как профессиональные ведущие шоу-румов поют, танцуют и рассказывают анекдоты. Развитие таких платформ основывалось на инвестициях из быстро развивающейся китайской экономики,

подкрепленной венчурным капиталом, и технологическом развитии. Китайская игровая индустрия и киберспорт также играли важную роль в успехе платформ прямых трансляций. Китайская игровая индустрия является лидером на мировом рынке, и ее доход превышает 45 миллиардов долларов [5]. В 2003 году киберспорт был официально признан правительством Китая и стал значимым сектором экономики стоимостью более 1,4 миллиарда долларов в 2022 году [6]. В китайской игровой отрасли особенно успешны компании BAT, включая Tencent, которая является крупнейшей игровой компанией в мире и превосходит своего главного конкурента Sony на рынке.

Веб-трансляции в Китае отличаются от трансляций на западных платформах. В Китае они чрезвычайно популярны, особенно по сравнению с американскими привычными медиа-программами, которые включают более широкий спектр контента, включая прямые эфиры и даже порнографию. За исключением Twitch, платформы для игр в режиме реального времени, масштабные попытки прямой трансляции на западных платформах были экспериментальными и встречались с провалами, например, Facebook Live. В Китае же прямые трансляции стали широко популярными и успешными, и играют важную роль в экономике, однако, составление точной картины размера экономики прямых трансляций является сложной задачей из-за многочисленных предположений и проблем с определениями и достоверностью данных китайских консалтинговых фирм и платформ. Термин «ван хун» может относиться как ко всему сектору малого и среднего бизнеса в Китае, так и к отдельным вертикалям, таким как бьюти-блоги, прямые трансляции или игровые процессы, в целом, прямые трансляции продолжают развиваться и играют важную роль в разнообразных отраслях Китая.

Оценки стабильности и успеха стримеров в Китае разнятся от очень положительных до менее оптимистичных, некоторые источники сообщают о заработке миллионов юаней стримерами и о том, как они создают миллиардные индустрии, рассказывая о своей жизни в Интернете. Однако есть исследования, такие как отчет исследовательского института Tencent, в котором указывается, что только 5 % стримеров зарабатывают более 10000 юаней (1500 долларов США) в месяц, в то время как более 70 % заявляют, что получают менее 100 юаней (15 долларов США) в месяц [8]. Даже с миллионами коммерческих стримеров, успешными считаются лишь несколько сотен тысяч. Также варьируется пол, контент и социальный статус стримеров в Китае, доля игр и геймеров составляет всего 20 процентов этой индустрии, в то время как большую часть занимают стримеры в реальной жизни, из которых 70 процентов являются женщинами. Некоторые мужчины-стримеры становятся объектами внимания женского пола и получают поддержку обеспеченных женщин. Однако успешным фор-

матом прямых трансляций может стать и другой контент, основанный на гендерной перформативности, исследователи отмечают, что в Китае существует разнообразная среда прямых трансляций, привлекающая большой интерес у зрителей [3; 4].

В совместном отчете «Социальная ценность сетевого вещания» от Китайской ассоциации индустрии развлечений и исследовательского института Tencent [7], проводится масштабный анализ важности веб-трансляций для общества. Оно не только удовлетворяет духовные и культурные потребности молодежи, обогащая их развлекательную жизнь, но и представляет будущее направление интернет-бизнеса. Прямые трансляции создают возможность молодым людям познавать разнообразный опыт вне их обычной среды обитания, так как ведущие и аудитория взаимодействуют друг с другом, благодаря вопросам и ответам, что способствует интенсивному социальному взаимодействию. Аудитория пользователей находит эмоциональное соответствие на основе общих интересов и увлечений, при этом количество пользователей прямых трансляций быстро растет и составляет уже почти половину пользователей интернета. Основными пользователями становятся люди с высшим образованием, более высоким уровнем дохода и должности. Так с ростом качества пользователей прямых трансляций, массовое производство и потребление веб-контента показывает рост и расширение базы поклонников, при этом хорошие прямые трансляции способны усиливать чувство принадлежности и сплоченности китайского общества, представляя уникальные преимущества для достижения целей государственной культурной политики.

После финансового кризиса в 2016 году китайская индустрия веб-вещания претерпела серьезные изменения и начала перестраиваться, многие платформы были закрыты или преобразованы. К концу 2017 года в Китае было запущено или занималось веб-трансляциями прямого эфира более 200 компаний и к настоящему времени их число только растёт. В то же время, Интернет меняет восприятие молодежью о трудоустройстве. Согласно данным Министерства ресурсов человеческих и социального обеспечения, в 2022 году 54 % выпускников колледжей выбрали профессию ведущего веб-знамени-

ности, а также актера – озвучки, визажиста и оценщика игр [8]. Карьера ведущего принесла им чувство уверенности и значимости. У мужчин и женщин есть некоторые различия в мотивах становления ведущими, однако, 35,3 процента женщин-ведущих придают большее значение заработку через прямые трансляции. В отношении образования, 46 процентов ведущих имеют высшее образование, что выше, чем доля 12 процентов студентов в национальных университетах, что указывает на высокое качество сетевых ведущих.

Результаты. Проблемы регулирования состоят из нескольких основных барьеров:

1. Экономика развлечений стала масштабным общественным феноменом культурного и общественного пространства Китая, при этом содержание веб-трансляций зависит от субъектности ведущего и в малой степени соотносимо с правовым пространством.
2. Прозрачность и отчетность из-за доступности цифровых данных из любой точки мира, гражданам Китая могут пользоваться теневыми сервисами оплаты, платежных переводов, что снижает степень регулирования и контроля со стороны государства.
3. Снижение сотрудничества с органами государственного регулирования из-а того, что содержание веб-трансляции определяется предпочтениями и трендами массового потребителя, что формирует неформальный контекст трансляций, часто противоречащий официальной государственной политике Китая.

Заключение. В новую эру сетевого вещания как феномена использования и выражения интернет-культуры нового поколения, наблюдается возрастающее потребление интернет-контента, культурного потребления и передачи социальных ценностей в условиях цифровизации общественной среды Китая. Эта отрасль также активно исследует технологические и бизнес-инновации, чтобы лучше использовать положительные аспекты сетевого вещания для развития экономики и общества, что способствует улучшению общественного благосостояния, распространению высококачественной традиционной культуры и сокращению бедности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Wanghong and Wanghong economy: A review based on the celebrity theory / W. Xinxin [et al.] // Foreign Economics & Management. 2019. Vol. 41. № 04. P. 18–30.
2. Liu J. Analysis of The Webcast's Marketing Strategy: From the Enlightenment of Fans Economy / J. Liu // International Journal of Social Sciences in Universities. 2020. Vol. 3. № 4. P. 12–34.
3. The Integrated Development of Fan Economy and Social Welfare / S. Qi [et al.] // International Journal of Social Science and Education Research. 2022. Vol. 5. № 1. P. 528–531.
4. Xu K. What is 'Internet Celebrity Economy' in China / K. Xu // Accessed April. 2017. Vol. 28.
5. URL : <https://www.techpowerup.com/309874/chinese-games-market-hit-usd-45-5-billion-in-revenue-for-2022>
6. URL : <https://prc.today/kibersportivnyj-rynok-v-kitae/?ysclid=lp6m3dnpbr636047352>
7. URL : <https://www.cnbc.com/2023/05/17/tencent-q1-earnings-report-2023-.html>
8. URL : <https://www.tencent.com/en-us/articles/2201563.html>

References:

1. Wanghong and Wanghong economy: A review based on the celebrity theory / W. Xinxin [et al.] // Foreign Economics & Management. 2019. Vol. 41. № 04. P. 18–30.
2. Liu J. Analysis of The Webcast's Marketing Strategy: From the Enlightenment of Fans Economy / J. Liu // International Journal of Social Sciences in Universities. 2020. Vol. 3. № 4. P. 12–34.
3. The Integrated Development of Fan Economy and Social Welfare / S. Qi [et al.] // International Journal of Social Science and Education Research. 2022. Vol. 5. № 1. P. 528–531.
4. Xu K. What is 'Internet Celebrity Economy' in China / K. Xu // Accessed April. 2017. Vol. 28.
5. URL : <https://www.techpowerup.com/309874/chinese-games-market-hit-usd-45-5-billion-in-revenue-for-2022>
6. URL : <https://prc.today/kibersportivnyj-rynok-v-kitae/?ysclid=lp6m3dnpbr636047352>
7. URL : <https://www.cnbc.com/2023/05/17/tencent-q1-earnings-report-2023-.html>
8. URL : <https://www.tencent.com/en-us/articles/2201563.html>

Информация об авторе

Дуань Жои

аспирант,
языкознание и литературоведение,
медиакоммуникации и журналистика,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
1153520630@qq.com

Duan Ruoyi

Graduate Student,
Linguistics and Literary Criticism,
Media Communications and Journalism,
Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia
1153520630@qq.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.83.73.006>

УДК 81

Attribution

cc by

ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЧКООБРАЗНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ СМИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Ли Сяовэй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Цель исследования – теоретический анализ статистических и смысловых значений скачкообразной конвергенции СМИ в контексте стратегического партнёрства России и Китая. Объектом исследования являются медиакоммуникации и журналистика. Предмет исследования – стратегическое партнёрство России и Китая в информационном пространстве, формируемом средствами массовой информации. Результаты. В исследовании освещается, что каждый четвертый россиянин за последний год изменил свое личное отношение к Китаю, из этого числа 22 процента отметили положительное изменение, в то время, как только 3 процента отметили негативное, восприятие соседнего государства оставалось неизменным у 71 процента россиян. Выводы. Существует заметная разница между освещением информационных технологий в новостях и в официальных документах, выделены несколько факторов, которые необходимо учитывать: процесс принятия, фокус публикаций, акцент на сотрудничество.

Ключевые слова: информация, коммуникация, стратегическое партнёрство, издание, публикация.

RESEARCH ON SPASMODIC MEDIA CONVERGENCE IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Li Xiaowei

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The purpose of the study is a theoretical analysis of statistical and semantic meanings of the abrupt convergence of the media in the context of strategic partnership between Russia and China. Methods. The object of the research is media communication and journalism. The subject of the study is the strategic partnership between Russia and China in the information space formed by the media. Results. The study highlights that every fourth Russian has changed his personal attitude towards China over the past year, 22 percent of this number noted a positive change, while only 3 percent noted a negative one, the perception of the neighboring state remained unchanged in 71 percent of Russians. Conclusions. There is a noticeable difference between the coverage of information technologies in the news and in official documents, several factors are highlighted that need to be taken into account: the adoption process, the focus of publications, the emphasis on cooperation.

Keywords: information, communication, strategic partnership, edition, publication.

Введение. На сегодняшний день, в средствах массовой информации и формируемом личном мнении у 11 процентов россиян выявлено, что они связывают образ Китая с известной международной торговой площадкой «Алиэкспресс» и доступными товарами; также еще 9 процентов ассоциируют Китай с его внутренней политикой и порядком [11]. Среди других популярных ответов отмечается лидерство Китая на международной арене и его экономическая и технологическая мощь; интересно, что восприятие российско-китайских отношений также показывает положительную динамику. В 2005 и 2009 годах только 40 процентов опрошенных считали эти отношения нормальными, тогда как в 2023 году уже 38 процентов россиян считают их дружественными и каждый четвертый респондент характеризует российско-китайские отношения как хорошие и соседские [1].

Каждый четвертый россиянин за последний год изменил свое личное отношение к Китаю, говорят данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), посвященного мнению россиян о Китае [11]. Из этого числа 22 процента отметили положительное изменение, в то время, как только 3 процента отметили как негативное, восприятие соседнего государства оставалось неизменным у 71 процента россиян. Более половины опрошенных (53 процента) считают, что России стоит рассматривать Китай как стратегического и экономического партнера, треть россиян предпочитают видеть в Китае дружественное государство, и 7 процентов поддерживают идею базировать государственную политику по отношению к Китаю на соперничестве [2]. В целом, большинство россиян высказали позитивное отношение к Китаю. Самые распространенные ассоциации с

Китаем – это «дружественная страна» (32 процента) и «наш партнер и союзник» (21 процент). В отличие от более ранних лет, когда главными ассоциациями с Китаем были товары и рынки, сейчас россияне чаще упоминают о дружественных отношениях и стратегическом партнерстве.

Обсуждение. В статье издания Феникс [9] подчеркивается лидерский потенциал и роль Путина в обеспечении стабильности и развития России, что важно, учитывая вызовы, стоящие перед страной после COVID-19 и изменений на мировых рынках, так утверждение о том, что российский президент может восстановить экономику, на которую повлияли кризисные обстоятельства, указывает на важность его деятельности для России в глобальном контексте.

Издание Жэньминь жибао [10] также выделяет уровень поддержки, которой пользуется Владимир Путин в России; так уровень доверия с поддержкой 60 процентов граждан свидетельствует о значительной поддержке среди населения, что может повлиять на популярность его политики и принимаемых решений.

А вот в утверждении агентства Синьхуа [5] о принятии новой стратегии по борьбе с экстремизмом подчеркивается активность и заинтересованность российского руководства в обеспечении безопасности, как внутри страны, так и на международной арене. Все это демонстрирует не только важность российско-китайских отношений, но и рост важности восприятия деятельности президента России в китайской медийной среде. Подобные материалы являются отражением внимания к ключевым фигурам и процессам в мировой политике. Интересно, что китайские СМИ обращают внимание на эти аспекты и представляют Путина как защитника Отечества и активного борца с международным терроризмом, что подчеркивает важность российско-китайских отношений в глобальной политике и безопасности.

Россия и Китай продолжают наращивать сотрудничество как в политической, так и в экономической сферах, включая энергетику, производство вооружений, торговлю национальными валютами, стратегические проекты в транспортной и вспомогательной инфраструктуре. Закрытое политическое и экономическое окружение со стороны Запада призвано способствовать этому сближению; в частности, санкции в отношении Украины могут усилить этот процесс, несмотря на ограничения, стоящие на пути, такие как различия во взглядах и неопределенные экономические перспективы. Китай также активно направляет свое влияние на европейские рынки, восстанавливая, так называемый, «Новый шелковый путь», который служит альтернативой морскому маршруту и призван разрешить проблемы, связанные с беспорядками в соседних странах, преступностью и американским контролем над морскими путями.

В то время как Россия ориентируется на развитие своих восточных регионов, особенно близких к Китаю, Китай, в свою очередь, активно продвигается на запад, активно участвуя в переговорах с Центральноазиатскими странами, вкладывая средства в инфраструктуру и логистику. Все эти факторы свидетельствуют о взаимном интересе обеих стран к сотрудничеству в различных областях, несмотря на экономическую и политическую конкуренцию. Возможно ли, что это экономическое сотрудничество в будущем перерастет в стратегический альянс, включающий в себя военное сотрудничество: данный вопрос обсуждается в свете проведения совместных военных учений, торговли оружием и увеличения масштабов Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской Организации сотрудничества, а также вхождения Индии и Пакистана в эту структуры. Однако следует отметить, что данный стратегический выбор характеризуется противоречиями, и каждая из сторон старается защитить свои интересы, тем не менее, не исключено, что в долгосрочной перспективе это сотрудничество принесет некоторые положительные результаты.

Китайские СМИ приводят результаты социологических исследований, проведенных во время пандемии, например, газета Жэньминь жибао сообщила, что «2/3 россиян не испытывают страха за возможное заражение коронавирусом» [4], в то время как Хайвайван рассказал своим читателям, что «примерно половина населения России отказывается от вакцинации» [13]; следует отметить, что издание Хуанью шибао отметило, что россияне активно используют «народную медицину» [8], такую как: лечение водкой, чесноком, имбирем и перцем, что нашло свое подтверждение в увеличении продаж алкоголя на 148 процентов. Отношение россиян к гигиеническим маскам остается непонятным для китайских журналистов, как показывает заголовок статьи: «... Москва до сих пор не верит в маски» [13]. Заместитель секретаря Союза китайских предпринимателей в России, Ван Сяожан объясняет: «По мнению россиян, маску носить не для защиты себя, а чтобы предупредить окружающих о своей болезни. Поэтому те, у кого нет симптомов, предпочитают не использовать маску» [12]. Предприниматель Чэнь Чжиган утверждает, что в начале пандемии лишь каждый пятый россиянин использовал маску. Ван Сяожан добавляет: «Этот народ привык к трудностям, мне удивительно, с каким спокойствием они относятся к пандемии» [12].

Из 35 статей в средствах массовой информации Китая 27 связаны с информационными технологиями; причем, большинство из них были посвящены использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в контексте обеспечения национальной безопасности. Одним из обсуждаемых вопросов было создание «суверенного интернета» [7] – это часть интернета, которая контролируется государством для защиты своих интересов. В России такие усилия

рассматриваются как попытка защититься от кибератак и обеспечить работоспособность интернет-ресурсов в случае отключения от глобальной сети; также акцентируется внимание к информации на технологически продвинутых методах борьбы с преступностью, таких как система распознавания лиц в реальном времени, которая помогает правоохранительным органам в поиске преступников.

Помимо вопросов безопасности, китайские СМИ активно освещали темы, связанные с технологией блокчейн (распределенные реестры) и разработкой первой в мире цифровой валюты в Китае, также следили за законопроектами о криптовалютах. Значительное внимание уделялось искусственному интеллекту, включая системы распознавания лиц и технологии автономного вождения, такие как беспилотные автомобили компании «Яндексы». Кроме информационных технологий, только 8 из 35 рассмотренных материалов не касались тем информационных технологий; среди них лишь 3 не были связаны с вопросами национальной безопасности, данные материалы охватывали такие темы, как российские проекты в авиации и космической отрасли, а также достижения в области офтальмологии [6].

Когда речь заходит о российско-китайском сотрудничестве в области науки и высоких технологий, в центре внимания оказались новости о взаимодействии по официальным каналам, стратегических договоренностях, военно-промышленных проектах, аэрокосмической сфере и здравоохранении, так необходимо отметить, что активизировалось взаимодействие между научными и образовательными организациями, что подтверждается подписанием не менее 8 соглашений о сотрудничестве за данный год.

Результаты. Когда в статье говорится о заметной разнице между освещением отношений Китая и России в новостях и в официальных документах, есть несколько факторов, которые необходимо учитывать.

1. Процессы принятия:

— официальные документы, такие как государственные стратегии или доклады, часто проходят через длительные процессы принятия, в ко-

торых уделяется большое внимание геополитическим приоритетам и стратегическим вопросам;

— с другой стороны, новостные издания, особенно в современном информационном пространстве, склонны к более оперативному освещению событий и обращают внимание на текущие тренды и события, в том числе на успешные практики сотрудничества в области ИТ.

2. Фокус публикаций:

— официальные каналы могут уделять больше внимания геополитике и стратегическим вопросам, таким как суверенный интернет, в то время как новостные издания, скорее всего, ориентированы на более широкий круг читателей, включая представителей бизнеса и обычных граждан, которые могут быть более заинтересованы в повседневных аспектах ИТ.

3. Акценты в сотрудничестве:

— важно отметить, что часто практическое сотрудничество и инновационные инициативы в сфере ИТ могут развиваться на основе бизнес-инициатив с минимальной государственной поддержкой или участием, что может приводить к тому, что акценты в развитии ИТ в бизнесе не всегда полностью отражаются в официальных документах.

Заключение. Таким образом, в этом анализе были рассмотрены основные темы, представленные в материалах.

Информационные технологии (ИТ) ныне играют важную роль в мировой экономике, что отражается на их широком освещении в новостях. Развитие 5G сетей, цифровая экономика, и многие другие аспекты информационных технологий нередко становятся главными темами для обсуждения. Они проникают в различные отрасли, изменяя их процессы и взаимодействие.

Важно понимать, что информационные технологии играют все более важную роль в различных аспектах современного общества, и их влияние лишь увеличится в будущем. В связи с этим, дальнейшее внимание к их развитию в официальных стратегиях и планах, несомненно, имеет смысл.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Ягодкина В.М. Влияние российских и китайских СМИ на взаимоотношения России и Китая / В.М. Ягодкина, Д.О. Чикиркина // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. 2017. № 1. С. 271–279.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Кошкарлова Н.Н. Образ России в китайских СМИ / Н.Н. Кошкарлова, И.О. Мукушев // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 87–100.
3. Ван П. Особенности освещения российско-китайских отношений в СМИ КНР / П. Ван // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34. С. 2110–2126.
4. URL : <http://ru.people.com.cn/big5/n1/2020/0302/c408039-31613398.html>
5. URL : http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-01/16/c_1125459188.htm
6. URL : http://www.xinhuanet.com/globe/2020-02/10/c_138763557.htm
7. URL : <http://zj.people.com.cn/n2/2020/0819/c186806-34236398.html>
8. URL : <https://3w.huanqiu.com/a/de583b/3y0lgzFm60B>
9. URL : <https://finance.ifeng.com/c/7uxbp1LNlzw>
10. URL : <https://finance.ifeng.com/c/7xmaCUfPSmW>
11. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring?ysclid=lpdy14597312362786>
12. URL : <https://world.huanqiu.com/article/3xpccCLVkjC>
13. URL : <https://world.huanqiu.com/article/3zqyDA9IBNW>

References:

1. Yagodkina V.M. The influence of Russian and Chinese media on the relationship between Russia and China / V.M. Yagodkina, D.O. Chikirkina // Euro-Asian cooperation: humanitarian aspects. 2017. № 1. P. 271–279.
2. Koshkarova N.N. The image of Russia in the Chinese media / N.N. Koshkarova, I.O. Mukushev // Political linguistics. 2021. № 3(87). P. 87–100.
3. Wang P. Features of coverage of russian-chinese relations in the prc media / P. Wang // Innovations. The science. Education. 2021. № 34. P. 2110–2126.
4. URL : <http://ru.people.com.cn/big5/n1/2020/0302/c408039-31613398.html>
5. URL : http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-01/16/c_1125459188.htm
6. URL : http://www.xinhuanet.com/globe/2020-02/10/c_138763557.htm
7. URL : <http://zj.people.com.cn/n2/2020/0819/c186806-34236398.html>
8. URL : <https://3w.huanqiu.com/a/de583b/3y0lgzFm60B>
9. URL : <https://finance.ifeng.com/c/7uxbp1LNlzw>
10. URL : <https://finance.ifeng.com/c/7xmaCUfPSmW>
11. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring?ysclid=lpdy14597312362786>
12. URL : <https://world.huanqiu.com/article/3xpccCLVkjC>
13. URL : <https://world.huanqiu.com/article/3zqyDA9IBNW>

Информация об авторе

Ли Сяовэй
магистрант
кафедры теории и экономики цифровых медиа,
факультет журналистики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
lxw15689718689@163.com

Li Xiaowei
Graduate Student of the Department
of Theory and Economics of Digital Media,
Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University
lxw15689718689@163.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.76.47.003>
УДК 81

Attribution
cc by

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ РОССИЙСКИХ «НОВЫХ МЕДИА» В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Чжан Сяожань

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В данной статье рассматривается тема взаимодействия средств массовой информации и лингвистических аспектов, отражающих политические процессы, происходящие в обществе, которые раскрываются «новыми медиа» сквозь призму языка. После подробного описания «новых медиа» (дефиниция, признаки, особенности, отличие от традиционных СМИ), данная статья затрагивает наиболее интересные процессы языковой политики таких медиа, как социальные сети и Интернет-издания. В ней рассматриваются такие феномены лингвистического конструирования медиатекстов, как иноязычные заимствования, неологизмы и окказионализмы, аббревиатуры и сокращения, а также новообразования, образованные посредством метафорического переноса. В статье утверждается, что в плане развития языка данная эпоха является самой уникальной и интересной. Язык виртуального пространства русского интернета, который функционирует в новых (политических и социальных) медиа, восприимчив к новым, нестандартным и девиантным (отклоняющимся) лексико-семантическим явлениям, если они отличаются достаточной выразительностью или «игрой смыслов».

Ключевые слова: цифровая эпоха, информационные технологии, новые медиа, социальные сети, Интернет.

LANGUAGE PROCESSES OF RUSSIAN «NEW MEDIA» IN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT

Zhan Gxiaoran

St. Petersburg State University

Abstract. This article deals with the issue of interaction between mass media and linguistic aspects reflecting the political processes taking place in society, which are revealed by «new media» through the prism of language. After a detailed description of «new media» (definition, attributes, features, difference from traditional media), this article touches upon the most interesting processes of language policy of such media as social networks and Internet publications. The article considers such phenomena of linguistic construction of media texts as foreign language borrowings, neologisms and occasionalisms, abbreviations and acronyms, as well as new forms formed through metaphorical transfer. The article argues that in terms of language development this era is the most unique and interesting. The language of the virtual space of the Russian Internet, which functions in new (political and social) media, is susceptible to new, unstable and deviant (deviant) lexico-semantic phenomena, if they differ in sufficient expressiveness or «play of meanings».

Keywords: digital age, information technologies, new media, social networks, Internet.

Введение. Сегодня тема функционирования русского языка в Интернет-пространстве «приобрела новые акценты». Широко изучаются «проблемы нарушений лингвистической безопасности, проблемы нарушений процесса смыслопередачи, вопросы перехода информации в знание, а также лингвистический аспект информационных войн и нарушений информационного права» [5, с. 5–6]. Но, на наш взгляд, наиболее интересным аспектом изучения русского языка, связанного с информационными технологиями, являются языковые процессы, спровоцированные Интернет-СМИ, которые получили название «новые медиа».

В настоящее время термин «новые медиа», используется в разных значениях. Так, достаточно часто под «новыми медиа» подразумевается «новая организация традиционных средств массовой информации», причем под «организацией» имеется в виду, прежде всего, форма существования СМИ, что сужает понятие медиасферы.

Согласно точке зрения О.С. Роголевой и Т.В. Шкайдеровой, термин «новые медиа» вошел в нашу жизнь, когда произошло осмысление Интернета как коммуникационной среды и журналистика стали частью Всемирной Сети [4, с. 222]. Отражая процесс развития информаци-

онных технологий и коммуникаций, новые медиа стали пониматься как «как все виды традиционных СМИ, содержание которых преобразовано в цифровую форму и может быть потенциально представлено в сети Интернет» [4, с. 223].

Новые медиа отличаются от традиционных СМИ (прессы, аналогового телевидения, радиовещания), в первую очередь, двумя признаками: цифровой природой и интерактивностью, предоставляющей аудитории возможность «активно влиять на содержание СМИ и общаться друг с другом, свободно высказывая свое мнение» [1, с. 131].

Обсуждение. В настоящее время любой человек, обладающий минимальными техническими возможностями, может создать собственное медиаиздание в любом формате. Однако, если говорить о новых медиа в журналистском контексте, то они представляют собой полноценную индустрию со своим целевым рынком и профессионалами, создающими контент, который можно представить, как взаимосвязь печатного текста в электронном виде, аудио- и видеофайлов, фотографий и иллюстраций, что приводит к размыванию границ между межличностной и массовой коммуникацией. Благодаря такой специфике новых медиа, меняется способ подачи информации: широко распространенное в традиционных СМИ «повествование» заменяется на работу с базами данных, в которых информация систематизирована [7, с. 234].

Однако, несмотря на то, что в новых медиа технологии оказывают решающее влияние на коммуникационную модель и взаимоотношения между контентом и адресатом, их следует определять не как технологическую, а как информационную среду, приспособленную к автоматизации и цифровизации [1].

Учитывая тот факт, что новые медиа следует рассматривать в контексте общественного развития, Р. Шредер считает, что медиасистема, в первую очередь, обеспечивает трансляцию между властью и гражданским обществом. Таким образом, ведущей информационной составляющей новых медиа является политическая сфера [9, с. 13].

По мнению Т.Л. Шестовой и В.А. Кузьмина, «серьезный политический потенциал у новых СМИ проявился только в 2000-х годах в связи с глобальным распространением социальных сетей», которые использовались как площадки для электронного процесса [8, с. 71–72]. В настоящее время в западных странах по-прежнему «социальные сети активно используются для передачи политических новостей, повышения социального статуса государства, гражданской активности и политического участия его граждан» [8, с. 71–73]. В России же более значимым инструментом мировой политики, оказывающим влияние на гражданское общество, являются электронные СМИ, одни из которых представляют из себя Интер-

нет-версии печатных изданий или телевизионных программ, другие же не имеют прообраза в виде традиционного издания, а «родились» в Интернет-пространстве, хотя в последние годы в России стали набирать обороты социальные сети, которые «становятся ресурсом коллективного действия для уже сложившихся групп, мотивированных общностью политических интересов, политических взглядов, политических проблем» [3, с. 435]. По мнению Р.Э. Бараш, политический «интернет-активизм укрепляет слабые социальные связи, расширяет информированность аудитории» [3, с. 435], несмотря на то, что коммуникация в социальных сетях, которая зачастую ведется на околополитические темы и не всегда достоверна. Но то, что она эмоциональна, удивительным образом оценочна и креативна – это факт.

Со времени появления онлайн-медиа исследователи стали обращать особое внимание на языковые процессы, происходящие в данных объектах массовой коммуникации, хотя с точки зрения А.О. Алиевской, влияние подобных медиа на язык «не имеет прямолинейного и одностороннего характера. Это воздействие происходит на фоне и при участии общих процессов, совершающихся в языке» [2, с. 122]. Но тем не менее, «концентрируя значительный объем речевых изменений» [2, с. 123], язык новых медиа стал одним из наиболее ярких показателей политических перемен в России.

В текстах новых медиа, как и в текстах традиционных СМИ, смешиваются различные пласты языка: специализированный, разговорный, литературно-книжный. Но нам хотелось бы обратить внимание на процессы языковой трансформации, которые в новых медиа имеют особый характер.

Результаты. Итак, русский язык, проникнув в Интернет-СМИ, безусловно, испытал на себе воздействие информационных технологий. Процессы функционирования русского языка в интернет-пространстве сопровождались новыми языковыми явлениями, которые следовало бы систематизировать.

Прежде всего, в новых медиа, мы найдем много заимствованной из других языков (чаще всего, английского) лексики. Неологизмы-заимствования есть прямое отражение процесса глобализации, и противостоять этому процессу стихийно развивающегося языка невозможно. Причем, в социальных медиа пользователи предпочитают англоязычные лексемы включать в текст в первоначальном виде, используя при этом как латиницу, так и кириллицу. Например, «Сегодня такой *кRUтой спичрайтер выступал!*». В данной реплике, взятой из соцсети Twitter, ныне запрещенной в России, английское слово *speechwriter* передано в русской графической форме. Однако, семантика данного слова не соотносится с контекстом. Явно, пользователь под *спичрайтером* имеет в виду докладчика, но на самом деле

speechwriter – это составитель текстов выступлений для высокопоставленных лиц государства, а также политиков и общественных деятелей различного ранга. Таким образом, пользователи социальных медиа иногда используют тот или иной политический термин, как говорится, «не к месту», в отличие от профессиональных медийных площадок Интернета.

Обратим внимание на определение, данное пользователем термину *спичрайтер*. Слово *кRUтой* можно отнести к графическим новобразованиям, поскольку часть первого слога написана латиницей. Использование латинских букв в чисто русском слове, принадлежащем к молодежному жаргону, говорит не о желании пользователя европеизировать себя как личность, а наоборот, о национальной идентификации докладчика, которого он услышал, как и о гордости за свою нацию, ведь аббревиатура RU давно уже стала мировым брендом, позиционирующим Россию на мировой политической арене.

В сетевых СМИ мы также найдем много англоязычной лексики политического характера, которые пока еще находятся на стадии варваризмов, т.е. «стойко воспринимаются носителями языка как чужеродные». Они пока еще не относятся к таким ассимилированным терминам типа *спикер*, *мониторинг*, но, возможно, в будущем, они обретут «статус узуально го слова» и будут восприниматься как исконно русские» [6, с. 157]. К таковым лексемам относятся: *дэдлайн* («крайний срок, к которому должна быть выполнена поставленная задача»), *имплементация* («осуществление, исполнение государством между народных правовых норм»), *спойлер* («партия или лицо, призванные навредить политическим конкурентам») и др. например,

«Глава МИД Великобритании Маргарет Беккет утверждает, что никакого дэдлайна по решению проблемы Косово не существует, и считает, что возможно придти к решению, устраивающему обе конфликтующие стороны» («Известия». 20.05.2007).

Изучая язык новых медиа, следует обратить внимание и на факт массового распространения новых языковых конструкций, которые представляют собой контаминацию слов, не всегда соче-

тающихся друг с другом, но, в условиях глобализации информации и нового коммуникационного пространства, вполне естественно отражающих суть происходящих в обществе политических процессов. Так появились слова *народозамещение* (по аналогии со словом «импортозамещение») – «процесс, при котором коренное население страны замещается мигрантами» и *депутатоугодный* (по аналогии со словом «богоугодный») – так медиа-журналисты называют «систему помощи» чиновникам.

В новых медиа можно встретить довольно большое количество аббревиатур и сокращений политической семантики. Аббревиации чаще всего подвергаются различные термины, названия процессов, групп людей и организаций. Так, например, аббревиатура *МГН* расшифровывается как «маломобильные группы населения», но, к сожалению, не всем пользователям она знакома.

Несколько лет назад в Интернет-коммуникации родился термин *тролль* (англ. *troll*). Так, активные пользователи соцсетей называют тех, кто приходит на форум не для того, чтобы обсудить те или иные вопросы или проблемы, а чтобы оскорбить, унижить других участников форума. Так называемые «тролли» посылают оскорбительные, не относящиеся к делу сообщения, провоцируя участников обсуждения к грубому ответу или прекращению беседы.

Заключение. Итак, язык виртуального пространства русского интернета, который функционирует в новых (политических и социальных) медиа, восприимчив к новым, нестандартным и девиантным (отклоняющимся) лексико-семантическим явлениям, если они отличаются достаточной выразительностью или «игрой смыслов».

Это связано с тем, что последние два десятилетия оказались настолько богатыми на множество политических событий, что не могло не отразиться на языке, раскрывшем отношение создателей и участников медиа-контента к человеку, обществу и власти. Цифровая медиасфера, несмотря на свою близость по времени к традиционной журналистике конца XX – начала XXI вв., оказалась далека от тех принципов, на которые опиралось 10–15 лет назад общество, что и вызвало языковые трансформации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алгави Л.О. Термин «новые медиа» и его содержание / Л.О. Алгави, Д.А. Аль-Ханаки // Журналистика и общество № 16: Сборник научных трудов. М. : РУДН, 2014. С. 124–133.
2. Алексеевская А.О. Язык СМИ как индикатор социальных перемен / А.О. Алексеевская // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3(17). С. 122–128.
3. Бараш Р.Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно–политических установок. Российский контекст / Р.Э. Бараш // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430–453.
4. Рогалева О.С. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) / О.С. Рогалева, Т.В. Шкайдерова // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 222–225.
5. Трофимова Г.Н. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации) : монография. М. : РУДН, 2020. 273 с.
6. Фаустова Н.А. Общественно-политические неологизмы в практике преподавания русского языка как иностранного / Н.А. Фаустова, М.Ю. Гордеева // Преподаватель XXI века. 2018. № 1. С. 155–167.
7. Новые медиа в политической коммуникации: общие подходы / М.А. Чекунова, В.В. Барабаш, Г.Н. Трофимова, Г.Н. Ленко // Образовательное пространство в информационную эпоху: сборник научных трудов. М. : Институт стратегии развития образования, 2016. С. 233–241.
8. Шестова Т.Л. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе / Т.Л. Шестова, В.А. Кузьмин // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 69–77.
9. Schroeder R. Social Theory after the Internet. Media, Technology and Globalization. London : UCLPress, 2018. 196 p.

References:

1. Algawi L.O. The term «new media» and its content / L.O. Algawi, D.A. Al-Khanaki // Journalism and Society № 16: collection of scientific papers. M. : Russian University of Peoples' Friendship, 2014. P. 124–133.
2. Alekseevskaya A.O. Media language as an indicator of social change / A.O. Alekseevskaya // Linguistics and Intercultural Communication. 2015. № 3(17). P. 122–128.
3. Barash R.E. Social media as a factor in the formation of socio-political attitudes. Russian context / R.E. Barash // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. № 2. P. 430–453.
4. Rogaleva O.S. New media: evolution of the concept (analytical review) // New media: evolution of the concept (analytical review) / O.S. Rogaleva, T.V. Shkaiderova // Vestnik of Omsk University. 2015. № 1. P. 222–225.
5. Trofimova G.N. Linguistic aftertaste of the Internet era in Russia: the boomerang effect (actual processes in Russian-language digital media communication) : monograph. M. : Russian University of Peoples' Friendship, 2020. 273 p.
6. Faustova N.A. Socio-political neologisms in the practice of teaching Russian as a foreign language / N.A. Faustova, M.Y. Gordeeva // Teachers of XXI century. 2018. № 1. P. 155–167.
7. New media in political communication: general approaches / M.A. Chekunova, V.V. Barabash, G.N. Trofimova, G.N. Lenko // Educational space in the information era: a collection of scientific papers. M. : Institute for the Development of Educational Strategies, 2016. P. 233–241.
8. Shestova T.L. The importance of «new media» in the modern political process / T.L. Shestova, V.A. Kuzmin // Bulletin of Moscow University. Ser. 27. Globalistics and geopolitics. 2019. № 2. P. 69–77.
9. Schroeder R. Social Theory after the Internet. Media, Technology and Globalization. London : UCLPress, 2018. 196 p.

Информация об авторе

Чжан Сяожань
аспирант,
Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет
770667160@qq.com

Zhan Gxiaoran
Graduate Student,
Graduate School of Journalism
and Mass Communications,
St. Petersburg State University
770667160@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.66.91.002>
УДК 081

Attribution
cc by

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ОСМЫСЛЕНИИ МЕДИА И ЖУРНАЛИСТИКИ

Чэнь Фэй

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. Цель. Данная статья рассматривает традиции и инновации в понимании средств массовой информации и журналистики. Методы. В статье были использованы общенаучные методы познания и исследования. Результаты. Статья анализирует влияние этих изменений на традиционные СМИ и журналистику. Она рассматривает роль социальных сетей как нового канала коммуникации и влияние алгоритмов подбора контента на формирование мнений. Кроме того, статья исследует роль традиционных СМИ в новом медиалиндустриальном ландшафте и адаптацию журналистики к требованиям цифровой эпохи. Выводы. Традиционно СМИ и журналистика играли важную роль в обществе, предоставляя информацию, анализ событий и служа как инструмент контроля и влияния на политический процесс. Однако с развитием технологий и появлением новых медиаформатов, таких как социальные сети, блоги и видеоплатформы, понимание СМИ и журналистики претерпело существенные изменения.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, государственное регулирование, терроризм, фэйки.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN UNDERSTANDING MEDIA AND JOURNALISM

Chen Fei

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. Goal. This article examines traditions and innovations in the understanding of mass media and journalism. Methods. General scientific methods of cognition and research were used in the article. Results. The article analyzes the impact of these changes on traditional media and journalism. She considers the role of social networks as a new communication channel and the influence of content selection algorithms on the formation of opinions. In addition, the article explores the role of traditional media in the new media industrial landscape and the adaptation of journalism to the requirements of the digital age. Conclusions. Traditionally, the media and journalism have played an important role in society, providing information, analysis of events and service as a tool of control and influence on the political process. However, with the development of technology and the emergence of new media formats, such as social networks, blogs and video platforms, the understanding of media and journalism has undergone significant changes.

Keywords: journalism, media, government regulation, terrorism, fakes.

Введение. Инновации – это перемены. Медиа-продукты и услуги меняются. Меняются процессы производства и распространения медиа. Владение и финансирование средств массовой информации меняются. Роли пользователей меняются. И наши представления о СМИ тоже меняются [1].

Исследователей СМИ всегда интересовали изменения, происходящие в СМИ – новые медиа, новые жанры и новые способы использования медиа. Исследование новых медиа-разработок, их политического, культурного и экономического контекста, новых форматов и новых форм участия пользователей являются важными вопросами медиа-исследований.

Однако эта озабоченность новыми медиа в значительной степени не была основана на явных теоретических соображениях об инновациях. Это может предоставить исследователям СМИ лучшие инструменты – не для того, чтобы видеть совершенно новые вещи, а для исследования тех аспектов новых медиа, которые в противном случае были бы не так доступны.

Марсель Пруст заметил: «Настоящее путешествие открытий состоит не в поиске новых пейзажей, а в том, чтобы увидеть новые глаза».

Материалы, представленные в данном исследовании, показывают, что теории инноваций открывают плодотворные и актуальные перспекти-

вы для исследований средств массовой информации [2].

В этом ключе, важно помнить о том, что существует много споров о взаимосвязи между терроризмом и средствами массовой информации. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер назвала публичность в СМИ «кислородом» терроризма. Бывший лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, по словам бывшего близкого соратника, был «чрезвычайно увлечен» и был «одержим» вниманием международных СМИ.

Действительно, террористам нужно, чтобы люди, находящиеся за пределами непосредственной географической зоны нападения, знали об их действиях, чтобы посеять страх и заручиться народной поддержкой. Как заключает Брюс Хоффман:

«Без освещения в средствах массовой информации влияние акта, возможно, будет потрачено впустую, оставаясь узко ограниченным непосредственной жертвой (жертвами) нападения, вместо того, чтобы достичь более широкой «целевой аудитории», на которую на самом деле направлено насилие террористов» [3].

Хотя отношения между терроризмом и СМИ на первый взгляд могут показаться простыми, на самом деле они сложны и динамичны. Террористические группировки используют основные средства массовой информации, а также свои собственные пропагандистские продукты в качестве средства привлечения внимания общественности. При этом они одновременно пытаются повлиять на несколько аудиторий, включая (но не обязательно ограничиваясь) правительственных чиновников, массовую общественность конкретной страны или более широкую международную аудиторию.

Очевидно, что терроризм и средства массовой информации тесно связаны между собой в динамичных отношениях. Однако со временем этот процесс становится все более сложным, в связи с радикальными изменениями в медиаландшафте, в частности, появлением «новых» медиа-платформ, основанных на Интернете. Это создает серьезные проблемы для борьбы с использованием средств массовой информации террористами в демократических странах.

В этой связи, существует понимание необходимости принятия и наращивания серьезных мер контроля информационного пространства со стороны общества и, в значительной степени, государственных структур в мире. Такое понимание сформировалось, а в недавний период существенно окрепло перед лицом усугубления угроз терроризма и экстремизма, нарастающих посредством активности их носителей и спонсоров именно в Интернете и соцсетях.

Обсуждение. Многие меры в данной сфере уже активно предпринимаются, прежде всего, в государствах-лидерах международных антитеррористических усилий, часто являющихся одновременно и основными мишенями террористов.

Речь идет, в частности:

— об усилении госрегулирования онлайн-пространства и соцсетей;

— о расширении полномочий в этих вопросах традиционных органов безопасности или создании для этого разноформатных специальных подразделений;

— об ужесточении наказания за противоправные действия в Интернете, связанные с терроризмом и экстремизмом; укреплении взаимодействия с заинтересованным бизнесом.

В приоритетах многих государств, в т.ч., в России — целенаправленное подключение к этим задачам потенциала гражданского общества (научных, культурных и образовательных учреждений, СМИ, НПО, религиозных общин).

Все более энергичная работа, всегда при активном участии России, осуществляется и на международном уровне, прежде всего, в ООН. Так, положение в пользу противодействия активности террористов в Интернете и соцсетях является одним из ключевых элементов инициированного Россией проекта резолюции СБ ООН по противодействию терридеологии (выдвинут в октябре 2016 г.). Продвижение нашей инициативы, как считаем, позволило адекватно насытить близкое по духу египетское предложение в СБ ООН по выработке «всеобъемлющих международных рамок» борьбы с терпропагандой («рамки» одобрены субстантивной резолюцией СБ ООН 2354), которые впервые на таком уровне зафиксировали в качестве международных «наилучших практик» криминализацию подстрекательства к терроризму, блокировку, фильтрацию и удаление террористического и экстремистского контента из Интернета и соцсетей.

В принципе — так говорят российские компетентные ведомства и признают многие зарубежные партнеры — комплексные отечественные меры противодействия террористической и экстремистской пропаганде в Интернете и соцсетях, лежащие и в основе наших предложений на международной арене, безусловно, входят в число наиболее смелых, системных и эффективных в соответствующей международной практике.

Здесь имеются в виду, прежде всего, предоставленная российским законодательством, начиная с 2014 г., возможность во внесудебном порядке ограничивать доступ к информационным ресурсам, содержащим призывы к террористической и экстремистской деятельности, а также, например, обязанность операторов связи и организаторов распространения информации в сети Ин-

тернет хранить сведения об этом в течение 3 лет и 1 года соответственно (норма установлена изменениями в законодательство, внесенными в 2016 г. в рамках т.н. «пакета Яровой»). Статистика наглядно подтверждает результативность указанных государственных решений: в общей сложности удалены экстремистские материалы с более 25,3 тысяч интернет-ресурсов, заблокировано более 37 тысяч таких ресурсов с террористическим и экстремистским контентом [4].

Фундаментальной проблемы террористической, в т.ч. антироссийской, активности в Сети это, конечно, не снимает, так как информационные технологии функционируют глобально и регулироваться, «вычищаться» от опасных проявлений могут только в силу надежных и действительно глобальных договоренностей. Допустить подобные межгосударственные ограничения западники, исторически и технологически обладающие преимущественным влиянием на развитие «Всемирной паутины», не желают по очевидным геополитическим и политическим соображениям [5].

Это – позиция циничная и, безусловно, замешанная на «двойных стандартах», но, как показывают события, изменить ее даже перед лицом угрозы терроризма нынешнего беспрецедентного уровня западники не готовы: особенно с учетом объективно имеющихся у них возможностей (и политической готовности) переориентировать значительную часть этой угрозы против «неудобных» режимов, включая Российскую Федерацию.

Результаты. В это политизированное и своекорыстное видение удобной для себя организации информационного пространства вписываются и громко заявляемые западными государствами приоритеты в части контртеррористического и «антиэкстремистского» регулирования соцсетей: главное-же добровольное сотрудничество, «партнерство» с Интернет-компаниями, что не является и не должно быть покусением на «полную свободу Интернета»; то есть, на «свободу слова», свободу распространять и получать информацию и прочие ценности, абсолютизиру-

емые Западом. Соответственно, любые рестриктивные инициативы в этой сфере, включая и наши, огульно и бездоказательно квалифицируются как недемократичные, авторитарные и в итоге «обязательно контрпродуктивные».

И у этой западной «медали» есть циничная «оборотная сторона». Нам всем предстоит еще увидеть и оценить, как далеко в защите своих интересов и граждан от терроризма и экстремизма в соцсетях – вне зависимости от собственной публичной риторики на международных площадках – пойдут западные государства. Уже сейчас раз за разом их национальные власти принимают решения, способные конкурировать по резкости и «ударному эффекту» с «пакетом Яровой». Так, в Германии одобрен закон, в соответствии с которым крупные иностранные соцсети могут быть оштрафованы на сумму до 50 млн. евро за неоднократное несвоевременное удаление «публикаций, содержащих фейковые новости или разжигающих ненависть» [6].

Заключение. В таких условиях считаем важным, в любом случае, продолжать внимательно отслеживать международные практики в этих вопросах, причем включая как меры, предпринимаемые в рамках «мягких схем» контроля за Интернетом и соцсетями – по линии партнерских контактов с бизнес-сообществом, так и жесткие «рестрикции», вплоть до системной и достаточно широкой изоляции национального Интернет-пространства (Иран, Китай, Туркменистан) [7].

Одновременно, стержневым элементом нашей линии должно оставаться наступательное, твердое отстаивание принципиальных позиций по данным вопросам на международной арене – гарантия обязательной ведущей роли государств и их компетентных органов в любых задачах противодействия терроризму и экстремизму, включая международное сотрудничество; недопущение вмешательства во внутренние дела, в т.ч. под видом продвижения «наилучшей практики» (например, в вопросах «дерадикализации» в Интернете и соцсетях, «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ) и пр.).

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Баталов О.В. Инновационные технологии в медиа: тенденции развития и перспективы / О.В. Баталов // Журналистика и медиаобразование. 2020. № 8(2). С. 97–110.
2. Варламов А. Роль социальных сетей в современной журналистике: традиции и инновации / А. Варламов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Журналистика. 2021. № 17(1). С. 82–94.

3. Григорьев А.В. Инновационные практики в современной журналистике: опыт и проблемы / А.В. Григорьев, А.Ю. Лебедев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Журналистика. 2019. № 68(2). С. 183–202.
4. Ларина Т.А. Инновационные форматы в медиа: открытая журналистика и рассказы в социальных сетях / Т.А. Ларина, С.В. Лебедев // Массовая коммуникация. 2021. № 9(3). С. 81–92.
5. Соколов Г.Н. Инновации в журналистике как основа медиаобразования / Г.Н. Соколов // Журналистика в условиях устройства массовой коммуникации. 2018. № 3(2). С. 45–57.
6. Усольцева Г.А. Инновационные подходы в журналистике: традиции и вызовы современности / Г.А. Усольцева // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 9(1). С. 112–126.
7. Богатыренко И.А. История создания и современные проблемы универсальных договорных контрольных органов по защите прав человека / И.А. Богатыренко // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10(173). С. 24.

References:

1. Batalov O.V. Innovative technologies in media: development trends and prospects / O.V. Batalov // Journalism and Media education. 2020. № 8(2). P. 97–110.
2. Varlamov A. The role of social networks in modern journalism: traditions and innovations / A. Varlamov // Bulletin of the Russian University of Friendship of the Peoples. Journalism series. 2021. № 17(1). P. 82–94.
3. Grigoriev A.V. Innovative practices in modern journalism: experience and problems / A.V. Grigoriev, A.Yu. Lebedev // Bulletin of St. Petersburg University. Journalism. 2019. № 68(2). P. 183–202.
4. Larina T.A. Innovative formats in media: open journalism and stories in social networks / T.A. Larina, S.V. Lebedev // Mass communication. 2021. № 9(3). P. 81–92.
5. Sokolov G.N. Innovations in journalism as the basis of media education / G.N. Sokolov // Journalism in the conditions of mass communication device. 2018. № 3(2). P. 45–57.
6. Usoltseva G.A. Innovative approaches in journalism: traditions and challenges of modernity / G.A. Usoltseva // Questions of theory and practice of journalism. 2015. № 9(1). P. 112–126.
7. Bogatyrenko I.A. The history of creation and modern problems of universal contractual control bodies for the protection of human rights / I.A. Bogatyrenko // Eurasian Legal Journal. 2022. № 10(173). P. 24.

Информация об авторе

Чэнь Фэй

аспирант кафедры теории и истории журналистики,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
1101917372@qq.com

Chen Fei

Graduate Student of the Department
of Theory and History of Journalism,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia
1101917372@qq.com

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.27.45.011>
УДК 343.211.6

Attribution
cc by

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ОСНОВАНИЙ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Афанасова М.С.

Российская академия адвокатуры и нотариата; Пятигорский городской суд

Аннотация. Цель: Разработать типологию существующих в современном российском уголовном законе оснований и способов возмещения вреда от преступления.

Задачи. Провести классификацию оснований и способов возмещения ущерба потерпевшему от преступления и возмещения вреда, причиненного государству и обществу; представить теоретические модели возмещения вреда от преступления, дать им уголовно-политическую оценку.

Методы. В работе использован потенциал документального метода анализа, а также метода классификации и моделирования, применяемых на основе принципов системности и объективности.

Результаты. Установлено наличие трех базовых моделей возмещения вреда средствами уголовного права: модель возмещения вреда непосредственно потерпевшему от преступления со стороны виновного лица; модель возмещения вреда потерпевшему от преступления со стороны государства, но за счет виновного лица; модель возмещения затрат государства на правоохранение.

Выводы. Предусмотренные законом основания и формы возмещения вреда от преступления являются весьма многообразными и позволяют в целом эффективно решать компенсаторные задачи отрасли уголовного права. Вместе с тем, эта система не может быть признана застывшим образованием и содержит в себе резервы для дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: возмещение вреда от преступления; добровольное возмещение вреда; возложение обязанности загладить вред; систематизация уголовно-правовых норм.

SYSTEMATIZATION AND TYPOLOGIZATION OF THE GROUNDS FOR COMPENSATION FOR DAMAGE FROM A CRIME IN CRIMINAL LAW

Marina S. Afanasova

Russian Academy of Advocacy and Notary; Pyatigorsk City Court

Abstract. Objective. To develop a typology of the grounds and methods of compensation for harm from a crime existing in modern Russian criminal law.

Tasks. To classify the grounds and methods of compensation for damage to the victim of a crime and compensation for damage caused to the state and society; to present theoretical models of compensation for damage from a crime, to give them a criminal and political assessment.

Methods. The paper uses the potential of the documentary method of analysis, as well as the method of classification and modeling, applied on the basis of the principles of consistency and objectivity.

Results. The existence of three basic models of compensation for harm by means of criminal law has been established: a model of compensation for harm directly to the victim of a crime by the guilty person; a model of compensation for harm to the victim of a crime by the state, but at the expense of the guilty person; a model of reimbursement of the costs of the state for law enforcement.

Conclusions. The grounds and forms of compensation for damage from a crime provided for by law are very diverse and allow, in general, to effectively solve compensatory tasks of the branch of criminal law. At the same time, this system cannot be recognized as a frozen formation and contains reserves for further improvement.

Keywords: compensation for harm from a crime; voluntary compensation for harm; assignment of the obligation to make amends for harm; systematization of criminal law norms.

Введение.

Возмещение вреда от преступления – многоаспектная и крайне сложная социальная проблема,

в решении которой задействованы самые разные социальные институты. Оно может осуществляться в различных юридических формах (от страхования до уголовной ответственности),

© Афанасова М.С.

а равно в формах, не предполагающих обязательное правовое регулирование. В ряду предусмотренных законом способов возмещения вреда особое место занимают те, что предусмотрены уголовным законом. Их изучению в последние годы посвящен значительный массив литературных источников. Вместе с тем, целостный анализ, на уровне разработки системы и типологии, как полагаем, еще не представлен, что обуславливает необходимость дополнительного изучения темы.

Результаты.

Общий перечень материально-правовых и процессуальных оснований и способов возмещения вреда от преступления потерпевшему и государству, достаточно широк. Сосредотачивая внимание собственно на уголовно-правовых аспектах возмещения вреда, полагаем необходимым провести систематизацию имеющихся в законе норм, используя для этого различные критерии, отражающие специфику уголовно-правовой регламентации и оценки случаев возмещения ущерба.

1. В зависимости от того, какой вред от преступления и кому именно возмещается, можно выделить нормы:

А) ориентированные на возмещение вреда потерпевшему (ст. 61, 73, 74, 75, 76, 76.1, 79, 90, 92, 104.3, 178, 195, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3 УК РФ);

Б) учитывающие необходимость возмещения ущерба государству (ст. 46, 49, 50, 53.1, 62, 76.1, 76.2, 104.1, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ).

2. В зависимости от того, каковы особенности механизма возмещения вреда, можно выделить нормы:

А) учитывающие избавление государства от затрат на реализацию правоохранительной функции (ст. 62, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ);

Б) ориентированные на возмещение реального ущерба (все остальные нормы, представленные в таблице).

3. В зависимости от соотношения объема возмещения и объема причиненного вреда, можно выделить нормы:

А) предполагающие полное возмещение вреда (ст. 76.1, 198, 195, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3 УК РФ);

Б) допускающие частичное или возможное в конкретных условиях возмещение (ст. 46, 49, 50, 53.1, 61, 62, 73, 74, 75, 76, 76.2, 79, 90, 92, 104.1, 104.3, 178 УК РФ).

4. В зависимости от целевого назначения, можно выделить нормы:

А) стимулирующие возмещение вреда (ст. 61, 62, 75, 76, 76.1, 76.2, 73, 74, 79, 178, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3 УК РФ);

Б) допускающие возмещение вреда (ст. 46, 49, 50, 53.1, 90, 92, 104.1, 104.3 УК РФ).

5. В зависимости от обеспеченности возместительных мер силой государственного принуждения, можно выделить нормы:

А) подкрепленные силой принуждения и влекущие негативные последствия в случае невозмещения (ст. 62, 73, 74, 76.2, 79, 90, 92, 104.1, 104.3 УК РФ);

Б) не подкрепленные силой принуждения (ст. 61, 75, 76, 76.1, 178, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ);

6. В зависимости от оценки волеизъявления виновного, можно выделить нормы:

А) основанные на добровольном возмещении вреда (ст. 61, 62, 75, 76, 76.1, 76.2, 178, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ);

Б) предполагающие принудительное возмещение вреда (ст. 46, 49, 50, 53.1, 73, 74, 79, 90, 92, 104.1, 104.3 УК РФ).

7. В зависимости от места возмещения вреда в структуре предписания, можно выделить нормы:

А) признающие возмещение вреда условием применения или исполнения той или иной меры уголовно-правового характера (ст. 61, 62, 73, 74, 75, 76, 76.1, 76.2, 79, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ);

Б) признающие возмещение вреда содержанием меры уголовно-правового характера (ст. 46, 49, 50, 53.1, 76.2, 90, 92, 104.1, 104.3 УК РФ).

8. В зависимости от уголовно-правового значения, можно выделить нормы:

А) признающие возмещение вреда смягчающим наказанием обстоятельством (ст. 61, 62 УК РФ);

Б) признающие возмещение вреда условием освобождения от уголовной ответственности или наказания (ст. 75, 76, 76.1, 76.2, 90, 92, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.3, 110.2, 127.1, 178, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 291.2, 322.2, 322.3 УК РФ);

В) признающие возмещение вреда частью уголовного наказания (ст. 46, 49, 50, 53.1 УК РФ);

Г) признающие возмещение вреда мерой, назначаемой вместе с уголовным наказанием (ст. 104.1, 104.3 УК РФ);

Д) признающие возмещение вреда обстоятельством, влияющим на назначение и порядок исполнения мер уголовно-правового характера (ст. 73, 74, 79 УК РФ).

Обсуждение.

Классификация позволяет весьма глубоко погрузиться в содержание исследуемых нами норм и имеет, как представляется, весьма важное познавательное значение. Вместе с тем, для более полной систематизации и всестороннего описания проблемы возмещения вреда от преступления в российском уголовном праве полагаем необходимым использовать еще один метод – типологизацию изучаемых ситуаций. Типологизация, как известно, предполагает деление множества на группы, не имеющие четких границ, но соответствующие определенной модели, которая может объединять собой элементы множества, представленные в различных классификационных группах.

Рассматривая с этих позиций множество ситуаций возмещения вреда в уголовном праве и оценивая нормы, связанные с механизмом такого возмещения, вполне возможно выделить три модели или три типа возмещения.

Первую модель демонстрируют ситуации возмещения вреда непосредственно потерпевшему от преступления со стороны виновного лица. Ей свойственны:

- добровольность возмещения вреда;
- целенаправленный и стимулирующий характер возмещения;
- признание нецелесообразности реализации уголовной ответственности виновного при наличии возмещения.

Вторую модель демонстрируют ситуации возмещения вреда потерпевшему от преступления со стороны государства, но за счет виновного лица. Ей свойственны:

- принудительный характер возмещения;
- целенаправленный характер возмещения;
- возмещение ущерба в процессе реализации уголовной ответственности или при освобождении от нее.

Третью модель демонстрируют ситуации возмещения затрат государства на правоохранение. Ей свойственны:

- принудительный либо добровольный характер возмещения вреда;

– нецеленаправленный, латентный характер возмещения;

– возмещение ущерба в процессе реализации уголовной ответственности виновного лица.

Эти модели могут иметь различные формы внешнего, практического выражения (которые будут проанализированы в последующих разделах диссертации). Здесь же необходимо, на наш взгляд, обратить дополнительное внимание на некоторые дополнительные теоретические аспекты темы.

Как видно, из изложенных моделей, возмещение ущерба в механизме уголовно-правового регулирования выполняет весьма различные функции. Причем, как представляется, эти функции взаимосвязанные и, по общему правилу, логично вытекающие друг из друга. Проследить их взаимосвязь можно на фоне развития охранительных уголовно-правовых отношений.

Факт совершения преступления, как известно, порождает уголовно-правовую связь между государством и лицом, совершившим преступление, в виде комплекса их взаимных прав и обязанностей. По мнению ряда специалистов, в эти отношения включен также и потерпевший от преступления (в качестве основного или субсидиарного участника) [1]. Думается, что все субъекты в самой минимальной степени заинтересованы в реализации уголовной ответственности. В силу этого, государство создает механизм, при котором лицу, совершившему преступление, предлагается самостоятельно выполнить действия, направленные на устранение или минимизацию вызванного преступлением вреда. Такие действия приобретают значение юридического факта, который влечет за собой изменение или прекращение возникшего уголовно-правового отношения [2, с. 194]. В случае, если таковые действия не будут предприняты, государство в силу возложенных на него конституционных обязательств, реализует уголовную ответственность, в рамках которой уже по своему усмотрению, как правило, в императивном порядке, решает вопросы возмещения причиненного преступлением вреда. При такой логике представленные выше модели можно рассматривать как взаимно дополняющие и последовательно сменяющие друг друга в механизме развития уголовно-правового отношения.

Разумеется, такая логика не может быть признана универсальной и не может быть распространена на ситуации регулирования всех без исключения уголовно-правовых отношений. В их основе, равно как и в основе предполагаемых способов регулирования, находится юридический факт совершения преступления, со всеми присущими ему особенностями, прежде всего, определяющими общественную опасность преступления. Поэтому, разумеется, что при совершении преступлений, обладающих повышенной опасностью, причиняющих невозместимый или крайне масштабный вред, такая логика «не ра-

ботаает», вопросы возмещения вреда от преступления в данном случае уступают место вопросам определения справедливого публичного наказания и восстановления социальной справедливости. Но в иных ситуациях, когда вред четко исчислим, когда опасность преступления не выходит за пределы этого вреда, когда можно четко определить лицо, которому причинен вред, представленная логика разрешения уголовно-правового конфликта оказывается вполне работоспособной и эффективной. Кроме того, именно она вытекает из требований принципов справедливости и гуманизма, в соответствии с которыми наиболее мягкий, наиболее щадящий способ разрешения уголовно-правового конфликта должен обладать приоритетом перед использованием способов, связанных с ограничением и лишением человека тех или иных прав или свобод.

Продолжая обобщенный анализ моделей, надо заметить, что все они, по большому счету, основаны на одной идее – возмещения ущерба от преступления со стороны виновного лица. Именно оно добровольно или принудительно, явно или латентно возмещает вред, причиненный потерпевшему или государству. Такой подход позволяет достаточно полно вписать идею возмещения вреда в механизм уголовно-правового регулирования, в рамках которого именно лицо, совершившее преступление, должно претерпеть негативные последствия содеянного, а лица, понесшие убытки, получить компенсацию со стороны виновного лица.

Государство стимулирует или принудительно взыскивает с виновного возмещение в пользу потерпевшего, либо принудительно взыскивает с виновного денежные суммы в свой бюджет, либо экономит на собственных расходах, конструируя различные упрощенные порядки рассмотрения уголовных дел. Однако важно заметить, что при таком подходе полностью игнорируются обязательства государства, связанные с необходимостью возмещения ущерба потерпевшим от преступлений. В.В. Батуев правильно пишет, что при причинении вреда в результате преступления присутствует и «вина государства», гарантирующего необходимую защиту гражданам. Поэтому потерпевший вправе требовать возмещения причиненного преступлением вреда, а государство обязано этот вред возместить [3, с. 25].

Об обязанности государства обеспечить защиту прав потерпевших и компенсацию причиненного им в результате совершения ущерба написано достаточно много [4; 5; 6]. Нисколько не оспаривая саму идею такого возмещения, но при этом и не вторгаясь в глубокую полемику по данному вопросу, заметим только, что обязательства государства перед потерпевшими не могут составлять элемент уголовно-правового отношения. Они, по нашему представлению, должны быть реализованы в рамках иных, конституционных по своей природе правоотношений, основанных на положениях ст. 52 Конституции РФ. В противном

случае, механизм реализации этой обязанности будет крайне затруднительным, если не невозможным в принципе в рамках процедуры, установленной УПК РФ. Да и уголовно-правовая природа таких компенсационных выплат не может быть определена с необходимой точностью; вписать их в нормативную систему мер уголовно-правового характера и в общее учение об ответственности не представляется возможным. В силу этого, возмещение ущерба от преступления потерпевшему со стороны государства не может рассматриваться как часть проблемы, анализируемой в рамках настоящей диссертации. При всей ее безусловной значимости, она остается за рамками предмета исследования и нуждается в самостоятельном и отдельном рассмотрении.

Заключение.

Подводя итог исследованию вопроса об уголовно-правовых конструкциях и нормах, ориентированных на возмещение вреда от преступления, представляется возможным в обобщенном виде выделить три существующие и потенциально возможные модели уголовно-правовых решений:

– модель возмещения вреда непосредственно потерпевшему от преступления со стороны виновного лица. Ей свойственны добровольность возмещения, целенаправленный и стимулирующий характер возмещения, признание нецелесообразности реализации уголовной ответственности виновного при наличии возмещения;

– модель возмещения вреда потерпевшему от преступления со стороны государства, но за счет виновного лица. Ей свойственны принудительный характер возмещения, целенаправленный характер возмещения, возмещение ущерба в процессе реализации уголовной ответственности или при освобождении от нее;

– модель возмещения затрат государства на правоохранение. Ей свойственны принудительный либо добровольный характер возмещения вреда, нецеленаправленный, латентный характер возмещения, возмещение ущерба в процессе реализации уголовной ответственности виновного лица.

Сложившаяся к настоящему дню система уголовно-правовой оценки возмещения вреда от преступления со стороны лица, совершившего противоправное деяние, при всех присущих ей достоинствах и недостатках, не может быть признана венцом развития отечественного уголовного права. Она отражает, на наш взгляд, лишь очередной этап его развития; при этом является итогом длительной эволюции законодательства и уголовно-правовой доктрины, эволюции, которая впитала в себя все основные вехи развития отрасли уголовного права, и которая, в силу своей научно-познавательной ценности, нуждается в дальнейшем самостоятельном исследовании.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М. : Норма, 2011. 320 с.
2. Андрианов В.К. Проблемы теории юридических фактов в уголовном праве / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин. М. : Юрлитинформ, 2015. 246 с.
3. Батуев В.В. Обеспечение при расследовании преступления гражданского иска потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 41 с.
4. Суслин А.В. Уголовно-правовые средства возмещения вреда потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 218 с.
5. Митин М.А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 25 с.
6. Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы / С.В. Юношев // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2(122). С. 212–219.

References:

1. Henrikh N.V. The subject and method of criminal law regulation: history, theory and practice. M. : Norm, 2011. 320 p.
2. Andrianov V.K. Problems of the theory of legal facts in criminal law / V.K. Andrianov, Yu.E. Pudovochkin. M. : Yurlitinform, 2015. 246 p.
3. Batuev V.V. Provision in the investigation of a crime of a victim's civil claim : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 1999. 41 p.
4. Suslin A.V. Criminal-legal means of compensation for harm to victims : dis. ... cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2005. 218 p.
5. Mitin M.A. International legal regulation of compensation to victims of criminal crimes : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. SPb., 2012. 25 p.
6. Yunochev S.V. State compensation to victims of crimes: foreign experience and Russian prospects / S.V. Yunochev // Bulletin of the Samara State University. 2014. № 11/2(122). P. 212–219.

Информация об авторе

Афанасова Марина Сергеевна
стажер кафедры адвокатуры
и уголовно-правовых дисциплин,
Российская академия адвокатуры и нотариата,
судья Пятигорского городского суда
afanasowa.marina@yandex.ru

Marina S. Afanasyova
Trainee of the Department
of Advocacy and Criminal Law Disciplines,
Russian Academy of Advocacy and Notary,
judge of the Pyatigorsk City Court
afanasowa.marina@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.75.87.013>
УДК 343.985

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ И ЕЕ СЛЕДООБРАЗОВАНИЕ

Закусило А.М.

Байкальский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы формирования криминалистической методики расследования легализации денежных средств, полученных преступным путем, исходя из особенностей криптовалюты и её использования в качестве средства платежа и следообразования оборота криптовалюты. Представлен механизм легализации преступных доходов с использованием криптовалюты и ее следообразование. На основе данного механизма предложен алгоритм действий, необходимых для обнаружения следов легализации, который может послужить для формирования типовой методики расследования, рассчитанная как на ситуации с преступной легализацией (отмыванием) доходов и данными о конкретных участниках к такой легализации лиц, так и при отсутствии подобных сведений. Предложенная программа направлена на собиране следов преступления, является свойственной составляющей прикладного элемента частной криминалистической методики расследования при ее дальнейшем развитии.

Ключевые слова: криптовалюта, легализация преступных доходов, криминалистическая методика.

FEATURES OF THE MECHANISM OF LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS USING CRYPTOCURRENCIES AND ITS FORMATION OF TRACES

Alexander M. Zakusilo

Baikal State University

Abstract. The article discusses the problematic issues of the formation of a forensic methodology for investigating the legalization of funds obtained by criminal means, based on the characteristics of the cryptocurrency and its use as a means of payment and the trace formation of cryptocurrency turnover. The mechanism of legalization of criminal proceeds using cryptocurrency and its trace formation is presented. Based on this mechanism, an algorithm of actions necessary to detect traces of legalization is proposed, which can serve to form a standard investigation methodology, designed both for situations with criminal legalization (laundering) of income and data on specific persons involved in such legalization, and in the absence of such information. The proposed program is aimed at collecting traces of a crime, is a characteristic component of the applied element of the private forensic investigation methodology in its further development.

Keywords: cryptocurrency, money laundering, criminalistic methodology investigation.

Введение.

Анализ специальной научной литературы и правоприменительной практики свидетельствует о том, что проблема борьбы с легализацией (отмыванием) преступных доходов сохраняет свою остроту и высокую актуальность, а в связи с появлением нового вида платежного средства – цифровой валюты (криптовалюты), позволяющей совершать финансовые операции в условиях анонимности, так как, согласно пункту 3 статьи 1 ФЗ № 259 от 31 июля 2020 года [1], указанная валюта не относится к денежной единице Российской Федерации, иностранного государства, а также не является международной или расчетной, что влияет на сложность в ее отслеживании и контроле.

На сегодняшний день сохранение анонимности в сфере денежного оборота является приоритетом для преступников и преступных сообществ, так как позволяет совершать преступления, оставляя наименьшее количество доказательств. Данный признак может существенно влиять на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

Преступная легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества признается в юридической науке высоко латентной, характеризующейся скрытыми механизмами осуществления серии финансово-хозяйственных операций, сложным составом организованных преступных формирований, специализирующихся на указан-

ном деянии, с дифференцированным разделением ролей. При включении в эти преступные процессы не отслеживаемой и не контролируемой цифровой валюты (криптовалюты), позволяющей сохранять анонимность, что только усугубляет процесс раскрытия такого преступления, что не может не вызывать потребность в научном и методическом обеспечении деятельности правоохранительных органов по расследованию соответствующего вида преступлений с использованием цифровой валюты (криптовалюты).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что вопрос формирования криминалистической методики расследования легализации денежных средств, полученных преступным путем, исходя из особенностей криптовалюты и её использования в качестве средства платежа и слепообразования оборота криптовалюты является актуальным как для научно-исследовательской деятельности, так и для оперативного и качественного расследования таких преступлений.

Методология исследования.

В основе методологии исследования лежат методы сравнительного правоведения, анализа и синтеза, а также логический метод, которые использованы с помощью компаративистского подхода к отечественной и зарубежной законодательной базе в части методов, применяемых к расследованию легализации преступных доходов с использованием криптовалюты.

Использование указанных методов позволило выявить сходство и отличие отечественного и зарубежного опыта; предложить подходы к формированию методики расследования легализации преступных доходов с использованием криптовалюты.

В настоящее время, существует объективная потребность в разработке криминалистической методики, позволяющей определить момент совершения легализации преступных доходов с помощью криптовалюты, определить способы сбора и фиксации сведений, служащих доказательством совершения соответствующих действий, правил квалификации в части установления размера совершенного деяния, структурировании способов слепообразования. Формирование таковой без понимания «технической» стороны вопросы затруднительно.

Обсуждение.

Д.Б. Жамбалов формирует основы криминалистической методики по расследованию легализации преступных доходов как «обусловленные противоречивым соотношением исходных ситуаций расследования с предметом доказывания базовая система тактических задач и комплексов следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на их решение»[2].

Предполагается, что для разработки полноценной методики необходимо установить систему и последовательные решения встающих перед следствием задач на основе эмпирических данных (что логично). В рамках установления данной системы, неизбежно встает вопрос определения схем и способов легализации, формирование достаточной базы доказательств.

Целостная криминалистическая методика имеет достаточно сложную структуру, включающую теоретический и прикладной элементы. Теоретическая составляющая отражает криминалистическую характеристику преступления, а прикладная часть формируется из типовых версий, следственных ситуаций, тактики их разрешения и особенностей приемов, способов выявления, фиксации необходимых следов.

Основа теоретической составляющей криминалистической методики расследования легализации преступных доходов сформирована в ряде работ П.И. Иванова, П.А. Ивлиева, В.О. Лапина, С.М. Мухина и иных авторов [3]. Однако сама модель легализации преступных доходов с использованием криптовалюты вызывает, на данный момент, сложности, отражающиеся на качестве деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию данных видов преступлений.

Большая часть затруднений возникает в процессе сбора необходимых доказательств и его обеспечения. Преодоление данных затруднений предполагает разработку частной методики, которая раскрывала бы основные этапы расследования. П.И. Ивановым и С.А. Пироженовым выделяют этапы расследования, среди которых выделены:

- отражение совокупности данных о способе совершенного преступления, его подготовке и сокрытию;
- использование базовых специальных знаний, без которых высок риск неустановления обстоятельств, подлежащих доказыванию (факты движения денежных средств, конечных их получатели, размеры преступных доходов);
- механизм преступления, обуславливающий применение тех или иных криминалистических средств;
- тактические комбинации расследования, включающие определение связей между субъектами, размера преступного дохода, обстоятельства вывода денежных средств из оборота;
- определение круга типичных носителей и источников следов легализации, алгоритм их поиска;
- и иные [4].

Соответственно, в целях успешного «наполнения» прикладного элемента частной криминали-

стической методики, необходимо понимать специфику слеодообразования движения денежного потока в криптовалюте и схему работы блокчейна. Обозначенные данные ложатся в основу построения модели легализации преступных доходов и определения типовых действий по выявлению и фиксации следов.

Можно выделить следующие характеристики легализации незаконных доходов через криптовалюту:

- перевод криптовалюты в обычные деньги и их отправка на счета третьих лиц с последующими наличными операциями;
- использование чужих банковских карт, в том числе зарегистрированных в других регионах России;
- регулярный перевод денег между связанными лицами;
- массовое снятие денег с нескольких карт одновременно в одном банкомате;
- использование неидентифицированных счетов в электронных платежных системах для получения вознаграждения в криптовалюте с последующей отправкой денег на счета третьих лиц и их обналичивание;
- расхождение между представленными данными пользователя и его IP-адресом;
- подозрительные IP-адреса и имена пользователей;
- вход с ненадежных IP-адресов или с ранее подозрительных адресов;
- большое количество банковских счетов, принадлежащих одной компании по обмену виртуальной валюты;
- нелогичное обоснование иметь счета в других странах;
- круговое движение денег между разными счетами и владельцами виртуальной валюты;
- высокий объем и частота операций с наличностью[5].

Соответственно, необходимо понимать, что в целях преступной легализации денежных средств субъекты, как правило, создаются кошельки на различных платформах агрегаторах, момент создания которых трудно отследить. Кроме того, в целях легализации денежных средств, используются совершенно разные криптовалюты. На сегодняшний день их больше 10 тысяч.

Однако, исследуя вопросы установления необходимых данных для раскрытия преступлений, многие авторы обращаются к наиболее простой на сегодняшний день криптовалюте – биткоином

[6]. Понимая тенденции развития криптовалюты, следует учесть, что биткоин уже устарел – слишком малое количество транзакций в секунду (5/6). Для сравнения, VISA – более 20 тысяч транзакций в минуту. Подтверждение транзакции в блокчейне биткоина занимает много времени, так как транзакции в сформированном блоке должны подтвердить 50 % + 1 нода и распространить по всей сети. Кроме того, блокчейн биткоин является общедоступной сетью: любой желающий может читать содержимое блоков и участвовать в механизме консенсуса. Пользователи имеют доступ как к коду входа, так и выхода блока (проще говоря, мы можем проследить количество поступлений на кошельки, количество транзакций и сумму переводов с кошелька).

Изложенное подтверждает необходимость обращать более пристальное внимание на иные криптовалюты – манеро, зеткеш, дэш, которые скрывают свои выходные данные (каждого последующего приобретателя).

Соответственно, при выдвижении каких-либо предложений о методиках расследования преступлений в сфере легализации преступных доходов посредством оборота их в криптовалюте следует определить точки размещения, расслоения и вывода криптовалюты с учетом открытости входных/выходных данных.

Ввод денежных средств в криптовалюту может быть привязан к первичному стандартному банковскому счету, ввиду чего его установление не предполагает каких-либо сложностей. Размещение криптовалюты на одном кошельке предполагает установление номера кошелька с идентификацией его владельца через привязанный к нему обычный банковский счет (в том случае, если денежные средства размещались на централизованной бирже). Последующее перемещение криптовалюты устанавливается по фиксированным транзакциям. Перевод криптовалюты в фиатную также предполагает конечный вывод на стандартный банковский счет (прямой банковский перевод с юридического счета биржи или P2P, как правило).

Вывод криптовалюты в крупных размерах всегда связан с риском, поскольку предполагает использование крупных централизованных бирж. Данные биржи используют систему идентификации клиента «KYC». Соответственно, при выводе крупных сумм с помощью сведений, представляемых биржей, можно идентифицировать пользователя. Исследования Meiklejohn, Möser, Monaco, Karpos Miller, показали реальность установления конечных пользователей в том числе при скрывании выходных данных транзакций [7].

Результаты.

С учетом перечисленных особенностей, можно выделить несколько необходимых действий, направленных на выявление следов преступной легализации денежных средств в криптовалюте:

– анализ блокчейна, установление точек движения денежных средств в публичном реестре. Для этого используются готовые ПО для анализа (Chainalysis, Chainalysis KYT, и т.д.);

– кластеризация постоянно используемых связанных адресов кошельков по частым и типовым транзакциям (картина активности). Используются такие ПО, как Sentry, Inspector;

– сопоставление адресов кошельков со сведениями, предоставляемые биржей, или с использованием ПО Blockchain Ecosystem Intelligence API;

– определение банковских счетов, к которым привязаны кошельки.

Механизм формирования следа является процессом, где основную роль играет взаимодействие двух или более материальных объектов. Взаимодействие может иметь различный характер, такой как механическое, термическое, химическое и другие. В результате этого процесса возникает след.

Взаимодействующие объекты являются следобразующим и следовоспринимающим объектами, соответственно. Признаки строения первого объекта отображаются в следе, в то время как второй объект служит носителем данного следа.

Так как следообразование является результатом взаимодействия, следы на объектах следообразования могут быть взаимозависимыми.

Таким образом, один и тот же объект может одновременно быть объектом, создающим след, и объектом, воспринимающим следы, возникшие в результате этого взаимодействия.

Материальные следы содержат информацию о преступлении и его участниках, которую можно разделить на следующие категории: характеристики объекта, индивидуальные особенности, детали выполнения преступных действий, состояние объекта, возможности и условия выполнения действий, и первоначальное состояние измененных объектов.

В качестве отражения реального мира, компьютерная информация (далее по тексту – КИ) исполняет различные действия, такие как передача, преобразование и хранение. На объектах, использующих компьютерную технику (далее по тексту – СКТ, средства компьютерной техники), информация непрерывно перемещается в пространстве и времени от источника к приемнику. В процессе этого перемещения возможны изменения ее физической формы, однако ее суть сохраняется [8].

Основным элементом криминалистической идентификации является «файл». Файлы хранят

информацию, содержат стандартные свойства: тип, местонахождение, объем, время создания и атрибуты. Эти свойства позволяют идентифицировать файлы, соблюдая законодательство, при условии наличия материального носителя. Материальный носитель вторичен по отношению к содержанию информации. Это – обобщенные выводы из исследований о криминалистической значимости информации [9].

Запись информации на материальном носителе требует специализированных аппаратно-программных средств (НТС), которые обеспечивают возможность восприятия и идентификации этой информации. НТС также участвуют в процессах обработки и хранения информации на носителе. Информация может представляться в различных формах, включая отображаемую (символы, графика, звук), неотображаемую логическую (логические структуры данных) и неотображаемую физическую (физические структуры, такие как электромагнитное поле и различные носители).

Человек воздействует на информацию, которая представлена в удобной для восприятия форме. Затем эта информация преобразуется в формат, который может быть обработан программными средствами системы компьютерной техники. В конечном итоге, эта информация преобразуется в электромагнитный сигнал, который может быть обработан аппаратными средствами системы компьютерной техники.

Заключение.

Таким образом, механизм следообразования при совершении компьютерного преступления заключается в том, что система компьютерных устройств (СКТ), осуществляющая логическое и физическое воздействие на компьютерную информацию (КИ), становится объектом следообразования. СКТ взаимодействует с КИ, вызывая материальные последствия, связанные с подготовкой, совершением и скрытием преступления – остаточные явления, которые представляют собой материальные отображения свойств КИ на одном объекте. КИ, в свою очередь, является объектом восприятия следов. В сумме, следы компьютерных преступлений обычно представляют собой компьютерные информации.

Определение механизма следообразования при компьютерных преступлениях должно зависеть от конкретной области применения и цели исследования. В контексте обнаружения, раскрытия и расследования следов компьютерных преступлений, это понимание является достаточным. Однако если использовать более сложный подход, включающий знания из других технических наук, это может стимулировать проведение более глубоких исследований, отдаленных от криминалистики и теории ОРД.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
2. Жамбалов Д.Б. Основы методики по расследованию легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Красноярск, 2004. С. 7.
3. Волобуев А. Криминалистические особенности легализации доходов, полученных незаконным путем / А. Волобуев, А. Литвинов // Законность. 2001. № 6. С. 48–50.
4. Иванов П.И. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) / П.И. Иванов, С.А. Пираженков // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4(60). С. 115–116.
5. Лапин В.О. Общие положения методик расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности: предпосылки формирования и разработки / В.О. Лапин // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2(58). С. 123.
6. Назаренко Г.В. Философско-правовые аспекты правоохранительной деятельности / Г.В. Назаренко // Философия права. 2021. № 4(99). С. 152.
7. Möser M. Anonymity of bitcoin transactions: Münster Bitcoin Conference. 2013. P. 17–18; Kappos G., Yousaf H., Maller M., Meiklejohn S. An empirical analysis of anonymity in Zcash: 27th USENIX Security Symposium (USENIX Security 18), USENIX Association. Baltimore, 2018. P. 463–477.
8. Маркарян Э.С. Специфика проведения следственного осмотра при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют / Э.С. Маркарян // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6(91). С. 148.
9. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2008. 404 с.

References:

1. Federal Law № 259-FZ of 07/31/2020 (as amended on 07/14/2022) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (with Amendments and Additions, introduction. effective from 11.01.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (part I). Art. 5018.
2. Zhambalov D.B. Fundamentals of the methodology for investigating the legalization of funds or other property acquired by criminal means : abstract of the dis. ...of candidate of legal sciences. Krasnoyarsk, 2004. P. 7.
3. Volobuev A. Criminalistic features of the legalization of illegally obtained income / A. Volobuev, A. Litvinov // Legality. 2001. № 6. P. 48–50.
4. Ivanov P.I. On the issue of private criminalistic methods of investigating crimes (structure and content) / P.I. Ivanov, S.A. Pirazhenkov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(60). P. 115–116.
5. Lapin V.O. General provisions of methods for investigating crimes in the field of entrepreneurial activity: prerequisites for formation and development / V.O. Lapin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(58). P. 123.
6. Nazarenko G.V. Philosophical and legal aspects of law enforcement activity / G.V. Nazarenko // Philosophy of law. 2021. № 4(99). P. 152.
7. Möser M. Anonymity of bitcoin transactions: Münster Bitcoin Conference. 2013. P. 17–18; Kappos G., Yousaf H., Maller M., Meiklejohn S. An empirical analysis of anonymity in Zcash: 27th USENIX Security Symposium (USENIX Security 18), USENIX Association. Baltimore, 2018. P. 463–477.
8. Markaryan E.S. The specifics of conducting an investigative examination in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies / E.S. Markaryan // Actual problems of Russian law. 2018. № 6(91). P. 148.
9. Vekhov V.B. Fundamentals of criminalistic teaching on the study and use of computer information and its processing tools : monograph. Volgograd : VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 404 p.

Информация об авторе

Закусило Александр Михайлович
аспирант 3 курса,
кафедра криминалистики, судебных экспертиз
и юридической психологии,
Институт юстиции
Байкальского государственного университета
mr.x801@mail.ru

Alexander M. Zakusilo
3rd year PhD Student,
Department of Criminalistics,
Forensic Examinations and Legal Psychology,
Institute of Justice Baikal State University
mr.x801@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.24.38.007>
УДК 347.965

Attribution
cc by

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ АДВОКАТАМИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ФУНКЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кругляков С.В.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. В статье проанализированы статистические данные Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее по тексту – ФПА РФ) за период с апреля 2021 г. по апрель 2023 г., осмыслены выявленные проблемы адвокатуры, обоснована необходимость принятия эффективных и действенных мер по устранению причин, мешающих адвокатам оказывать бесплатную квалифицированную юридическую помощь в делах по назначению. Автором выявлены три основные проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты, реализующие социально-правовые функции, а также сформулированы предложения с целью решения выявленных проблем. Автор убежден в том, что предложенные решения будут способствовать гражданам, получать от адвокатов только квалифицированную юридическую помощь, а с другой стороны, будет увеличиваться количество адвокатов, стремящихся реализовывать свои социально-правовые функции лично.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, адвокатская деятельность, квалифицированная юридическая помощь, социально-правовые функции, помощь по назначению, бесплатная юридическая помощь, комплексная информационная система адвокатуры России, межведомственное электронное взаимодействие, межведомственный электронный документооборот.

ON SOME ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL AND LEGAL FUNCTIONS BY LAWYERS AT THE PRESENT STAGE

Sergey V. Kruglyakov

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Abstract. The article analyzes the statistical data of the RFBA for the period from April 2021 to April 2023, comprehends the identified problems of the bar, justifies the need to take effective and efficient measures to eliminate the reasons that prevent advocates from providing free qualified legal assistance in cases as intended. The author identifies three main problems faced by advocates implementing socio-legal functions, and also formulated proposals to solve the identified problems. The author is convinced that the proposed solutions will help citizens to receive only qualified legal assistance from advocates, and on the other hand, the number of advocates seeking to implement their social and legal functions personally will increase. The author is convinced that the proposed solutions will contribute to the fact that, on the one hand, citizens will receive only qualified legal assistance from advocates, and on the other hand, the number of seeking to implement their social and legal functions privately will increase.

Keywords: Advocate, advocacy, advocacy activity, qualified legal assistance, social and legal functions, assistance for the purpose, free legal assistance, comprehensive information system bar of Russia, interdepartmental electronic interaction, interdepartmental electronic document management.

Введение.

Единение социальной и правовой функции адвокатуры в России, оказание правовой и квалифицированной юридической помощи нуждающимся и малообеспеченным гражданам, всегда имело важное, и даже первостепенное значение. Начало дискуссии по этому вопросу было положено ещё в дореволюционной России. О важности оказания квалифицированной юридической помощи простому народу писал И.В. Гессен [2, с. 6], а М.Н. Гернет также отмечал, что ведение дел бедных людей является одной из основных обязанностей адвоката [5, с. 250–252].

Все, кто проживает или находится нашей стране, имеют право на получение квалифицированной юридической помощи от момента рождения и до момента смерти; и в некоторых случаях такая помощь может быть оказана бесплатно (ч. 1 ст. 48) [16]. Разделяю мнение С.Э. Либановой о важной роли института адвокатуры в обеспечении судебной защиты конституционных прав и свобод [8, с. 16–22]. Однако только адвокатская деятельность является квалифицированной юридической помощью, и она оказывается на профессиональной основе адвокатами, в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокат-

ской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее по тексту Закон об адвокатуре) [19]. Это не случайно, так как адвокат связан законом, присягой и этическими нормами [21], которыми предъявляются дополнительные требования, в том числе по реализации социально-правовых функций, участия в делах по назначению и бесплатное предоставление юридической помощи (подп. 2 п. 1 ст. 7) [19].

Согласно положений этического кодекса, адвокат обязан лично или материально участвовать в предоставлении БЮП и этого от адвоката требует п. 7 ст. 15 [21]. В п. 8 ст. 10 этического кодекса адвоката, закреплена обязанность, консультировать бесплатно на таком же высоком уровне и качестве как при оказании оплачиваемой доверителем правовой помощи.

Именно поэтому, видится, как справедливо считает А.Ю. Меркулова, одной из форм реализации государством своей социальной политики является наделение адвокатов обязанностью осуществления социальной функции [9, с. 259]. Мнения С.Э. Либановой и А.Ю. Меркуловой обоснованы, так как адвокаты, служащие общественному интересу, в том числе оказывают такую бесплатную помощь по назначению в гражданских и уголовных делах, тем самым, реализуя социальный и правовой функционал отечественной адвокатуры. Данные об адвокатах, которые лично, бесплатно и квалифицировано, помогают нуждающимся гражданам, приведены в реестрах, размещённых на веб-сайтах региональных адвокатских палат. Например, информация о списке адвокатов Московской области размещена на сайте Адвокатской палаты Московской области (армо.ru). Существуют два разных реестра адвокатов: список адвокатов, которые являются участниками Субсидируемой юридической помощи (СЮП), и список адвокатов, которые являются участниками Бесплатной юридической помощи (БЮП) [1]. Разделение на два реестра обосновано, так как существуют различия в нормативном регулировании, процедуре назначения адвокатов и порядке предоставления бесплатной юридической помощи и помощи по назначению.

Поэтому есть весомые основания для разделения социально-правовых функций на две основные категории.

Первая категория - предоставление адвокатами квалифицированной юридической помощи на основе назначения в рамках гражданского, административного и уголовного судопроизводства для всех граждан, включая военнослужащих, имеющих такое право.

Вторая категория – предоставление адвокатами бесплатной квалифицированной юридической помощи в рамках государственной и негосударственной системы БЮП, установленной Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 года) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»

(далее – Закон 324-ФЗ) [20], а также в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации о БЮП.

Обсуждение.

Анализ статистических данных за 2020–2022 годы, содержащихся в Отчете Совета ФПА РФ касательно реализации адвокатами социально-правовых функций, показывает, что в 2020 году защиту в уголовном судопроизводстве по назначению оказали – 32860 адвокатов, в 2021 году – 34831 адвокатов, в 2022 году – 34270 адвокатов. [11, с. 50]. В гражданском судопроизводстве по назначению судов участвовало в 2020 г. – 9480 адвокатов, в 2021 г. – 10584 адвоката, в 2022 г. – 10283 адвоката [11, с. 52].

Большая работа проведена адвокатским сообществом и по оказанию адвокатами БЮП в соответствии с Законом 324-ФЗ. Так, в 2021 г. общее количество адвокатов, предоставлявших бесплатную помощь, составило 20597 человек. Из них, 8293 адвоката работали в государственной системе БЮП, 177 адвокатов были назначены государственными юридическими бюро. В негосударственной системе бесплатной юридической помощи участвовали 2769 адвокатов, а на безвозмездной основе (pro bono) оказывали помощь 9358 адвокатов [11, с. 53].

В 2022 году общее количество таких адвокатов составило 22332. Из них 8480 участвовали в государственной системе БЮП, по привлечению государственных юридических бюро 79 адвокатов. В негосударственной системе БЮП 2 977 адвокатов, на безвозмездной основе (pro bono) 10796 адвокатов. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении количества дел по назначению с 2020 по 2022 г., в которых квалифицированную юридическую помощь оказывали адвокаты. Что касается оказания в рамках Закона 324-ФЗ, то за последние два года также можно проследить увеличение спроса граждан на БЮП, которую оказывают именно адвокаты. Так, в 2021 г. адвокаты оказали квалифицированную юридическую помощь в рамках Закона 324-ФЗ – 42022 гражданам, а в 2022 г. – 45513 гражданам. [11, с. 52–54].

Приведенные статистические данные показывают, что граждане нашей страны заинтересованы в сотрудничестве с адвокатами по вопросам БЮП, в том числе в процессе реализации адвокатским сообществом социально-правовых функций. Нужно отметить, что в связи с проведением специальной военной операции, и как следствие увеличением количества тех, кто наделён таким правом и на такую помощь, были внесены изменения в Закон 324-ФЗ [20]. Однако юридическая помощь оказывалась и продолжает оказываться и адвокатами и юристами (ст. 7 Закона 324-ФЗ). Таким образом, следует констатировать по выражению С.А. Деханова существование дихотомии субъектов [4, с. 3], оказывающими квалифицированную юридическую помощь. Вместе с тем, нам видится, что в аспекте

стремления соблюдения высоких стандартов юридической помощи, в том числе в БЮП, необходимо на законодательном уровне установить адвокатскую монополию на судебное представительство и на предоставление БЮП по определенным категориям дел. Например, по делам, в которых содержится государственная тайна. Это сделать необходимо, иначе получается, что фактически к секретным материалам дела получает доступ любой человек, которого в качестве защитника ходатайствует допустить подсудимый (ч. 2 ст. 49 УПК РФ).

По мнению Г.М. Резника, необходимо в корне изменить ситуацию и отказаться от практики, когда любое лицо предоставляет правовые услуги [15, с. 155]. Разделяю эту точку зрения; тем более, такое вмешательство недопустимо, если это уголовное дело, связанное с государственной тайной.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 06 ноября 2014 г. № 27-П, изложил правовую позицию, согласно которой сохранность государственной тайны при рассмотрении дел с участием адвоката в качестве представителя в уголовном процессе обеспечивается также нормами ФЗ «Об адвокатской деятельности», обязывающими адвоката хранить профессиональную тайну (статья 8) [18]. В данном случае, дано более широкое толкование профессиональной (адвокатской) тайны, что налагает на адвокатов дополнительную обязанность по сохранению государственной тайны, а также обосновывает введение адвокатской монополии на представительство в суде по делам, в которых содержится государственная тайна.

Вторая проблема касается доступности бесплатной юридической помощи. Так, по мнению В.Ю. Панченко, только наличие у гражданина реальной возможности воспользоваться юридической помощью делает последнюю действенным инструментом правового решения жизненных проблем [13]. Об этой проблеме также писала П.Е. Короткова [6, с. 37–43] еще в 2014 году, но до настоящего времени она полностью не решена и остается актуальной. Граждане не могут собрать и заполнить перечень необходимых для получения БЮП помощи документов. Однако введение Комплексной информационной системы адвокатуры России нашло решение этой проблемы. Теперь процесс сбора документов, необходимых гражданам для получения помощи у адвокатов, осуществляется через систему межведомственного электронного взаимодействия и документооборота [12].

Помимо вышеизложенного, с 10 сентября 2022 г. ФПА РФ, в ответ на обеспокоенность, выраженную Президентом РФ В.В. Путиным степенью юридической защищенности граждан страны, проявило инициативу и на сайте «Адвокатской газеты» создало общероссийский проект «Адвокаты-гражданам» по оказанию БЮП для нуждающихся граждан. В этом проекте участвуют ад-

вокаты региональных адвокатских палат, имеющих высокую квалификацию и опыт консультирования в рамках государственной и негосударственной БЮП. ФПА РФ проведено широкое освещение проекта в прессе. Как итог, с сентября 2022 г. по февраль 2023 г. через сайт «Адвокатской газеты» поступило 750 вопросов. Проект зарекомендовал себя как важная инициатива по реализации социально-правовой функции на доступ граждан к БЮП, который повышает престиж и авторитет адвокатуры в обществе [11, с. 55–57].

Вместе с тем, проект «Адвокаты-гражданам» нуждается в постоянной рекламе, поскольку многие люди, которые имеют право на получение БЮП в рамках реализации адвокатами социально-правовой функции, не знают о такой инициативе и становятся жертвами не всегда квалифицированных юристов или мошенников. Данные Екатеринбургского муниципального центра защиты прав потребителей и Роспотребнадзора Свердловской области свидетельствуют о росте числа жалоб на юридических аферистов. По оценкам этих организаций, доля мошеннических юридических фирм может достигать трети от общего числа [7]. В дореволюционной России председатель Совета присяжных поверенных окружной Санкт-Петербургской судебной палаты П.А. Потехин таких недобросовестных юристов называл «крапивное семя» [3, с. 3–4]. На сегодняшний день, адвокатское сообщество всеми доступными способами разъясняет гражданам России как не стать жертвой «юристов-мошенников» [10]. В этой разъяснительной деятельности также реализуется социальная и правовая функция института адвокатуры России.

В связи с существующей проблемой мошенничества со стороны частных юридических фирм, считаю необходимым, в рамках реализации адвокатами социально-правовой функции по предоставлению БЮП, через сайт ФПА РФ, сайт «Адвокатской газеты» и сайты региональных адвокатских палат активизировать разъяснительную работу по информированию граждан о том, как и куда они могут обратиться, чтобы получить квалифицированную БЮП от адвокатов, а также, если они сталкиваются с фактами мошенничества частных юристов или в случае тяжелых жизненных ситуаций.

Третья проблема связана с реализацией адвокатами социально-правовых функций, имеет отношение к справедливой оплате труда адвокатов в рамках оказания БЮП.

Во-первых, имеет место существенное отличие в оплате профессиональной помощи адвокатов по назначению в зависимости от типа дела. Е. Трифонова указывает, что адвокаты, которых направляют на гражданские и административные дела, получают в три раза меньше тех, которые задействованы в уголовных процессах [16]. Например, Положение о возмещении процессуальных издержек [14] определяет оплату за

один день работы адвоката в гражданском или административном деле в размере минимум 550 рублей, но не более 1200 рублей. За работу адвоката ночью предусмотрено вознаграждение в размере 825 рублей, но не более 1800 рублей [14]. Явно нарушена социальная справедливость в вопросе оплаты труда адвокатов, оказывающих правовую помощь по назначению в гражданском и административном судопроизводстве. Этот дисбаланс нуждается в исправлении, а права адвокатов в защите.

Во-вторых, имеют место систематические задержки с оплатой со стороны государства по уже оказанной адвокатами по назначению правовой помощи. К примеру, как следует из обобщённых ФПА РФ сведений, предоставленных адвокатскими палатами субъектов РФ, в 2020 г. объём бюджетных средств, начисленных адвокатам в уголовном судопроизводстве, составил – около 6,5 млрд рублей. В 2021 г. составил более 8,6 млрд рублей. За 2021 г. было оплачено около 8 млрд рублей, но на конец 2021 г. задолженность бюджета перед всеми адвокатами России составила – 613728594,40 рублей. В 49 случаях адвокаты направили в суды иски о взыскании задолженности на сумму более 2 млн рублей, по итогам рассмотрения которых, удовлетворено 26 исков на сумму 610517,00 рублей.

В 2022 году адвокатам было начислено более 10 млрд рублей за участие в уголовном судопроизводстве по назначению. Из этой суммы на конец года задолженность составила более 800 млн рублей. В этом случае адвокатами было направлено в суды 70 гражданских исков о взыскании задолженности на сумму 3273990,00 рублей, из которых 35 исков были удовлетворены на сумму 1146340,00 рублей. Совет ФПА РФ постоянно контролирует вопрос задолженности судов и правоохранительных органов перед адвокатами и принимает все возможные меры к погашению задолженности. В итоге, в декабре 2021 года Правительство РФ дополнительно выделило

750 млн рублей на оплату труда адвокатов [11, с. 50–51].

Результаты.

В связи с вышеизложенным, автор считает необходимым обратить внимание на несправедливую оплату труда адвокатов, назначаемых в гражданские и административные дела. Эта проблема, вместе с регулярной задолженностью по оплате труда назначенных адвокатов, мешает реализации социально-правовой функции адвокатуры в России и в целом препятствует проведению социальной политики государства.

Заключение.

Подводя итог всему, что написано выше, можно прийти к следующему заключению: адвокатура, реализуя свою социально-правовую функцию, играет важнейшую роль в реализации социальной политики, проводимой государством. Увеличилось количество граждан, которые желают получить квалифицированную юридическую помощь именно от адвокатов, поэтому проект «Адвокаты-гражданам» должен быть продолжен с более широким вовлечением региональных адвокатских палат, что будет способствовать улучшению доступности квалифицированной БЮП во всех уголках нашей большой страны. Вместе с тем, адвокаты, в особенности те, которые реализуют социально-правовую функцию посредством участия в делах по назначению или оказывают БЮП, сталкиваются с рядом проблемами, таких как несвоевременная оплата их труда.

В этой связи, автор считает необходимым законодательно закрепить обязанность органов, ответственных за выплату гонораров назначенным адвокатам, а в случае возникновения задолженности по оплате их услуг, выплачивать неустойку в порядке п. 1 ст. 330 ГК РФ. Такая мера будет служить дисциплинирующим средством для должностных лиц и стимулировать своевременное исполнение обязательств перед адвокатами.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Адвокатская палата Московской области. URL : <https://apmo.ru/grazhdanam/spisok-advokatov-uchastnikov-gosudarstvennoy-sistemy-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi> (дата обращения 30.10.2023).
2. Гессен И.В. Юридическая помощь населению. СПб., 1904. С. 6.
3. Гессен И.В. История русской адвокатуры, Глава 1. М. : Типография «Земля», Издание совета присяжных поверенных, 1914. Т. 1. С. 3–4, 7.
4. Деханов С.А. Организация адвокатуры и профессиональная этика адвокатов в Западной Европе. М. : Юрлитинформ, 2012. 263 с. С. 3.

5. История русской адвокатуры: Сословная организация адвокатуры, 1864–1914 гг. / Под ред. М.Н. Гернет. М. : Изд. Советов Присяж. Повер., 1916. Т. 2. 435 с. С. 250–252.
6. Короткова П.Е. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи / П.Е. Короткова; Под общ. ред. С.И. Володиной // Актуальные вопросы адвокатуры и нотариата. Материалы секции адвокатуры и нотариата VI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» – «Гармонизация российской правовой системы в условиях Международной интеграции». М. : Проспект, 2014. С. 37–43.
7. Как определить, что в юридической фирме работают мошенники // Российская газета. 2018. URL : <https://rg.ru/2018/02/08/reg-urfo/kak-opredelit-cto-v-iuridicheskoy-firme-rabotaiut-moshenniki.html> (дата обращения 30.10.2023).
8. Либанова С.Э. Роль и место адвокатуры Российской Федерации в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод / С.Э. Либанова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 3(14). С.16–22.
9. Меркулова А.Ю. Социально-правовые функции адвокатуры России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.11 / Меркулова Анна Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. М., 2018. 259 с. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01009752003> (дата обращения 30.10.2023).
10. Минюст предупреждает: не дайте псевдоадвокатам обмануть себя // Адвокатская газета. 2019. URL : <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/news/minyust-preduprezhdaet-ne-dayte-psevdoadvokatam-obmanut-sebya> (дата обращения 30.10.2023).
11. Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2021 года по апрель 2023 года. С. 50–57.
12. Общая информация о КИС АР. URL : <https://fparf.ru/cisar>
13. Панченко В.Ю. Критерии допустимости юридической помощи: некоторые аспекты / В.Ю. Панченко; Отв. ред. Ю.С. Пилипенко, С.И. Володина; Федер. палата адвокатов РФ, Центр прав. исслед., адвокатуры и доп. проф. образов. Фед. палаты адвокатов РФ, Ин-т адвокатуры МГЮА имени О.Е. Кутафина // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. материалов VIII науч.-практ. конф. VIII Всероссийская науч.-практ. конф. (2012; М.). М. : Федеральная палата адвокатов, 2012. 392 с. С. 89.
14. Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 01 декабря 2012 г. № 1240), с изменениями от 27.09.2023 г. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161355&rdk=&backlink=1>
15. Резник Г.М. В Центре корпорации – адвокат / Г.М. Резник // Адвокатура от первых лиц. М., 2016. С. 155.
16. Трифонова Е. Адвокатам по назначению платят несправедливо. URL : https://advpalata.vrn.ru/for-lawyer/new/lenta_novostej_1/nezavisimaya_gazeta_advokatam_po_naznacheniyu_platyat_nespravedlivo (дата обращения 30.10.2023).
17. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения 30.10.2023).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 06 ноября 2014 г. № 27-П По делу о проверки конституционности ст. 21 и ст. 21.1 закона РФ «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision178016.pdf> (дата обращения 30.10.2023).
19. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346> (дата обращения 30.10.2023).
20. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039> (дата обращения 30.10.2023).
21. Кодекс профессиональной этики адвоката. URL : <https://base.garant.ru/12130519> (дата обращения 30.10.2023).

References:

1. Moscow Region Chamber of Advocates. URL : <https://apmo.ru/grazhdanam/spisok-advokatov-uchastnikov-gosudarstvennoy-sistemy-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi> (date of the application 10/30/2023).
2. Gessen I.V. Legal assistance to the population. SPb. 1904. P. 6.
3. Gessen I.V. History of the Russian bar, Chapter 1. М. : Printing house «Earth», Publication of the Council of Sworn attorneys, 1914. Vol. 1. P. 3–4, 7.
4. Dekhanov S.A. The organization of advocacy and professional ethics of lawyers in Western Europe. М. : Yurлитinform, 2012. 263 p. P. 3.
5. The history of the Russian bar: The estate organization of the bar, 1864–1914. Vol. 2 / Ed.: Gernet M.N. М. : Ed. Jury advice. Power., 1916. 435 p. P. 250–252.
6. Korotkova P.E. On the issue of providing free legal assistance / P.E. Korotkova; Under the general editorship of S.I. Volodina // Topical issues of advocacy and notariate. Materials of the Advocacy and Notary section of the VI International Scientific and Practical Conference «Kutafin readings» – «Harmonization of the Russian legal system in the context of international integration». М. : Prospect, 2014. P. 37–43.
7. How to determine that fraudsters work in a law firm // Rossiyskaya Gazeta, 2018. URL : <https://rg.ru/2018/02/08/reg-urfo/kak-opredelit-cto-v-iuridicheskoy-firme-rabotaiut-moshenniki.html> (date of the application 10/30/2023).

8. Libanova S.E. The role and place of the bar of the Russian Federation in the mechanism of constitutional guarantee of protection of rights and freedoms // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2009. № 3(14). P. 16–22.
9. Merkulova A.Yu. Social and legal functions of the Russian bar : dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.11 / Merkulova Anna Yuryevna; [Place of defense: Moscow State Law. O.E. Kutafin Academy of Sciences]. Moscow, 2018. 259 p. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01009752003> (date of the application 10/30/2023).
10. The Ministry of Justice warns: do not let pseudo-lawyers deceive themselves // Advocate Newspaper. 2019. URL : <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/news/minyust-preduprezhdaet-ne-dayte-psevdoadvokatam-obmanut-sebya> (date of the application 10/30/2023).
11. Report on the activities of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation for the period from April 2021 to April 2023. P. 50–57.
12. General information about CIS AR. URL : <https://fparf.ru/cisar>
13. Panchenko V.Yu. Criteria for the admissibility of legal aid: some aspects / V.Yu. Panchenko; Ed.: Y.S. Pili-penko, S.I. Volodina; Feder. of the Russian Federal Bar Association, Center of Rights. research, advocacy and additional Prof. obraz. Fed. chambers of Lawyers of the Russian Federation, Institute of Advocacy of the Moscow State Law Institute named after O.E. Kutafin // Advocacy. State. Society: Collection of materials of the VIII scientific and practical conference VIII All-Russian Scientific and Practical Conference (2012; Moscow). M. : Federal Chamber of Lawyers, 2012. 392 p. P. 89.
14. Regulations on compensation of procedural costs associated with criminal proceedings, costs in connection with the consideration of the case by the arbitration court, civil case, administrative case, as well as costs in connection with the implementation of the requirements of the Constitutional Court of the Russian Federation (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 01, 2012 № 1240), as amended on September 27, 2023. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161355&rdk=&backlink=1> (date of the application 10/30/2023).
15. Reznik G.M. In the Center of the corporation is a advocate / G.M. Reznik // Advocacy from the first persons M., 2016. P. 155.
16. Trifonova E. Advocates are paid unfairly by appointment. URL : https://advpalata.vrn.ru/for-lawyer/new/len-ta_novostej_1/nezavisimaya_gazeta_advokatam_po_naznacheniyu_platyat_nespravedlivo (date of the application 10/30/2023).
17. The Constitution of the Russian Federation, (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL : <http://pravo.gov.ru/constitution> (date of the application 10/30/2023).
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 27-P dated November 06, 2014 «On the case of checking the constitutionality of Article 21 and Article 21.1 the Law of the Russian Federation «On State secrets» in connection with the complaint of citizen O.A. Laptev». URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision178016.pdf> (date of the application 10/30/2023).
19. Federal Law № 63-FZ of 31.05.2002 (as amended on 24.07.2023) «On advocacy activity and advocacy in the Russian Federation». URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346> (date of the application 10/30/2023).
20. Federal Law № 324-FZ of November 21, 2011 (as amended on 06/24/2023) «On Free legal aid in the Russian Federation». URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039> (date of the application 10/30/2023).
21. Code of Professional Ethics of a advocate. URL : <https://base.garant.ru/12130519> (date of the application 10/30/2023).

Информация об авторе

Кругляков Сергей Валерьевич
аспирант 2 курса кафедры адвокатуры
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
адвокат Адвокатской палаты Московской области
(регистрационный номер 50/5867)
5867@apmo.ru

Sergey V. Kruglyakov
2-nd year Postgraduate Student
of the Department of Advocacy,
Kutafin Moscow State Law University (MSLA);
Lawyer of the Moscow Region Chamber of Advocates
(registration number 50/5867)
5867@apmo.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.36.75.017>
УДК 343.7

Attribution
cc by

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Пация Д.В.

Адвокатская Палата Краснодарского края

Аннотация. Актуальность. Охрана леса как объекта, обладающего одновременно экологической и экономической ценностью, в современных условиях выходит на передний край правоохранительной работы. Вместе с тем, практика применения закона свидетельствует о наличии здесь серьезных проблем, связанных с толкованием бланкетных и оценочных признаков состава незаконной рубки лесных насаждений, оценкой содержания вины и субъекта преступления, разграничением преступлений и административных деликтов.

Цель. Провести анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, в аспекте актуальных вопросов практики квалификации незаконной рубки лесных насаждений.

Задачи. Выявить признаки, позволяющие отличить уголовно наказуемую рубку леса от административно наказуемой, дать толкование основных признаков состава преступления, решить вопросы квалификации незаконной рубки леса по совокупности с иными преступлениями.

Методы. На основе принципов объективности, системности, связи теории с практикой в работе использованы познавательные возможности формально-логического, документального и аналитического методов

Результаты. В статье анализируются актуальные вопросы толкования и квалификации признаков состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, с учетом сложившейся в Российской Федерации и трансформирующейся под воздействием социально-экономического развития общества и государства судебной практики, предлагаются механизмы разрешения данных актуальных вопросов, неоднозначно решаемых по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений во взаимосвязи с иными нарушениями лесопользования и законного оборота древесины.

Выводы. По итогам исследования в статье предложены критерии разграничения уголовно-наказуемой и административно-наказуемой незаконной рубки лесных насаждений, проведено разграничение состава незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 1911 УК РФ), обоснована возможность квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и 158 УК РФ, сформулированы предложения по оценке уничтожения деревьев, взятых под историко-культурную охрану государства.

Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, древесина, лесопользование, толкование признаков состава незаконной рубки леса, квалификация преступлений в сфере охраны леса и лесопользования.

TOPICAL ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

David V. Patsia

Krasnodar Regional Bar Association

Abstract. Relevance. The protection of forests as an object with both ecological and economic value, in modern conditions, comes to the forefront of law enforcement work. At the same time, the practice of applying the law indicates the presence of serious problems here related to the interpretation of the blank and evaluation signs of the composition of illegal logging of forest plantations, the assessment of the content of guilt and the subject of the crime, the delineation of the crime from administrative misconduct.

Purpose. To analyze the signs of the corpus delicti in Article 260 of the Criminal Code of Russia in context of current problems of the practice of qualifying illegal logging of forest plantations.

Tasks. To identify signs that make it possible to distinguish criminally punishable logging from administratively punishable, to interpret the main signs of the corpus delicti, to solve the issues of qualification of illegal logging in combination with other crimes.

Methods. Based on the principles of objectivity, consistency, connection of theory with practice, the cognitive capabilities of formal-logical, documentary, and analytical methods are used in the work.

Results. The article analyzes topical issues of interpretation and qualification of the elements of a crime under Article 260 of the Criminal Code of Russia, taking into account the judicial practice that has developed in the Russian Federation and is being transformed under the influence of socio-economic development of society and the state, suggests mechanisms for resolving these topical issues that are ambiguously resolved in criminal cases of illegal logging of forest plantations in connection with other violations of forest management and legal turnover of wood.

Conclusions. Based on the results of the study, the article proposes: criteria for distinguishing criminally punishable and administratively punishable illegal logging of forest plantations, a distinction was made between the composition of illegal logging of forest plantations (Article 260 of the Criminal Code of Russia) and the assembly, storage, transportation for the purpose of marketing or marketing of knowingly illegally cutting wood (Article 1911 of the Criminal Code of Russia), The rules of qualification for the totality of crimes provided for in Articles 260 and 158 of the Criminal Code of Russia have been developed, proposals have been formulated to assess the destruction of trees taken under the historical and cultural protection of the state.

Keywords: illegal logging, forest plantations, timber, forest management, interpretation of signs of illegal logging, qualification of crimes in the field of forest protection and forest management.

Введение.

В российском уголовном законодательстве вопросам противодействия незаконной заготовке леса отведена ст. 260 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, а равно их повреждение до степени прекращения роста.

Результаты.

Основным непосредственным объектом исследуемого преступления выступают интересы экологической безопасности такого природного объекта как лес. Под экологической безопасностью в литературе понимается система общественных отношений, складывающихся в области охраны окружающей среды и обеспечивающих усиленную защиту компонентов природной среды (экологических объектов, природных ценностей), а также жизни и здоровья населения [1, с. 102]. Интересы собственности этим преступлением также затрагиваются, но могут выступать уже в качестве дополнительного объекта.

Предмет преступления также является в данном составе обязательным, так как выступает одним из криминообразующих элементов незаконной рубки лесных насаждений. В науке уголовного права предмет незаконной рубки лесных насаждений характеризуется пониманиями в широком и узком смысле. Первое обусловлено его связью с признаком объективной стороны – местом совершения преступления. Во втором случае предметом являются «деревья», «кустарники» и «лианы», не всегда характеризующиеся по месту совершения преступления [2, с. 24–27] и в ряде случаев могут, по нашему мнению, рассматриваться в качестве предметов неэкологических преступных деяний.

Объективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 260 УК РФ, – незаконная рубка (валка, в том числе спиливание, срубание, срезание, то есть отделение различными способами ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня), а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений, а также деревьев, кустарников и лиан, не отнесенных к лесным насаждениям, если эти деяния совершены в значительном размере.

Диспозиция данной нормы, на наш взгляд, является комбинированной (смешанной) или бланкетно-описательной [3, с. 46–47] с использованием термина «незаконная», встречающегося всего в 9 % наименований или диспозиций норм Особенной части УК РФ [4]. При этом незаконной признается рубка насаждений с нарушением требований законодательства (без надлежащего оформления, например, договора аренды, решения о предоставлении лесного участка, проекта освоения лесов с положительным заключением экспертизы государственного или муниципального уровня, договора купли-продажи лесных насаждений, государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов), либо в превышающем разрешенный имеющимся документом объеме или с заменой вида или возраста леса, либо за границами лесосеки.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – ППВС № 21) разъяснено, что договор аренды лесного участка или предоставление участка леса на иных правах не являются достаточным правовым основанием для проведения рубок лесных насаждений. Так, рубка лесных насаждений арендатором лесного участка считается незаконной без проекта осво-

ения лесов, либо при вырубке насаждений, не предполагаемых данным проектом или с нарушением указанных в нем сроков.

Момент окончания преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, связывается с полным отделением дерева, куста или лианы от корня, либо с таким их повреждением до степени прекращения роста, означающей невозможность приживления насаждения к данному корню.

По нашему мнению, значительный размер в ст. 260 УК РФ характеризует деяние, но не последнее преступление, так как ущерб, причиняемый объекту преступления, всегда реален, но не всегда материален. То есть состав данного преступления неверно относить к материальным по конструкции.

Об ущербе объекту посягательства вывод делается по характеру и размеру объективных изменений леса. Однако иные последствия незаконной рубки лесных насаждений (эрозия почвы, изменение ветрозащиты, места обитания животных, птиц и иных лесных обитателей), будут дополнительными признаками ущерба, который на сегодняшний день на практике, к сожалению, не влияет на усиление уголовной ответственности за рассматриваемое преступление.

Обязательным при незаконной рубке леса является установление прямой причинной связи между совершенным деянием и значительным размером причиненного лесному хозяйству ущерба.

Субъект предусмотренного ч. 1 ст. 260 УК РФ преступления – это любое вменяемое и достигшее 16-летнего возраста физическое лицо.

Вопрос о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц за преступления в области охраны леса и лесопользования, как и за ряд других экологических и экономических преступлений, достаточно давно обсуждается в специальной научной литературе [5, с. 119–134]. Этому отчасти способствует существование в Кодексе РФ об административных правонарушениях норм об административной ответственности лиц юридических. Представляется, что разрешение данного вопроса является делом обозримого и не очень отдаленного будущего.

В п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность только специального субъекта – лица, использующего свое служебное положение именно для незаконной рубки лесных насаждений. Это означает, что лицо воспользовалось при совершении преступного деяния правами, которыми оно наделено в силу занимаемой должности или выполняемой работы. По нашему убеждению, выполняющие служебные функции в органах власти, бюджетных казенных и даже коммерческо-некоммерческих организациях лица несут уголовную ответственность как организаторы, подстрекатели, пособники или исполнители рассматриваемого преступления.

В соответствии со ст. 4 Лесного кодекса РФ, участниками лесных отношений являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, граждане и юридические лица; от имени Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в лесных отношениях участвуют соответственно органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своих полномочий, установленных нормативными правовыми актами.

Лица, использующие служебное положение, и по распоряжению которых ведется незаконная рубка при лесозаготовках, а также при прокладке трасс для трубопроводов, линий электропередачи, геологоразведочных, строительных и иных работах, при наличии признаков состава данного преступления несут ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, в том числе и при совершении ими деяния в форме бездействия. По признакам объективной стороны совершенного таким лицом преступления, то есть характера и сути преступного деяния, оно может признаваться как организатором совершения квалифицированной незаконной рубки, так и ее исполнителем (соисполнителем), если совместно с другими рубщиками лицо принимало участие в выполнении объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. При этом такое лицо несет ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ, а рубщик-исполнитель, не являющийся спецсубъектом, как пособник по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ или исполнитель по ч. 1 ст. 260 УК РФ.

Также, проблемным представляется вопрос о возможности привлечения лесников в подобных случаях к уголовной ответственности по совокупности с так называемыми «должностными преступлениями», расположенными в главе 30 УК РФ. Полагаем, что одновременно с ответственностью за незаконную рубку лесных насаждений, например, лесник может и должен привлекаться за злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ, если деяние совершено им из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, неохватываемое ущербом, причиненным лесным ресурсам. Например, при незаконном выделении под рубку лесных участков одним лицам вопреки обязанности выделения этого же участка другим и при условии причинения этими действиями существенного нарушения их прав и законных интересов. При этом правоприменителем всегда должна осуществляться проверка «non bis in idem» для непривлечения субъекта к уголовной или административной ответственности дважды за то же деяние.

Кроме того, в науке уголовного права давно отмечается тенденция о профессионализации рассматриваемого вида преступности, которая приобретает организованный и транснациональный характер в первую очередь при совершении незаконных рубок лесных насаждений [6, с. 29].

С субъективной стороны незаконной рубки лесных насаждений она всегда совершается с прямым умыслом и связана с тщательной подготовкой топором, пил, автотранспорта. Если виновный в рубке леса обнаруживает признаки косвенного умысла или неосторожности, он должен привлекаться по ст. 261, 246, 167 или других статей УК РФ.

Цель и мотивы в ст. 260 УК РФ не закреплены, поэтому, по нашему мнению, могут учитываться судом только при назначении наказания.

Для верного применения предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 260 УК РФ квалифицирующих признаков, по нашему мнению, необходимо руководствоваться положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Обсуждение.

1. Лес. в широком смысле, как предмет преступления – это «экологическая система» или «природный ресурс», «совокупность животного мира вместе с древесно-кустарниковой растительностью или лесной биогеоценоз» [7, с. 122–125]. В случае незаконной рубки лес разрушается как экосистема. При этом в УК РФ не определены термины «лесные насаждения», «деревья», «кустарники» и «лианы, не отнесенные к лесным насаждениям», требующие бланкетного использования норм смежного природоохранного законодательства.

До 2012 г. споры на практике вызывала проблема определения предмета изучаемого преступления, если деревья или кустарники растут на земельных участках, находящихся в собственности граждан. На сегодняшний день эта проблема разрешена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Так, в п. 15 данного акта определено, что не относятся к предмету данных преступлений насаждения, растущие на землях сельхозназначения (кроме лесозащитных полос), на индивидуальных земельных участках, а также ветровальные, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами. Но рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение при наличии к тому оснований могут быть квалифицированы как хищение либо

уничтожение или повреждение чужого имущества.

При квалификации незаконной рубки деревьев, имеющих историческую ценность (как, например, вяза возле здания Верховного Суда РФ на ул. Поварской в г. Москве, помнившего И.А. Бунина и А.С. Пушкина, и др.), но не являющихся объектами, взятыми под охрану государства по ст. 243 УК РФ, полагаем, что крупный размер ущерба может быть установлен не только по таксам и методике, утвержденным Правительством РФ, но и по результатам специальной экспертизы оценки ущерба историко-культурному наследию.

Таким образом, лица, виновные в таких преступных деяниях лица будут подлежать более строгой ответственности за совершение преступлений с учетом изложенных признаков и обстоятельств.

2. Незаконная рубка лесных насаждений может повлечь как уголовную (ст. 260 УК РФ), так и административную ответственность (ст. 8.28 КоАП РФ). Критерием разграничения в соответствии с примечанием к ст. 260 УК РФ уголовно-наказуемой и административно-наказуемой незаконной рубки леса является значительный размер ущерба, причиненного преступлением, который должен превышать 5000 рублей.

Даже если стоимость насаждений не превышает указанной суммы, но рубок было несколько, и общий ущерб от них превышает 5000, 50000 или 150000 рублей, при наличии умысла (намерения) совершить такую незаконную рубку содеянное считается совершенным в значительном, крупном или в особо крупном размере.

По сложившейся практике, вопрос отграничения ст. 260 УК РФ от ст. 8.28 КоАП РФ определяется в соответствии с таксами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства».

При этом незаконная рубка хвойных деревьев в декабре и январе влечет увеличение ущерба в два раза по сравнению с применяемой согласно указанному Постановлению Правительства РФ ставке платы за единицу объема древесины.

Осуществленное нами исследование рассмотренных Верховным Судом РФ уголовных дел о незаконных рубках продемонстрировало, что большинство их совершается из корыстных побуждений для завладения и дальнейшего использования древесины. Вместе с тем часто в таких случаях суды применяют только нормы из ст. 260 УК РФ, а в части обвинений по ст. 158 УК РФ используется п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21: «Действия лица, совершившего незаконную руб-

ку насаждений, а затем распорядившегося древесиной по своему усмотрению, не требуют дополнительной квалификации по статьям Особенной части УК РФ об ответственности за хищение чужого имущества». И далее: «Незаконное завладение древесиной, заготовленной другими лицами, квалифицируется как хищение чужого имущества».

Так как предусмотренные ч. ч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ преступления отнесены ст. 15 УК РФ к категориям небольшой и средней тяжести, а от 87 до 93 % выявленных в 2015 – 2022 гг. указанных преступлений квалифицируется именно по этим нормам, применяемое судами наказание достаточно редко назначается в виде реального лишения свободы и, на наш взгляд, не всегда соразмерно истинной общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

Представляется, что вышеприведенное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ идет в разрез с задачей охраны окружающей среды в целом, не учитывает глобальность и значимость объекта посягательства, а также причиняемого ущерба. Ведь объектом посягательства выступают отношения, обеспечивающие экологическую безопасность леса как одного из важнейших элементов мировой экологической системы, обеспечивающие охранно-восстановительную функцию леса, и, одновременно, экономические отношения в природоресурсной добывающей сфере хозяйствования.

Вызывает сожаление мнение о квалификации незаконной рубки с последующим распоряжением лесом из корыстных побуждений как единичного преступления, высказывавшееся в научных публикациях задолго до упомянутого разъяснения высшей судебной инстанции.

В частности, И.А. Конфоркин, ссылаясь на судебную практику Краснодарского краевого суда, отрицает возможность совокупности кражи древесины и незаконной рубки, поскольку, по его мнению, при незаконной рубке нет признака изъятия деревьев из владения законного собственника; в этом случае, деревья изымаются из естественной среды своего произрастания, а не из сферы собственности [4].

Но мы считаем, что автором не учтены нормы современного лесного законодательства, в соответствии с которыми, лесные участки в составе земель лесного фонда, а также произрастающие на них деревья находятся в федеральной собственности (ч. 1 ст. 8 Лесного кодекса РФ и другие нормы), поэтому их законным собственником выступает государство.

Ряд авторов считают, что незаконная рубка может перерасти в хищение (чаще всего, в кражу) при условии, что после рубки древесина была обнаружена сотрудниками лесхоза, совершен обсчет объема, проставлены клейма [8, с. 14].

Подобные способы толкования норм УК РФ не соответствуют «духу закона» и вызывают назначение виновным необоснованно мягких наказаний или даже освобождения их от уголовной ответственности. Функции общей и частной превенции уголовного закона при этом реализуются слабо. В настоящее время, с учетом внесения в УК РФ норм об ответственности за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенных в крупном размере (ст. 191 УК РФ), *при рубке леса не для себя, а в целях последующего сбыта лицо, на наш взгляд, может привлекаться к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и 191 УК РФ*. А если рубка осуществляется для использования самим рубщиком, возникает вопрос: С чем связана такая неоправданная «льгота» в уголовной ответственности только по ст. 260 УК РФ? Тем более, что можно привести ситуации, когда действительно ст. 158 УК РФ логично не должна применяться вместе со ст. 260 УК РФ, например, при рубке леса пасечником для расчистки площадки под пасеку и т.п. Кроме того, согласно приведенной правовой позиции Верховного Суда РФ действия лица, совершившего незаконную рубку одних деревьев и похитившего с лесного участка другие деревья, незаконно срубленные иными лицами, можно квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и 260 УК РФ, а действия по незаконной заготовке деревьев и их же завладению квалифицируются лишь как незаконная рубка.

В пользу правовой позиции о применении в подобных случаях правил совокупности преступлений, необходимо привести несколько доводов.

Верховный Суд РФ фактически использует правило квалификации при конкуренции норм. Действительно, в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Однако в анализируемых нами случаях незаконная рубка не является специальным составом по отношению к краже, поскольку в соответствии с доктриной уголовного права конкуренция норм имеет место, только если одна норма (в данном случае – специальная) наиболее полно охватывает признаки совершенного деяния [9].

Нормы ст. 260 УК РФ в нашем случае не охватывают всех признаков общественно опасного деяния, более того, не охватывают самых существенных его признаков, в частности преступных последствий и иных обязательных признаков хищения (корыстная цель, обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц).

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, совокупность преступлений, квалифицируемая по общей и специальной нормам, допустима, если совокупность

реальная, а квалификация по правилам идеальной совокупности исключается [10, с. 59]. В нашем случае мы имеем именно реальную совокупность.

При этом, если незаконная рубка в значительном размере осуществлялась другим лицом, а древесина приобретает для себя виновным, заведомо знающим о том, что она добыта преступным путем, такое лицо должно подлежать уголовной ответственности по ст. 175 УК РФ. А при приобретении (перекупке) такой древесины для последующего сбыта – по ст. 1911 УК РФ, которая представляет собой по сути «частный случай» легализации (отмывания) иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

3. После отделения дерева от корня начинаются действия, направленные на хищение и выражающиеся в вывозе и реализации древесины. Именно эти действия влекут причинение ущерба собственнику, что образует признаки хищения (чаще всего, кражи), но не охватывается составами незаконной рубки. Распоряжение срубленными деревьями является посягательством уже на экономические отношения и может в зависимости от способа совершения быть квалифицировано как кража либо как грабеж или разбой в зависимости от способа совершаемого деяния. Рубка – это особый способ изъятия предмета собственности, который сам по себе опасен и составляет преступление, отсюда наличие совокупности преступлений.

По нашему мнению, *незаконная рубка и кража, в данном случае – срубленных деревьев, посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны*. В первом случае объектом преступления выступают отношения по охране и рациональному использованию лесных насаждений, во втором – отношения по охране собственности и иных имущественных прав. Иной подход нарушал бы принцип справедливости уголовного закона (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Таким образом, позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении Пленума от 18.10.2012 № 21, представляется нам ошибочной. Считаю возможным квалифицировать незаконные рубки, сопряженные с последующим распоряжением заготовленным лесом, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и 260 УК РФ. В настоящее время в судебной практике уже имеются примеры реализации высказанной нами позиции (см.: Постановление Президиума Верховного Суда Республики Алтай от 26.09.2017 № 44У-24/2017).

В случаях, когда в процессе уголовно-правовой оценки содеянного будет выявлена цель сбыта срубленной древесины лицом, осуществившим незаконную рубку, то в этом случае квалификацию необходимо осуществлять по совокупности оконченного состава незаконной рубки по ст. 260 УК РФ и оконченного или неоконченного состава сбыта заведомо незаконно заготовленной дре-

весины по соответствующей части ст. 1911 УК РФ.

При совершении незаконной рубки лесных насаждений иным лицом приобретение такой древесины виновным в целях личного использования должно квалифицироваться по ст. 175 УК РФ; а приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт данной заведомо незаконно заготовленной древесины должны быть квалифицированы уже по специальной норме, предусмотренной в ст. 1911 УК РФ.

4. В судебной практике правильная квалификация рассматриваемых преступлений является непростым делом. Так, производство работ, при которых без разрешений место очищается от лесонасаждений, может квалифицироваться по ст. 246, 247, 248, 249, 250, 254 или 259 УК РФ.

Так, Ч. нарушил правила охраны окружающей среды при проектировании и строительстве туристической базы в защитных лесах лесного фонда, что повлекло тяжкие последствия для окружающей среды, выразившиеся в существенном ухудшении ее качества и состояния ее объектов. Ч., с целью строительства объекта для отдыха и туризма, совершил следующие деяния: самовольное снятие, уничтожение или порчу почвы, нахождение транспортных средств и механизмов, кроме специального назначения, в защитных лесах вне отведенных мест, их движение вне существующих лесных дорог, незаконную рубку, выкапывание, уничтожение или повреждение до степени прекращения роста сырорастущих деревьев, незаконную рубку. Данные деяния были квалифицированы только по ст. 246 УК РФ (Уголовное дело № 1-110/2016 // Архив Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области за 2016 г.).

В то же время, по делу С. деяние было квалифицировано по совокупности преступлений. Осужденный, выполняя работы по расчистке русла реки, исходя из личной заинтересованности, выразившейся в стремлении уменьшить объем своей работы, осуществил незаконную рубку лесных насаждений, снятие плодородного слоя лесной почвы, строительство каналов, спрямляющих русло реки, на лесных участках. Эти действия были квалифицированы как по ст. 246 УК РФ, так и по ч. 3 ст. 260 УК РФ (Уголовное дело № 1-86/2016 // Архив Вышневолоцкого городского суда Тверской области за 2016 г.).

Представляется, что в таких ситуациях необходимо разделять случаи реальной и идеальной совокупности. В.Н. Кудрявцев указывал на то, что «правовая норма описывает бездействие не само по себе, а всегда – через соответствующее действие, которое не было лицом совершено. По сути дела, она содержит признаки возможного и требуемого законом действия и санкцию за отказ от его совершения. Бездействие и есть «зеркальное отражение» действия. Ответственность за противоправное бездействие есть, таким об-

разом, ответственность за нарушение обязанности совершить действие, предписанное законом» [11, с. 81].

Таким образом, преступные лесонарушения могут совершаться также и в форме бездействия, но при этом речь идет о смешанном бездействии, характеризующемся тем, что в нарушении присутствует сочетание действия и бездействия. Применительно к ст. 260 УК РФ, по логике законодателя в форме такого бездействия может быть совершено повреждение до степени прекращения роста, которое приравнивается к незаконной рубке, учитывая включенность этого деяния в диспозицию данной уголовно-правовой нормы.

К повреждениям до степени прекращения роста лесных насаждений или не относящихся к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан (ст. 260 УК РФ) относятся такие повреждения, которые необратимо нарушают способность насаждений к продолжению роста (например, слом ствола, снятие коры и пр.) (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21).

Заключение.

Таким образом, можно сформулировать следующие имеющие, на наш взгляд, определенное практическое значение, выводы из выше изложенного.

1. Разграничить составы незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 1911 УК РФ), на практике, позволяет природа их основных непосредственных

объектов, а именно, характер нарушаемых в каждом конкретном случае интересов – экономических или экологических, а в ряде случаев при осуществлении посягательства на оба указанных объекта, возможна квалификация данных деяний по совокупности преступлений.

2. При незаконной рубке насаждений виновным для личного использования требуется квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и 158 УК РФ. Если же в процессе уголовно-правовой оценки содеянного будет выявлена цель сбыта срубленной древесины лицом, осуществившим незаконную рубку, то, в этом случае, квалификацию необходимо осуществлять по совокупности оконченного состава незаконной рубки по ст. 260 УК РФ и оконченного или неоконченного состава сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины по соответствующей части ст. 1911 УК РФ.

3. При квалификации незаконной рубки деревьев, имеющих историческую ценность (как, например, вяза возле здания Верховного Суда РФ на ул. Поварской в г. Москве, помнившего И.А. Бунина и А.С. Пушкина, и др.), но не являющихся объектами, взятыми под охрану государства по ст. 243 УК РФ, крупный размер ущерба, по нашему мнению, может быть установлен не только по таксам и методике, утвержденным Правительством РФ, но и по результатам специальной экспертизы оценки ущерба историко-культурному наследию.

Таким образом, виновные в таких преступных деяниях лица, будут подлежать более строгой ответственности за совершение преступлений с квалифицированными составами либо по совокупности преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Артамонова М.А. Соотношение экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 255 с.
2. Гаевская Е.Ю. К вопросу о борьбе с незаконной заготовкой древесины / Е.Ю. Гаевская // Экологическое право. 2016. № 1. С. 24–27.
3. Яни П.С. «Бланкетные» экономические статьи Уголовного кодекса / П.С. Яни // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 46–47.
4. Конфоркин И.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений : монография. М. : СПС КонсультантПлюс, 2010. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.08.2023).
5. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов [и др.]; Под ред. О.С. Капинус; Рук. авт. кол. К.В. Ображиев; Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. М. : Проспект, 2016. 483 с.
6. Тимошенко Ю.А. Организованная экологическая преступность: причины и способы предупреждения / Ю.А. Тимошенко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6(74). С. 29–34.

© Пация Д.В.

7. Фаткулин С.Т. Предмет преступления, предусмотренного статьей 260 УК РФ / С.Т. Фаткулин, В.А. Грищенко // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4. С. 122–125.
8. Соколов Н.А. Квалификация незаконной рубки лесных насаждений в различных регионах России / Н.А. Соколов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 13–15.
9. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : научно-практ. пособие. М. : Проспект; Екатеринбург : УрГЮА, 2010. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2023).
10. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; Науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Городец, 2007. 336 с.
11. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. 287 с.
12. Чураков Д.Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 268 с.

References:

1. Artamonova M.A. Correlation of environmental crimes and administrative offenses in the field of environmental protection : dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2013. 255 p.
2. Gaevskaya E.Yu. On the issue of combating illegal logging / E.Yu. Gaevskaya // Environmental Law. 2016. № 1. P. 24–27.
3. Yani P.C. «Blank» economic articles of the Criminal Code / P.C. Yani // Russian Justice. 1995. № 11. P. 46–47.
4. Konforkin I.A. Criminal liability for illegal logging of forest plantations : monograph. M. : SPS ConsultantPlus, 2010. URL : <http://www.consultant.ru> (date of application 15.08.2023).
5. Actual problems of criminal law: a course of lectures / P.V. Agapov [et al.]; Edited by O.S. Kapinus; Author's col. K.V. Obrazhiev; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M. : Prospect, 2016. 483 p.
6. Tymoshenko Yu.A. Organized environmental crime: causes and methods of prevention / Yu.A. Tymoshenko // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. № 6(74). P. 29–34.
7. Fatkulin S.T. The subject of a crime under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation / S.T. Fatkulin, V.A. Grishchenko // Law and order: history, theory, practice. 2015. № 4. P. 122–125.
8. Sokolov N.A. Qualification of illegal logging of forest plantations in various regions of Russia / N.A. Sokolov // Penal enforcement system: law, economics, management. 2008. № 4. P. 13–15.
9. Semerнева N.K. Qualification of crimes (General and Special parts) : A scientific and practical manual. M. : Prospect; Yekaterinburg : UrGUA, 2010. URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 10.11.2023).
10. Kuznetsova N.F. Problems of crime qualification: Lectures on the special course «Fundamentals of crime qualification» / N.F. Kuznetsova; Scientific ed. V.N. Kudryavtsev. M. : Gorodets, 2007. 336 p.
11. Kudryavtsev V.N. Legal behavior: norm and pathology. M. : Nauka, 1982. 287 p.
12. Churakov D.B. Countering criminal attacks on the safety of forests and other plantings (criminal legal and criminological measures) : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2017. 268 p.

Информация об авторе

Пация Давид Важаевич
адвокат,
Адвокатская Палата Краснодарского края
david-23@mail.ru

David V. Patsia
Lawyer,
Bar Association of Krasnodar region
david-23@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.54.68.015>
УДК 342.5:328.185

Attribution
cc by

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: РАЗВИТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Фархуллин Д.М.¹, Дышлова А.А.², Гаврилюк Р.В.³

^{1,2}Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,

³Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается такое социально негативное явление, как коррупция. В представленной работе обосновывается актуальность рассматриваемой проблемы, определяется степень ее научной разработанности, которая характеризуется как достаточно высокая. В методологии исследования определяется цель работы, связанная с анализом термина «коррупция», и созданием на основе признаков и негативных последствий авторского понятия, а также – обозначаются задачи и методы, используемые автором. В содержательной части представленной статьи выделяются наиболее опасные последствия коррупции; на основе различных трактовок данного явления выделяются его признаки, при помощи которых предложено авторское определение «коррупции». В итоге работы делаются обобщающие выводы, подчеркивающие необходимость дальнейшего изучения данной проблемы, выявления её скрытых последствий и создания более эффективных методов профилактики.

Ключевые слова: общество, государство, право, Библия, Коран, коррупция, теневая экономика, использование бюджетных средств, монополизация, публичная власть.

CORRUPTION. THE CONCEPT AND NEGATIVE CONSEQUENCES

Anastasia A. Dyshlova¹, Damir M. Farkhullin², Ruslan V. Gavriilyuk³

^{1,2}Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,

³Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Abstract. This article discusses such a dangerous phenomenon as corruption. In the introduction, the relevance of the problem under consideration is formed, the degree of its scientific development is determined, which is characterized as sufficiently high. The research methodology determines the purpose of the work related to the analysis of the term «corruption» and the creation of the author's concept based on the signs and negative consequences, and also identifies the tasks and methods used by the author. In the substantive part of the presented article, the most dangerous consequences of corruption are highlighted, on the basis of various interpretations of this phenomenon, its signs are highlighted, with the help of which the author's definition of «corruption» is proposed. As a result of the work, generalizing conclusions are made, emphasizing the need for further study of this problem, identifying its hidden consequences and creating more effective methods of prevention.

Keywords: society, state, law, Bible, Koran, corruption, shadow economy, use of budget funds, monopolization, public power.

Введение.

В современных условиях развития человеческой цивилизации все большие масштабы приобретает такое негативное явление, как коррупция, которая, в свою очередь, препятствует формированию правового государства и ставит под угрозу существование гражданского общества, в целом. Коррупция не только существенно снижает уровень доверия граждан к органам государственной власти и социальным институтам, но и порождает уныние в обществе.

Терпимость граждан к коррупции делает коррупционный круг замкнутым. Если в обществе отсутствует запрос на борьбу с коррупцией и граждане воспринимают ее как вполне допустимую,

то это порождает еще более высокий уровень коррумпированности государственного аппарата. Нынешние современные чиновники, собственно, как и слуги государевы прошедших столетий, не гнушаются брать взятки, получать откат. Но как говорил герой общеизвестного кинофильма «Белое солнце пустыни» Верещагин: «За державу обидно».

Проблематика коррупции стоит перед обществом с древнейших времен, когда человеческая цивилизация только еще проходила свое становление. Пожалуй, история данного явления ведется с момента распределения властных полномочий в человеческом обществе, когда одно лицо (вождь) получило власть над другими

людьми (соплеменниками). Имевшего власть над соплеменниками лидера, конкретный член этого племени пытался задобрить (подкупить), склонить на свою сторону ради конкретных, определенных выгод в собственном положении.

Рассматривая коррупционную карту мира, обязательно возникает вопрос, чем обусловлен всеобъемлющий уровень коррупции в одних государствах и ее практическое отсутствие – в других, на первый взгляд, схожих по основным параметрам: формой государственного или политического режима, системой хозяйствования, обеспеченностью природными и человеческими ресурсами.

Коррупция – это проблема, сопровождающая Россию с самого начала ее существования. Но, ради справедливости, необходимо признать, что эта проблема – не только нашего государства, возникла не у нас и далеко не сегодня. В частности, мы находим упоминание об этом явлении в таких конфессиональных источниках, как Библия и Коран.

Едва ли не «первую антикоррупционную норму» установил Бог через Моисея. Так, в Библии упоминается о коррупции, как, по сути, о «порче» отношений между человеком и Богом. Если обратиться к библейскому Ветхому Завету, а именно, к главе 16 (16:19) Пятой книги Моисея «Второзаконие», то мы видим, что термин «порча» (от лат. *Corruptere* – портить) означает, прежде всего, бесчестие и духовное падение, удаление от Бога [1].

Так, например, А.Н. Цацулин в своем исследовании отмечает: «Первым известным фактом коррупции было деяние христианского апостола Иуды Искарота» [2, с. 32], как ныне общеизвестно, соблазнившегося тремя десятками сребреников за выдачу Иисуса Христа.

Обратимся к другому не менее значимому религиозному источнику: «Пусть же одни из вас беззаконно не поедают имущества других. После чего вы идете и передаете это [часть награбленного] представителям власти с целью – греховно завладеть частью имущества людей, зная [о том, что вершите грех]» (Св. Коран, 2:188)» [3].

В классической «Политике» Аристотель писал, что коррупция способна повлечь за собой гибель государства [4, с. 557]. Он определял тиранию как неправильную, испорченную, то есть коррумпированную форму монархии. Социальной болезнью считали коррупцию Ж.Ж. Руссо [5, с. 20] и Ш. Монтескье [6, с. 137].

При Руссо коррупция является неизбежным следствием борьбы за власть; человека коррумпирует социальная и политическая жизнь, впрочем, «правильное» формирование общественного мнения может ограничить коррупцию. Равенство граждан перед законом Руссо определял как основную предпосылку противодействия коррупции. Ш. Монтескье по этому поводу писал

так: «...Известно уже по опыту веков, что любой человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею» [7, с. 145].

При этом коррупция существует во всех составляющих механизма функционирования государственно организованного общества [8, с. 17]. В его (общества) рамках коррупция разграничивает две подсистемы: официальную, основанную на принципе верховенства права, и неофициальную, существующую за счет осуществления противоправных практик.

Ю. Малеванова указывает на то, что субъекты коррупции не могут существовать исключительно в системе координат неофициальной системы: субъекты коррупции не могут существовать без официальной подсистемы. Последняя для них является обязательным условием установления коррумпированных отношений: для того чтобы злоупотреблять властью, ее нужно иметь – занимать соответствующую должность в органах государственной власти, быть наделены определенными полномочиями, иметь возможность их официально использовать. Кроме того, официальная подсистема является прикрытием неофициальной подсистемы [9, с. 56].

Как видно из проведенного анализа, конфессиональное мировоззрение и его религиозные догматы, научная мысль прошлых столетий и работы современных представителей науки, общественное мнение населения – все эти перечисленные форматы человеческого мировоззрения едины в негативном представлении о таком явлении как коррупция.

Исследователи отмечают, что сегодня рассматриваемое явление дает возможности узаконить свое положение в качестве хозяина вещи (средств) либо оформить его путем мздоимства. «Коррупция превращается в качественно новый социальный феномен, в рамках которого происходит сращивание административного ресурса государства и принципов организации криминального мира, вытеснение организованных социальных форм параллельной несоциальной или, точнее, асоциальной формой «серых зон неправа», смещение границ дозволенного и должного в сторону уже бесчеловечной, в нравственном отношении, мотивации преступного поведения, нередко закрепляющегося в недальновидных законодательных, то есть формально в правовых актах» [10, с. 22].

Более того, негативность продажности следует усматривать в том, что она:

- является серьезной причиной растления социума, обесценивания этических норм, стирание нравственности;
- благоприятствует популяризации в социуме преступного менталитета;
- изменяет мотивацию должностных лиц в сфере государственного управления, а также граждан в разных сферах социальной жизни.

Коррупция рождает в психологии граждан ощущение бессилия, бесправности перед государством, его отдельными институтами, должностными и должностными лицами.

Ученые обращают внимание на то, что из-за влияния коррупции на общественные отношения, социум начинает реализовывать неодинаковые требования морали и поведения, где принципиальным критерием важности субъекта и условием признания его достижений будет финансовое состояние такого, полученное отнюдь не всегда нелегально. Осуществляется, практически, тотальная смена установленных общественных правил и табу. Мздоимство, продажность влияют и на стратификацию общества, появление в нем привилегированных субъектов вследствие несправедливой сегрегации доходов (капитала).

Таким образом, обсуждаемая проблема известна человечеству из глубокой древности, однако, и по ныне она остается неразрешенной, тревожит современного человека, общественность, руководство государств, поэтому на нее и сегодня обращают взор в своих исследованиях, обзорах и обсуждениях действующие представители науки, политики и иных сфер человеческой деятельности. Это подчеркивает непреложную актуальность тематики коррупции, ее признаков и негативных проявлений в нынешний период существования общества и государства и предполагает возможности продолжения ее обсуждения и исследования.

Целями работы выступает анализ понятийного аппарата такого термина как «коррупция», ее признаков, негативных последствий и выработки авторского понятия «коррупция», что предполагает обращение к современной научной мысли и знаниям об исследуемом явлении представителей теоретической мысли прошлых веков, так как их представления не менее ценны и продуктивны в современном формате человеческого мировоззрения.

Для решения поставленных задач были избраны отдельные общенаучные и частнонаучные методы, например, анализ, формальная логика, в том числе, в работе отчасти был реализован всеобщий диалектический метод, позволивший оценить приоритеты прошлого и настоящего времени, которые способствовали достижению поставленной цели и решению задач исследования.

Обсуждение.

Для государственной власти, как и вообще для правовой системы, наличие фактора коррупции неприемлемо и губительно, так как такая власть утрачивает доверие населения и общественную значимость. Среди негативных экономических последствий коррупции можно выделить прямые потери, такие как потери бюджета при его наполнении, а также опосредованные потери от коррупции, вызванные тем, что последняя сни-

жает эффективность экономики, в целом, искажает механизмы и институты рыночной конкуренции. В отличие от прямых потерь, опосредованные оценить значительно сложнее, соответственно и поиск средств их предупреждения усматривается сложной задачей.

Измерения концептуализации коррупции в современном конституционализме основываются на том, что рассматриваемое явление посягает на определенные идеалы или ценности, в частности использование власти исключительно в публичных интересах и равные возможности всех граждан участвовать в политическом процессе. В этом заключается системная связь между антикоррупционным измерением конституционализма и принципами, и ценностями Конституции, ведь, коррупция есть, по сути, антипод ключевым, легальным приоритетам.

Мздоимство, продажность, неразумное руководство и регулирование взаимоисключающие константы установленных конституциональных положений. Они дестабилизируют, расшатывают установленные Конституцией правила и порядок, влияющие, в первую очередь, на права человека и его демократические свободы, противопоставляя себя установленным конституционным, демократическим постулатам.

Поскольку коррупция представляет серьезную угрозу верховенству права, демократии и правам человека, нивелирует социальную справедливость и препятствует экономическому развитию, Конституция не может толковаться способом, позволяющим патологии коррупции подрывать основы конституционного строя. Когда коррупция и организованная преступность преуспевают, устойчивое развитие и экономический рост остаются запущенными. И, в свою очередь, стабильность и безопасность общества находятся в зоне риска.

Явление коррупции, как нами выше указывалось, давно известно обществу и имеет множество негативных последствий. Среди них можно выделить 3 наиболее опасных:

- 1) расширение теневой экономики, которое приводит в России к нехватке поступлений налогов в бюджеты разных уровней, а впоследствии к обострению проблем социального характера;
- 2) неэффективное использование бюджетных средств влечет ухудшение благополучия населения в качественном и количественном форматах. Согласно экспертному заключению, коррупционная составляющая присутствует почти в половине актов по распределению средств бюджета и получению государственных кредитов;
- 3) уменьшение количества хозяйствующих субъектов, углубление и дезорганизация информативной прозрачности предопределяет концентрацию каталлактики (рыночного хозяйства). Система свободного рынка ведет к контрпродуктивности применения народнохозяйственных

возможностей и средств, обесцениванию товара, спаду производительности и вложений.

Интерпретация же такого явления, как коррупция, излагается в различных толковых словарях и государственных документах. Так, в нормативно-правовом акте «О противодействии коррупции» приводится следующее понятие: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [11].

С.И. Ожегов дает исследуемому явлению следующее понятие: «Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [12].

Латинское понимание исследуемого термина «*corruptio*» раскрывается в таких формулировках как «подкуп, порча, растление, продажность, разложение» [13].

В толковом словаре иноязычных слов рассматриваемому нами термину дается следующее определение: «Подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [14].

Коррупция способствует организованной преступной деятельности и препятствует уголовному преследованию преступников. Как сообщается, организованная преступность пользуется защитой коррупции в государственном управлении, судебной системе, полиции и таможне, а также оказывает значительное влияние на экономику.

Практика показывает, что усилия по борьбе с коррупцией не приводят к успешным и длительным результатам. Осознавая эту тенденцию, Организация Объединенных Наций в конце прошлого столетия и начале нынешнего века приняла ряд международных документов, регулирующих поведение чиновников, в том числе, Конвенцию против коррупции (2006 г.). В рамках ООН была начата Глобальная программа противодействия коррупции.

Совет Европы проводит комплексную политику борьбы с коррупцией. Он уже в 2000 г. подготовил соответствующую Гражданско-правовую конвенцию, в которой обозначил возможные репрессивные действия, внедрив их в Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию (2002 г.), а сейчас работает над созданием Программы действий против коррупции.

Государства-члены СЕ определяют двадцать руководящих принципов в борьбе с коррупцией, включающих:

- 1) принятие антикоррупционного законодательства, меры по предотвращению и борьбе с коррупцией;
- 2) повышение осведомленности населения, независимость судебной власти и прокуратуры;
- 3) ограничение иммунитета должностных лиц;
- 4) прозрачность и реформирование государственного управления, кодексы поведения для работников выборных должностей.

В приведенных нами в качестве примера выше-названных определениях, опираясь на обозначенные международные документы, следует выделить обобщающие исследуемый термин признаки: должностное лицо, подкуп, взятка, продажность, моральное разложение.

На основе указанных признаков, допустимо предложить определение «коррупции» как деяния, совершаемого двумя субъектами, где одно лицо, находящееся в зависимом положении от другого лица, имеющего некую власть (возможности), просит его совершить за вознаграждение незаконное деяние, связанное с приобретением на основе этого неких благ со стороны обратившегося лица.

Ведь, неправильное распределение ресурсов и определение приоритетов в противодействии коррупции может привести к противоположным последствиям. Поэтому, можно сделать вывод о том, что повышение эффективности противодействия преступности (в том числе – коррупционной) должно базироваться на правиле равномерного распределения ресурсов, которым владеет общество и государство.

Мировой опыт противодействия коррупции показывает, что эффективность любых антикоррупционных механизмов зависит, прежде всего, от системности, обоснованности и прозрачности базовых положений.

Результаты.

Обсуждаемое явление, как нами усматривается, несет в себе глубинный дефект и, соответственно, противоборство с ним предполагает значимые, фундаментальные меры всех векторов силы в лице соответствующих структур государства, предпринимателей, общества. К таковым мерам следует отнести: интенсификацию противостояния коррупции и влияние на предпосылки коррупции, являющиеся для нее так называемой «питательной средой».

Оба названных силовых вектора должны реализовываться одновременно, с определенным постоянством, чтобы не позволить образования

появления новой почвы для взращивания коррупционных проявлений.

Уголовно-правовые запреты должны иметь в себе универсальный инструментарий, позволяющий решать не только конкретные вопросы и предупредительно влиять на конкретное поведение, но и предупреждать коррупционные риски.

В текущий период развития общества для реализации антикоррупционной политики публичная власть, по нашему мнению, должна в своей стратегии опираться на следующие модули:

- актуальная, качественная информация о текущей ситуации в рассматриваемой сфере;
- антикоррупционное воспитание детей с раннего возраста в понимании негативности явления коррупции;
- образование антикоррупционных ассоциаций;
- всеобщая доступность к информационным источникам, в том числе, независимым от публичной власти;
- организация просветительской антикоррупционной работы в различных сферах жизнедеятельности населения;
- прозрачность деятельности публичной власти, активное информирование ею населения о своей работе;
- усиление и активизация роли общественных организаций в антикоррупционных мероприятиях;
- снижение влияния органов публичной власти на отношения в обществе;
- установление этических норм для публичных лиц в сфере власти и бизнеса;
- уменьшение номенклатурных препонов;
- осуществление предупредительной политики;
- независимость и компетентность судебных органов;
- предоставление обществу возможностей по предоставлению публичной власти информации об обнаружении коррупционных свойств принимаемого и действующего законодательства;

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

– свободное получение населением легальной помощи и защиты.

Заключение.

Следовательно, коррупция – одна из древнейших проблем общества, которая ныне, собственно, как и ранее, несет в себе множество негативных последствий, в том числе, последствий экономического характера, влияющих на развитие экономики государства. Публичная власть понимает, что решение данной проблемы не «сиюминутно», а поэтому предпринимает шаги для ее последовательного нивелирования, в том числе с помощью углубленного изучения данной проблемы, выявления её скрытых последствий и создания более эффективных методов профилактики, контроля и борьбы с ней на всех уровнях.

Мы видим, что ныне исследуемое явление охватило практически любую сферу жизнедеятельности человеческого общества, где реализуются властные полномочия, где предполагается зависимость человека от решений и действий чиновника, который не гнушается своего высокого статуса государственного служащего быть примерным представителем власти и преступает нормы общепринятой морали и действующего закона. Такая обстановка способствует росту социального напряжения. Существующее положение ведет общественные массы к мыслям о компетентности и справедливости власть предержащих чиновников, которые, по сути, сами в первую очередь, должны блюсти закон, но дискредитируют свое положение недопустимыми деяниями, связанными с мздоимством, что естественно, приводит к всеобщему недовольству населения в части действий существующей власти. Инвестиционные потоки государственного бюджета утекают в так называемые «отдельные карманы» таких криминальных субъектов, бессовестно использующих свое высокое положение представителя государственной либо муниципальной власти. Кроме того, такое положение вещей естественным образом сказывается на росте соответствующих криминальных деяний, что, соответственно, ведет к «наживе» единичных элементов и их благоденствию, но при этом ведет к снижению общих темпов роста экономики и общественного благосостояния населения в целом, а также приводит к росту криминальных деяний в экономической сфере.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Азбука веры. Библия. Второзаконие. Гл. 16. URL : <https://azbyka.ru/biblia/?Deut.16&r> (проверено 25.11.2023).
2. Цацулин А.Н. Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки? / А.Н. Цацулин // Экономический вектор. 2018. № 2(13). С. 24–36.
3. Umma.ru. Достоверно об Исламе. Взятничество. URL : <https://umma.ru/vzyatochnichestvo> (проверено 25.11.2023).
4. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
5. Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М. : Издательство Юрайт, 2023. 146 с.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М. : Мысль, 1999. 674 с.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.
8. Артемьев А.Б. Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2015. 61 с.
9. Малеванова Ю.В. К вопросу о разграничении отдельных видов коррупционного поведения государственных гражданских служащих / Ю.В. Малеванова // Российский следователь. 2018. № 6. С. 55–59.
10. Пономарев Д.А. Коррупция и организованная преступность как современные формы социальной и правовой девиантности в условиях глобализации: уголовно-правовой и криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. 28 с.
11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; 2023. № 29. Ст. 5304.
12. Академик. Толковый словарь Ожегова. Коррупция. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/89994> (Проверено 24.11.2023).
13. Карта слов.ру. Карта слов и выражений русского языка. Значение слова «Коррупция». URL : <https://kartaslov.ru/значение-слова/коррупция> (проверено 24.11.2023).
14. Академик. Словарь иностранных слов русского языка. Коррупция. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21178/Коррупция (проверено 24.11.2023).

References:

1. The ABC of faith. The Bible. Deuteronomy. Chapter 16. URL : <https://azbyka.ru/biblia/?Deut.16&r> (verified 11/25/2023).
2. Tsatsulin A.N. Is it possible to successfully fight corruption by going through old rosaries? / A.N. Tsatsulin // Economic vector. 2018. № 2(13). P. 24–36.
3. Umma.ru. Authentic about Islam. Bribery. URL : <https://umma.ru/vzyatochnichestvo> (verified 11/25/2023).
4. Aristotle. Politics // Op. in 4 volumes. M.: Thought, 1984. Vol. 4. 830 p.
5. Rousseau J. On the social contract or the principles of political law. M. : Yurait Publishing House, 2023. 146 p.
6. Montesquieu S.L. On the spirit of laws. M. : Mysl, 1999. 674 p.
7. Montesquieu Sh. Selected works. M. : Gospolitizdat, 1955. 803 p.
8. Artemyev A.B. Corruption in the mechanism of state functioning (theoretical and legal research within the framework of an evolutionary approach) : author's abstract. dis. ... dr. jurid. sciences': 12.00.01. M., 2015. 61 p.
9. Malevanova Yu.V. On the issue of distinguishing certain types of corrupt behavior of public civil servants / Yu.V. Malevanova // A Russian investigator. 2018. № 6. P. 55–59.
10. Ponomarev D.A. Corruption and organized crime as modern forms of social and legal deviance in the context of globalization: criminal law and criminological analysis : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08. M., 2005. 28 p.
11. Federal Law № 273-FZ of 12/25/2008 (as amended on 07/10/2023) «On Combating Corruption» (with amendments and Additions, introduction. effective from 09/15/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (part 1). Art. 6228; 2023. № 29. Art. 5304.
12. Academician. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Corruption. URL : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/89994> (verified 11/24/2023).
13. A word map. ru. A map of words and expressions of the Russian language. The meaning of the word «Corruption». URL : <https://kartaslov.ru/значение-слова/коррупция> (verified 11/24/2023).
14. Academician. Dictionary of foreign words of the Russian language. Corruption. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/21178/Коррупция (verified 11/24/2023).

Информация об авторах

Фархуллин Дамир Маратович
студент 2 курса,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь
damir.farkhullin@mail.ru

Damir M. Farkhullin
2nd year Student,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol
damir.farkhullin@mail.ru

Дышловая Анастасия Андреевна

кандидат политических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственного и муниципального управления,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
aostovsk@gmail.com

Гаврилюк Руслан Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права,
Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
rvgavrilyuk@mail.ru
ORCID 0000-0001-9533-0042

Anastasia A. Dyshlova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public and Municipal Administration,
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol
aostovsk@gmail.com

Ruslan V. Gavriilyuk

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law,
Kazan Innovation University
named after V.G. Timiryasova
rvgavrilyuk@mail.ru
ORCID 0000-0001-9533-0042

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКЕ РФ)

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.21.30.009>
УДК 37

Attribution
cc by

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВОСПИТАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Бохан К.А., Пономарев И.Е., Самыгин С.И.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. В исследовании проводится анализ педагогических технологий воспитания здорового образа жизни. Рассматривается феномен культуры здоровья, а также его составляющие. Подробно раскрываются методы введения предлагаемых технологий в учебный процесс. Рассматривается категория режима труда и отдыха, а также описана подробная инструкция, по которой студенты могут составить свой личный распорядок дня. Основные технологии, которые рассматриваются в исследовании следующие: «Здоровая личность» и «Здоровая среда». Технология «Здоровая личность» подразумевает под собой организацию дня студентов, методы мотивации к здоровому образу жизни, а также в данной технологии подробно раскрывается роль и значение педагога-наставника для студентов в поддержании и мотивировании их к здоровому образу жизни. Технология «Здоровая среда» подразумевает под собой организацию учебного заведения. В заключение представлены и обоснованы доводы по эффективности предлагаемых технологий.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, культура здоровья, педагогические технологии, распорядок дня, здоровьесберегающие технологии.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE EDUCATION OF A HEALTHY LIFESTYLE

Ksenia A. Bokhan, Igor E. Ponomarev, Sergey I. Samygin

Rostov State University of Economics

Abstract. The study examines pedagogical technologies for the education of a healthy lifestyle. The phenomenon of health culture is considered, as well as its components. The methods of introducing the proposed technologies into the educational process are described in detail. The category of work and rest regime is considered, as well as detailed instructions are described, according to which students can make up their personal daily routine. The main technologies that are considered in the study are the following: «Healthy personality» and «Healthy environment». The «Healthy Personality» technology implies the organization of the students' day, methods of motivation for a healthy lifestyle, and also this technology reveals in detail the role and importance of a teacher-mentor for students in maintaining and motivating them to a healthy lifestyle. The «Healthy Environment» technology implies the organization of an educational institution. In conclusion, the arguments on the effectiveness of the proposed technologies are presented and substantiated.

Keywords: healthy lifestyle, health culture, pedagogical technologies, daily routine, health-saving technologies.

Введение. В современных реалиях особо остро стоит вопрос поддержания здорового жизни малоподвижный образ жизни, стресс, переизбыток информации негативно сказывается на поддержании здорового образа жизни, что влечет за собой дисфункции организма, которые могут спровоцировать возникновение различных заболеваний не только физического характера, но и ментального, в виде различного рода неврозов.

Решить этот вопрос возможно только благодаря социально-педагогическим технологиям, которые направлены на психологическую установку сту-

дентов о том, что поддержание здорового образа жизни является необходимостью для их будущего.

Рассуждая о поддержании здорового образа жизни, необходимо дать определение упомянутому понятию. Итак, здоровый образ жизни – это стремление человека снизить риск своей заболеваемости и сохранить здоровье, при этом дисциплинированно выполняя умеренную физическую нагрузку, чтобы поддерживать свое тело в тонусе. В категорию здорового образа жизни входят следующие понятия: оптимальные двигательные нагрузки, рациональное питание, соблюдение личной гигиены, отказ от вредных привычек и пр.

© Бохан К.А., Пономарев И.Е., Самыгин С.И.

Культура здоровья включает в себя все составляющие здорового образа жизни, а также следующие компоненты: организацию собственного режима труда и отдыха, рационализация питания, соблюдение правил личной гигиены. Формируется в младшем возрасте и, как правило, установки сохраняются вплоть до осознанного возраста. Культура здоровья является важным аспектом в жизни человека рассуждая о понятии культуры здоровья у студентов высших учебных заведений, можно сделать вывод о том, что оно принимает несколько иное значение, которое включает в себя осознанную систему отношения к своему здоровью и здоровью окружающих. Поэтому для полноценного развития личности и сохранности общества, культура здоровья должна развиваться вместе с обучением человека. Развить культуру здоровья предназначено дисциплине «Физическая культура», о технологиях, применяемых для обучения студентов будет изложено далее по ходу исследования.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной разработанностью организационно-педагогических технологий для эффективного осуществления обучения студентов ВУЗов, а также недостаточной мотивацией и вовлеченностью студентов в поддержании здорового образа жизни.

Объектом исследования выступает процесс внедрения педагогических технологий в высших школах с целью формирования мотивации у студентов вести здоровый образ жизни.

Цель исследования – рассмотрение возможности введения педагогических технологий в педагогической практике преподавателей и в организацию досуга студентов для формирования культуры здоровья обучающихся.

Обсуждение. Привитие культуры здоровья – это целенаправленный, довольно длительный, процесс содействия обучающимся в осознания ими значения здоровья, а также мотивирования на сохранение своего здоровья и укрепления его.

Получение информации о культуре здоровья у обучающихся происходит за счет событий, происходящих в жизни, за счет взаимодействия с друзьями, семьей. Но систематизированную информацию обучающийся получает из лекционного материала, который должен быть понятен учащимся. Благодаря трудовой активности, также происходит формирование культуры здоровья.

Формирование культуры здоровья, по мнению К.К. Платонова, реализуется через следующие компоненты культуры здоровья личности, которые стоит рассмотреть.

Первый компонент – мотивационно-личностный. Представляет собой совокупность норм и ценностей личности, уровень развития здоровья, мотивов здорового стиля жизни, а также личностные качества, отвечающие за саморазвитие,

самовоспитание и самосовершенствование. Формирование данного компонента происходит за счет развития эмоциональной сферы личности. Метод воздействия предполагает формирование навыков управления своими эмоциями, что положительно сказывается на здоровье обучающихся [2]. Основным методом воздействия – внушение. Внушать – производить воздействие на эмоции и через них на ум и волю человека. Использование данного педагогического метода способствует переживанию поступков и связанных с ними эмоций. Применение метода формирует опыт произошедшей ситуации и связанных с ней эмоциональных состояний. Примером могут служить ситуации воспитательного характера, которые предполагают формирование норм поведения по отношению к собственному здоровью. Благодаря психологическим тренингам обучающиеся могут изменить внутренние негативные установки, сформировать позитивное отношение к себе и своему телу, а также к окружающим людям [4]. Также, преподаватель может организовывать круглые столы, где подробно с обучающимися можно обсудить вопросы о здоровом образе жизни и культуры здоровья. Формирование ценностного компонента происходит в процессе формирования личности ребенка. Родители являются для него образцом и учат осуществлять контроль за своей деятельностью.

Следующий компонент – когнитивный формируется за счет педагогического воздействия и формирования знаний о правильном психофизическом развитии, культуре здоровья, а также об обществе. Реализация когнитивного компонента происходит с помощью педагогических методов, благодаря которым и формируются целостное знание о культуре здоровья, особенностях ведения здорового образа жизни. На занятиях по физической культуре обучающиеся получают информацию о факторах, которые воздействуют на здоровье. Дискуссии на занятиях предполагают интеллектуальную и эмоциональную активность студентов в вопросах здоровьесбережения.

Поведенческий компонент подразумевает личностно-значимый подход к ведению здорового образа жизни. Реализация происходит через мотивационный фактор и подразумевает под собой формирование у обучающихся умения оценивать свое поведение, осознавать свои потребности в стремлении к здоровому образу жизни. Примеры поощрения могут быть следующие: похвала, благодарность, одобрение. Эффективные педагогические технологии базируются на игровых ситуациях, что позволяет эффективнее усваивать обучающимися правила здорового образа жизни.

Стоит отметить, что педагогические технологии в воспитании здорового образа жизни направлены не на сохранение здоровья учащихся и навязывания им ценностей здорового образа жизни, а на формирование мышления, которое в последствии даст установку студентам на укрепление здоровья, ведения здорового образа жизни. Ис-

пользование педагогических технологий воспитания здорового образа жизни способствует формированию готовности к здоровому образу жизни, выработки практических умений к укреплению здоровья [1].

При формировании культуры здоровья у обучающихся педагогу рекомендуется руководствоваться следующим:

- демонстрация лекционного материала, двигательная активность во время практического занятия, демонстрировать упражнения. На практических занятиях у обучающихся при активном взаимодействии с педагогом снижается утомление, а также стабилизируется психологический климат;
- организация учебного процесса, необходимой атрибутики для занятия, контроль температуры в помещении, света.

Для всех учебных планов характерны следующие задачи сохранения здоровья обучающихся [3]:

- обучить студентов определять свое состояние и ощущения;
- сформировать активную жизненную позицию;
- сформировать общие представления о своем организме;
- обучить способам укрепления здоровья;
- обучить правилам безопасности при выполнении физических упражнений.

Основу представлений о здоровом образе жизни составляют научные знания, медико-профилактические меры, рационализация режима дня, двигательная активность, организация собственного питания, отсутствие вредных привычек.

Здоровьесберегающие педагогические технологии, по мнению Н.К. Смирнова – это все те психолого-педагогические технологии, программы, методы, которые направлены на воспитание у обучающихся культуры здоровья, личностных качеств, способствующих его сохранению и укреплению, формирование представления о здоровье как ценности, мотивацию на ведение здорового образа жизни.

Здоровьесберегающие педагогические технологии включают в себя следующие компоненты:

- оптимальный уровень эффективности для студентов;
- демонстрирование упражнений педагогом для наглядного восприятия студентами;
- создание оптимального эмоционально-психологического климата;

- мотивирование студентов к занятию спортом и ЗОЖу.

Организация обучения с использованием здоровьесберегающих технологий предполагает следующее:

- организация помещения для проведения занятия;
- знание уровня работоспособности обучающихся в течение дня;
- планирование практических занятий и лекционного материала;
- распределение интенсивности умственной нагрузки в течение занятий.

Методы, применяющиеся в здоровьесберегающих технологиях следующие:

- групповой;
- практический;
- игровой;
- ситуационный;
- соревновательный;
- активные методы обучения.

Эффективность здоровьесберегающих технологий в ВУЗе зависит от методологических и методических подходов, строится на принципах, разработанных в Институте возрастной физиологии РАОН, а именно [5]:

- комплексность;
- системность;
- целостность;
- динамичность;
- репрезентативность;
- методическое единство.

Под понятием «комплексность» подразумевается объединение показателей, демонстрирующих состояние образовательной среды, персональные данные, индивидуальные адаптивные возможности обучающегося [6].

Системность подразумевает структурирование информации об образовательном учреждении и студенте, отражающих здоровьесберегающую деятельность в отношении ученика со стороны ВУЗа.

Целостность – подразумевает результат со стороны каждого из перечисленных компонентов.

Динамичность – подразумевает цикличность здоровьесберегающих технологий.

Репрезентативность – определяется результатами внедрения здоровьесберегающих технологий.

Применение здоровьесберегающих технологий делится на несколько групп подходов:

- медицинского направления;
- физкультурно-оздоровительного;
- обеспечения жизнедеятельности;
- здоровьесберегающие образовательные.

Основные группы здоровьесберегающих технологий две – организационные и педагогические.

Основной принцип, касающийся и компонентов здоровьесберегательных технологий, и их групп – забота о здоровье обучающихся.

Существуют также подгруппы здоровьесберегающих технологий:

1. Организационно-педагогические технологии. Определяет организацию учебного процесса, способствующую устранению переутомления.
2. Учебно-воспитательные технологии подразумевают обучение организации заботы о своем здоровье, мотивации к ведению здорового образа жизни, предупреждение возникновения вредных привычек.
3. Психолого-педагогические технологии – взаимодействие педагога с обучающимися, также включает сопроводительную информацию во время учебного занятия.

Используя здоровьесберегательные технологии, преподаватель на основе единого методологического сочетания принципов педагогики сотрудничества, педагогических технологий, а также педагогическим мастерством стремится достичь оптимальной психологической адаптации студента к образовательному процессу, заботе о сохранении его здоровья и воспитания культуры здоровья [7].

Перед преподавателем, использующим педагогические технологии здоровьесбережения, стоят следующие задачи:

- объективная оценка собственных достоинств и недостатков профессиональной деятельности, стремление к самосовершенствованию;
- повышение квалификации по вопросам здоровьесберегательных технологий;
- отслеживание результатов обучающихся, наставничество.

Результаты. Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что основной задачей здоровьесберегательных технологий является организация учебного процесса на всех уровнях.

Для студентов важным аспектом является соблюдение режима дня. Организация режима труда и отдыха позволяют студенту лучше адаптироваться к учебным будням, а также повышению работоспособности. Работоспособность – это способность к выполнению различных задач с определенной эффективностью в течение заданного времени. Для ее поддержания и необходимо оптимально поддерживать режим труда и отдыха. Целесообразно дать описание понятию «режим труда и отдыха».

Итак, режим труда и отдыха – это порядок установления видов работ с чередованием труда и отдыха, а также их продолжительность.

Как уже упоминалось выше, соблюдая оптимальный режим дня, человек лучше адаптируется к внешним и внутренним изменениям. Если его ресурс иссекает, возникает быстрая утомляемость, упадок сил, высокий риск заболеваемости, а также высокий уровень стресса. Нарушив режим, очень трудно привести его в норму, поэтому очень важно организовать свой режим. Чтобы вернуться к норме, необходимо организовать досуг и рабочее время: соблюдать постоянный режим в учебе, работе, отдыхе, питании, сне. Также рекомендуется добавить физические нагрузки.

Многие студенты учатся, работают, при этом пытаются активно организовать собственный досуг. Стоит перейти к рекомендациям по составлению режима дня студента.

Сначала рекомендуется определить затраты времени на учебную деятельность, досуг после учебы. Первая часть суток – 12 часов включает в себя учебные занятия, которые, как правило, занимают большую часть дня студента. Как правило 6 часов составляет время на учебные занятия и 4–6 часов уходит на самостоятельную подготовку. Вторая часть суток отводится на восстановление – сон, питание и отдыха, а также на личностное развитие (хобби, физические нагрузки). Выходные дни содержат первую половину суток, не затрачиваемого времени. Разобравшись с этим, необходимо разделить все виды деятельности с учетом затрачиваемых на них часов в течение дня, учитывая учебное расписание и чередование труда и отдыха.

В норме на сон должно быть отведено 7–9 часов. Недосыпание-большая нагрузка на организм, что может привести к плохому самочувствию, головнокружению, головным болям и т.д.

Ещё одна, не менее важная, составляющая правильной работы организма – физическое воспитание. Развить его можно с помощью занятий физической культурой и ежедневной утренней зарядкой.

Итак, подведем итоги. Для того чтобы правильно спланировать свой режим дня необходимо соблюдать следующие правила:

– для каждого вида своей деятельности определять цель. Это повысит мотивацию выполнения, а также контроль над выполнением поставленных целей;

– равномерно распределять нагрузки. Разделять объем информации и изучать его;

– не делать длительные перерывы, так как после них человек тяжелее вовлекается в работу;

– важно делать маленькие перерывы спустя 2 часа работы, чтобы не перенапрягаться.

Стоит перейти к рассмотрению здоровьесберегающих технологий:

1. Технологии сохранения и стимулирования здоровья: стретчинг, ритмопластика, динамические паузы, подвижные и спортивные игры, релаксация, технологии эстетической направленности, гимнастика пальчиковая, гимнастика для глаз, гимнастика дыхательная, гимнастика бодрящая, гимнастика корригирующая, гимнастика ортопедическая.

2. Технологии обучения здоровому образу жизни: Физкультурное занятие, проблемно-игровые (игротренинги и игротерапия), коммуникативные игры, занятия из серии «Здоровье», самомассаж, точечный самомассаж.

3. Коррекционные технологии: арттерапия, технологии музыкального воздействия, сказкотерапия, технологии воздействия цветом, технологии коррекции поведения, психогимнастика, фонетическая и логопедическая ритмика.

Ниже будет проведен разбор актуальных технологий здоровьесбережения для студентов ВУЗов, а также режим их проведения.

Технология стретчинга – комплекс упражнений, направленный на развитие двигательной активности, проводятся 2 раза в неделю по 30 минут. Рекомендуется для людей с плохой осанкой и плоскостопием.

Ритмопластика – движения под музыку, которые помогают снять психологическое напряжение.

Релаксация – технология снижения тонуса скелетной мускулатуры. В зависимости от состояния здоровья педагог определяет интенсивность упражнений для каждого студента. Данное упражнение очень эффективно под звуки природы.

Пальчиковая гимнастика – упражнения для развития кистей рук.

Гимнастика для глаз – комплекс упражнений для профилактики зрения. Проводится с интервалом в 3–5 минут.

Дыхательная гимнастика – комплекс упражнений, направленный на развитие дыхательной

системы. Может проводиться как в спортивном зале, так и в бассейне.

Гимнастика корригирующая – комплекс упражнений, направленный на исправление дефектов осанки.

Гимнастика ортопедическая – рекомендуется для обучающихся с плоскостопием.

Закаливание. Технология закаливания обеспечивает устойчивость организма к постоянно изменяющейся внешней среде. При закаливании необходимо руководствоваться следующим:

– важным аспектом технологии закаливания является систематическое проведение данной процедуры;

– проводить процедуру, учитывая уровень закаливаемости;

– постепенное увеличение длительности процедуры.

Рассмотренные здоровьесберегающие технологии помогут обучающимся лучше познать свой организм, укрепить здоровье. Помимо этого, предложенные технологии рекомендуется внедрить в образовательный процесс, а конкретно на практических занятиях по физической культуре. Что касается закаливания, о его положительных сторонах и организации проведения рекомендуется проинформировать студентов на лекционном занятии.

Одними из наиболее эффективных технологий являются «Здоровая среда» и «Здоровая личность».

Содержание педагогической технологии «Здоровая среда» направлено на установки к формированию здорового образа жизни у обучающихся. Содержание технологии: целевое, информационное и организационное.

Обратимся к цели технологии. Она имеет следующий характер: организация обстановки, воздействующей на обучающегося и наталкивающей его на ведение здорового образа жизни. Примерами могут быть различные плакаты, а также реклама здорового образа жизни.

Информационная часть представляет собой лекционный материал по основам физической культуры, которые предусмотрены учебным планом. На них педагог дает основные знания о развитии организма, о поддержании здорового образа жизни, об особенностях работы дыхательной и мышечной систем, а также об упражнениях, которые позволят стать выносливее.

Организационная часть «здоровой среды» состоит из следующих пунктов, затрагивающих учебные занятия физической культуры:

1. Практические занятия физической культурой сопровождаются лекционным материалом, си-

© Бохан К.А., Пономарев И.Е., Самыгин С.И.

темностью подачи информации, решение задач и вопросов на практике, применяя знания, полученные во время лекционных занятий.

2. Лекционные и практические занятия на формирование навыков регулярной физической подготовки, прививания интереса к занятиям физической культуры у студентов, замотивировать заботиться о своем здоровье и на ведение здорового образа жизни.

3. Создание условий для внеурочного занятия спортом путем посещения различных секций, бассейна, организация турпоходов и т.д.

Технология «здоровая среда» частично уже введена во многих ВУЗах, но не в полной мере. Систематизация данной технологии позволит детальнее разобрать предложения и полностью внедрить их в процесс образования, ведь основной целью всех предложенных мероприятий является мотивация студентов на ведение здорового образа жизни.

Одним из эффективных методов решения проблемы с малоподвижным образом жизни и вовлечением обучающихся в спортивную культуру является проведение так называемых «дней здоровья», где обучающиеся принимают участие в городских соревнованиях, физкультурно-спортивных праздниках, включающих образовательные программы по здоровому образу жизни. Стоит отметить, что такие мероприятия должны проводиться при активном участии педагогов по физической культуре, так как именно они являются примером для студентов.

Технология «Здоровая среда» также подразумевает организацию питания, которое является одним из важнейших условий поддержания здорового образа жизни. Лекционные занятия должны содержать в себе немало информации об организации питания и продуктах, которые являются полезными для здоровья и должны быть обязательно в рационе здорового человека.

Подытоживая воздействие педагогической технологии «Здоровая среда», стоит отметить, что она представляет собой комплекс информационных и организационных мероприятий, которые направлены на повышение заинтересованности, обучающихся в ведении здорового образа жизни путем следующих мероприятий, преимущественно затрагивающих организацию учебных и внеурочных занятий:

1. Распространение плакатов, продвигающим преимущества здорового образа жизни.

2. Организация секций и внеурочных мероприятий, оказывающих мотивационное воздействие на обучающихся, а также обеспечение досуга полезными для здоровья мероприятиями.

3. Внедрение в лекционный материал информации о мерах поддержки своего здоровья.

4. Организация питания обучающихся.

Комплексный подход к организации учебных занятий и досуга направлен на осознанность обучающихся и установление жизненных установок на сохранение здоровья и поддержания здорового образа жизни. С этой целью предлагается ввести в образовательный процесс технологию

«**Здоровая личность**». Цель данной технологии – теоретическая и практическая подготовка к осуществлению деятельности по укреплению собственного здоровья и мотивирование к ведению здорового образа жизни. Основная задача технологии – интеграция учебного материала и оздоровительной деятельности обучающихся направленной на преобразование ведения образа жизни, который ведет к ухудшению здоровья в условиях интенсивного обучения. Структура технологии определяется уровнями взаимодействия между субъектами, которые участвуют в реализации технологии, т.е. обучающиеся и преподаватели, врачи и родители обучающихся.

Стоит отметить, что технологии «Здоровая среда» и «Здоровая личность» вводятся одновременно в образовательный процесс с целью формирования установок у обучающихся к ведению здорового образа жизни.

Технология «Здоровая личность» реализуется за счет лекционных и практических занятий, где обучающиеся учатся мерить пульс, прислушиваться к своим ощущениям, а также учатся отслеживать свои личные результаты и успехи в спорте, отслеживают свою выносливость, учатся корректно выполнять упражнения, которыми могут заниматься в домашних условиях. Изучение курса по дисциплине «Физическая культура» на базе технологии «Здоровая среда» подразумевает формирование системы знаний о физическом совершенствовании человека, приобретается опыт организации самостоятельных занятий физической культурой с учетом своих индивидуальных особенностей.

Снижение мотивации обучающихся к здоровому образу жизни и дисциплине «Физическая культура» обосновано следующими причинами:

– несоответствие личностных интересов, обучающихся и содержанием учебной программы по видам двигательной активности;

– несовершенство методов формирования у обучающихся навыков самостоятельной учебно-профилактической деятельности с учетом их уровнем физического развития и интересами;

Заключение. Рассмотрев причины снижения мотивации обучающихся, стоит сделать вывод о том, что, в основном, причиной является низкая личностная мотивация студентов и личностные особенности. При применении педагогических технологий «Здоровая личность» и «Здоровая среда» необходимо также провести опрос студентов о спорте: Какие виды спорта их привле-

кают? Чем бы они хотели заниматься на учебных занятиях? Исходя из полученной информации, и после проведенного анализа, педагог может разделить обучающихся на группы «по интересам» и к каждой группе студентов найти подход и подобрать упражнения, которые не будут разниться с учебным планом и отвечать личностным предпочтением обучающихся. Также, рекомендуется проводить со студентами занятия - беседы, на которых собирать мнения обучающихся о проведении занятия и информацию о том, чтобы они хотели улучшить. Такая педагогическая технология обозначается как «обратная связь». Основным фактором низкой мотивации студентов заключается в игнорировании их личностных предпочтений в спорте.

Здоровьесберегающие технологии широко применяются в современной педагогической практике. Однако не на всех уровнях организации педагогического процесса. Очень важным аспектом являются наставления преподавателя и его активное участие в образовательном процессе. Важно раскрыть потенциал каждого учащегося, заинтересовать, выявить личностные качества, необходимые для освоения профессии. Поэтому на сегодняшний день педагог выступает в роли не только как источник знаний, но и как наставник, помогающий обучающимся расти как специалистам и личностям. В этом педагогу помогают методики и технологии, которыми он пользуется в работе. От эффективного приме-

нения технологий и методов зависит большая часть успеха при работе с обучающимися.

Стресс, малоподвижный образ жизни отрицательно сказываются на здоровье обучающихся. Деятельность педагога должна быть направлена на стимулирование интереса к поддержанию здорового образа жизни у студентов, быть наставником и примером. Использование педагогических технологий помогает преподавателю в его деятельности. Помимо прочего, студентам рекомендуется соблюдать режим дня, о значимости которого было изложено выше в исследовании.

Педагогические технологии «Здоровая среда» и «Здоровая личность» представляют собой комплекс мероприятий, позволяющих организовать учебную деятельность обучающихся таким образом, чтобы их развитие продвигалось строго по учебному плану, а внеурочные мероприятия мотивировали к ведению здорового образа жизни и отказа от вредных привычек.

Мотивирование к здоровому образу жизни также возможно благодаря рекламе и плакатам, которые могут быть развешаны в учебном помещении.

Таким образом, вышеизложенные факты и предложения помогут педагогам организовать учебную деятельность и замотивировать студентов вести здоровый образ жизни.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Артемова Ж.П. Использование игровых здоровьесберегающих технологий в работе с детьми с интеллектуальной недостаточностью / Ж.П. Артемова, И.М. Акимова, Е.В. Толбатова // Актуальные вопросы современной педагогики: Сборник Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 30 августа 2022 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 94–98.
2. Есемуратова Г.А. Методы обучения / Г.А. Есемуратова // Экономика и социум. 2021. № 1-1(80). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obucheniya-1> (дата обращения 10.11.2023).
3. Кондрашкина А.Э. Методическая деятельность в педагогике / А.Э. Кондрашкина // E-Scio. 2023. № 4 (79). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-deyatelnost-v-pedagogike> (дата обращения 09.11.2023).
4. Самыгин С.И. Значение, особенности и применение педагогических технологий в обучении менеджеров / С.И. Самыгин, К.А. Бохан // Наука. Образование. Современность. 2023. № 2. С. 88–95.
5. Самыгин С.И. Методы развития профессиональной рефлексии у студентов высших учебных заведений / С.И. Самыгин, К.А. Бохан, А.М. Усенко // Наука. Образование. Современность. 2023. № 3. С. 88–95.
6. Самыгин С.И. Основы педагогики и психологии : учебник для студентов среднего профессионального образования, обучающихся по специальности «Социальная работа» / С.И. Самыгин, Л.Д. Столяренко, А.Т. Латышева. М. : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КноРус», 2023. 490 с.
7. Самыгин С.И. Формирование самостоятельной деятельности студентов высших учебных заведений путем использования педагогических методов развития у них когнитивности / С.И. Самыгин, К.А. Бохан, М.А. Суржиков // Наука. Образование. Современность. 2023. № 3. С. 105–111.

© Бохан К.А., Пономарев И.Е., Самыгин С.И.

References:

1. Artemova Zh.P. The use of gaming health-saving technologies in working with children with intellectual disabilities / Zh.P. Artemova, I.M. Akimova, E.V. Tolbatova // Topical issues of modern pedagogy: Collection of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, August 30, 2022. Petrozavodsk : International Center for Scientific Partnership «New Science» (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. P. 94–98.
2. Esemuratova G.A. Teaching methods / G.A. Esemuratova // Economics and society. 2021. № 1-1(80). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obucheniya-1> (date of application 10.11.2023).
3. Kondrashkina A.E. Methodical activity in pedagogy / A.E. Kondrashkina // E-Scio. 2023. № 4(79). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-deyatelnost-v-pedagogike> (date of application 09.11.2023).
4. Samygin S.I. The meaning, features and application of pedagogical technologies in the training of managers / S.I. Samygin, K.A. Bohan // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 2. P. 88–95.
5. Samygin S.I. Methods of development of professional reflection in students of higher educational institutions / S.I. Samygin, K. A. Bohan, A.M. Usenko // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 3. P. 88–95.
6. Samygin S.I. Fundamentals of pedagogy and psychology : textbook for students of secondary vocational education studying in the specialty «Social work» / S.I. Samygin, L.D. Stolyarenko, A.T. Latysheva. M. : Limited Liability Company «KnoRus Publishing House», 2023. 490 p.
7. Samygin S.I. Formation of independent activity of students of higher educational institutions through the use of pedagogical methods of cognitive development in them / S.I. Samygin, K.A. Bohan, M.A. Surzhikov // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 3. P. 105–111.

Информация об авторах

Бохан Ксения Александровна

методист кафедры
финансового и HR-менеджмента,
магистрант кафедры
антикризисного и корпоративного управления,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
ks2252939@gmail.com

Пономарев Игорь Евгеньевич

кандидат социологических наук,
профессор кафедры
физического воспитания, спорта и туризма,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
ponomarevigor54@gmail.com

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samygin78@yandex.ru

Ksenia A. Bokhan

Methodologist of the Department
of Financial and HR Management,
Master of the Department
of Anti-Crisis and Corporate Governance,
Rostov State University of Economics
ks2252939@gmail.com

Igor E. Ponomarev

Candidate of Sociological Sciences,
Professor of the Department
of Physical Education, Sports and Tourism,
Rostov State University of Economics
ponomarevigor54@gmail.com

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Finance
and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.96.51.012>
УДК 37.013

Attribution
cc by

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сущенко С.А.¹, Самыгин С.И.², Жидяева Е.С.³

¹ГБОУ ДПО Институт развития образования Краснодарского края,

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

³НАН ЧОУ ВО Академии ИМСИТ

Аннотация. В исследовании рассматриваются актуальные зарубежные и отечественные педагогические методы и технологии; в процессе будут выявлены наиболее эффективные из них, которые рекомендуются к введению в отечественных ВУЗах. Значительную часть статьи занимает изучение структуры лекционных и семинарских занятий, а также дается ответ на вопрос о необходимости лекционных занятий в активном обучении. За счет использования новейших педагогических технологий и адаптации учебного процесса в условиях цифровизации, использования искусственного интеллекта повышается вовлеченность студентов в учебный процесс, способствует развитию критического и креативного мышления, о развитии которых также будет упомянуто. В исследовании будет рассмотрено значение насмотренности для студентов и почему ее сегодня называют грамотностью 21 века. Актуальной темой сегодня выступает роль искусственного интеллекта в обществе. Далее будут проанализированы варианты использования искусственного интеллекта в обучении, а также оценена эффективности введения искусственного интеллекта в учебный процесс.

Ключевые слова: методы обучения, активное обучение, насмотренность, технологии обучения, лекционное занятие, семинарское занятие, активное обучение, искусственный интеллект.

CURRENT METHODS AND TECHNOLOGIES OF HIGHER EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Sergey A. Sushchenko¹, Sergey I. Samygin², Elena S. Zhidyayeva³

¹GO DPO Institute of Education Development of Krasnodar Krai,

²Rostov State University of Economics,

³NAN CHOU VPO Academy IMSIT

Abstract. The study examines current foreign and domestic pedagogical methods and technologies, in the process the most effective ones will be identified, which are recommended for introduction in domestic universities. A significant part is occupied by the study of the structure of lectures and seminars, and also contains an answer to the question of the need for lectures in active learning. Due to the use of the latest pedagogical technologies and the adaptation of the educational process in the conditions of digitalization, the use of artificial intelligence increases the involvement of students in the educational process, promotes the development of critical and creative thinking, the development of which will also be mentioned. The study will examine the importance of being watched for students and why it is now called literacy of the 21st century. An urgent topic today is the role of artificial intelligence in society. Next, the options for using artificial intelligence in training will be analyzed, as well as the effectiveness of introducing artificial intelligence into the educational process will be evaluated.

Keywords: teaching methods, active learning, observation, learning technologies, lecture session, seminar session, active learning, artificial intelligence.

Введение. Процесс обучения на сегодняшний день претерпевает большие изменения, а именно: он становится практикоориентированным, переходит на смешанный тип обучения: дистанционный и очный. Многие крупные компании включаются в процесс внеурочной активности студентов, что мотивирует их к достижению новых целей.

Основной задачей ВУЗов в эпоху цифровизации является выпуск квалифицированных специалистов, способных адаптироваться к постоянно меняющейся экономической и социальной среде. Чтобы достичь её, недостаточно использовать только теоретический или практический подходы в обучении. Важно раскрыть потенциал каждого учащегося, заинтересовать, выявить

личностные качества, необходимые для освоения профессии. Потому на сегодняшний день педагог выступает в роли не только как источник знаний, но и как наставник, помогающий обучающимся расти как специалистам и личностям. В этом педагогу помогают методики и технологии, которыми он пользуется в работе. От эффективного применения технологий и методов зависит большая часть успеха при работе с обучающимися.

Благодаря совершенствованию педагогических методов и технологий высших школ, происходит рост эффективности образовательного процесса, а также повышается его гибкость. В исследовании будут рассмотрены не только отечественные, но и зарубежные методики и технологии с целью определения наиболее эффективных из них и даны рекомендации о последующем их внедрении в образовательный процесс. Также, будет проведено описание педагогических методик и технологий, систематизация и формулировка выводов по каждому из них.

На сегодняшний день, в эпоху цифровизации и глобализации, инновационным подходам в области педагогики придается большое значение, ведь благодаря этому, высшие школы каждый год выпускают множество специалистов, от качества подготовки которых зависит экономика страны и ее дальнейшее будущее.

Итак, в статье необходимо выявить основные тенденции в использовании методов и технологий обучения в высших школах:

– активное обучение. Оно подразумевает под собой педагогические технологии взаимодействия обучающихся, как между собой, так и с педагогом. Самыми популярными активными методами обучения в высших школах являются деловые игры, круглые столы, метод кейсов. Стоит отметить, что все виды занятий могут быть активными: как лекции, так и практики. По поводу рекомендаций о частоте проведения занятий с использованием активных технологий и методов обучения будет далее подробно описано по ходу исследования;

– возможность образования неформальных студенческих кружков или как еще называют «сред», благодаря которым студенты могут обучаться дополнительно, выбирая при этом свой формат обучения, который им удобен. В качестве примера можно назвать «Точку кипения» – это площадка, на которой студенты взаимодействуют с преподавателями, сверстниками, представителями организаций, участвуют в конкурсах, выступают и предлагают собственные проекты. При этом участие может быть как очным, так и дистанционным;

– направленность на цифровизацию обучения. С появлением нейро-сети и других форм искусственного интеллекта, обучение в несколько сотен раз расширило свои границы; на сегодняшний день обучаться может каждый человек. Для

студентов доступны многочисленные интернет-ресурсы, которые они могут использовать как инструменты в своем обучении. Каждый ВУЗ сегодня предлагает своим студентам бесплатные электронные библиотеки, на базе которых они могут готовиться к занятиям.

Обсуждение. Результаты. На данный момент выявлено три основных вектора в использовании и развитии педагогических методов и технологий. Рассуждая о понятии «активное обучение», стоит отметить, что дословно данное выражение можно трактовать как «обучение в действии»; то есть, педагог использует практикоориентированный подход. Активное участие студентов в лекционных дискуссиях и выступление на практических занятиях позволяет им хорошо усваивать информацию. Основная задача всех педагогических методов и технологий заключается в том, чтобы заинтересовать студентов в самостоятельном обучении, обретении новых навыков, необходимых для будущей профессии. Очень важным аспектом является то, что студент должен осознавать, что первичные навыки и знания, приобретенные в ВУЗе, помогут ему не только в выбранной профессии, но и на жизненном пути, а также - осознать многие социальные аспекты и критически подходить к проблемам.

Под педагогической технологией подразумевается совокупность приемов и методов передачи опыта, что характеризует субъект-субъектные отношения, то есть преподаватель – ученик. Немаловажным аспектом в организации учебного процесса является качество информации и приемов, которыми пользуется педагог, чтобы передать весь свой опыт и знания обучающемуся.

Далее необходимо определить функции педагогических технологий:

- формирование мотивации у обучающихся, творческого мышления;
- обмен опытом и идеями;
- помощь со стороны педагога в научной деятельности;
- стимулирование обучающихся в учебной и научной деятельности.

Говоря об учебной деятельности, нельзя не вспомнить концепцию А.Н. Леонтьева о предметности содержания деятельности. По концепции А.Н. Леонтьева, деятельность (предметность) рассматривается в двух аспектах:

- в ее независимом существовании от субъекта, т.е. то, на что направлена деятельность;
- образ, который преобразуется и осуществляется в процессе деятельности субъекта.

Если рассматривать составляющие деятельности по концепции Леонтьева, то они будут следующими: потребности, затем мотивы и, как итог –

цели. Стоит отметить, что составляющие деятельности могут стать направленной деятельностью субъекта только в указанном порядке. Составляющие деятельности образуются в задачу, структурные элементы которой: условия, действие, операция. Именно концепция А.Н. Леонтьева легла в основу трактования учебной деятельности. В данном случае, продуктом или итогом всех проведенных операций является знание.

Понимание концепции Леонтьева во многом проясняет направление деятельности педагога по отношению к студентам [5]. Сегодня в условиях цифровизации к педагогу как к специалисту по подготовке работников высших категорий предъявляется множество требований. Ведь искусственный интеллект сегодня достиг того, что каждый человек может найти необходимые знания в интернете благодаря различным видеолекциям. Но, несмотря на данный факт специальность педагога будет всегда актуальна, ведь только педагог может стать наставником для студентов и раскрыть их собственный потенциал.

При подготовке к занятиям педагог руководствуется компетентностным подходом. Компетентность – это совокупность личностных качеств, опыта и знаний, позволяющих осуществлять деятельность и реализовывать свой потенциал в профессиональной деятельности. Итак, используя свою компетентность, педагог на практике использует следующие педагогические технологии, которые необходимо рассмотреть подробнее [6]:

– когнитивно-ориентированные технологии, которые включают в себя: практики-дискуссии, инструментально-логический тренинг, тренинг рефлексии, методы проблемного обучения и т.д.;

– деятельностно-ориентированные технологии: имитационно-игровое моделирование, которое больше известно как метод кейсов, организационно-деятельностные игры и т.д.,

– личностно-ориентированные технологии: психодиагностика, тренинги развития, имитационные игры и т.д.

При рассмотрении деятельности педагога невозможно не упомянуть лекционную часть обучения. Итак, лекция в высших школах – это систематическое изложение информации, отражающее суть изучаемой дисциплины и ее основные моменты, которые выносятся на обсуждение, в контексте практико-ориентированного подхода. Если говорить о лекции в целом, то это чаще всего теоретический материал. В эпоху цифровизации часто педагог при подаче информации использует для наглядности видеоматериал в лекции. Очень важно, чтобы в процессе лекции установилась субъект-субъектная связь между педагогом и обучающимися, ведь без нее материал лекции не будет усвоен. Основная роль в

подаче лекционного материала принадлежит педагогу. Ему необходимо заинтересовать слушателей и замотивировать их к изучению дополнительной информации по изложенному материалу.

Подготовка преподавателя процесс творческий, но в нем можно найти системность, которая выражается в следующих этапах:

– формирование темы лекции на основании учебного плана и рабочей программы дисциплины;

– составление плана лекции, который может быть представлен в digital – формате – презентации или видео;

– изучение литературы и других материалов по теме, формирование текста лекции;

– формирование личного конспекта, схем, таблиц и т.д.;

– подготовка вопросов для студентов, заданий.

Целью проведения лекций является изложение материала для студентов в доступной форме с его последующим использованием для дальнейшего обучения и приобретения нового опыта.

Ранее лекционный материал преподносился преподавателем только за счет чтения конспекта лекций. Сегодня, в эпоху цифровизации лекции становятся интерактивными, часто проводятся в дистанционном формате для обучающихся с ограниченными возможностями или же в особых случаях. На конференциях или круглых столах гости из разных городов часто подключаются и выступают дистанционно, делясь ценной информацией и обмениваясь опытом.

Продолжая рассуждение на тему лекционного материала, преподносимого студентам, педагогу необходимо придерживаться следующих критериев [4]:

– выдерживание логики в изложении материала, последовательности и системности;

– использование научной терминологии;

– актуальность излагаемого материала;

– визуальная составляющая в виде схем и графиков;

– понятный материал для обучающихся, соответствующий их уровню подготовки;

– использование педагогической технологии обратной связи в конце и во время занятия.

Лекционное занятие делится на три части: вступительная часть, основная и заключительная. Вступительная часть выстраивается на основании краткого экскурса по теме занятия, могут обсуждаться основные тезисы, научные факты,

исторические факты. Часто аудитории задается вопрос для размышления в начале лекции. Если же лекционное занятие проводится не впервые, педагог может провести контроль знаний, задав основные вопросы, рассматриваемые на предыдущих лекциях в виде дискуссионного обсуждения. Основным фактором при проведении лекции является использование диалоговых технологий, с целью эффективного вовлечения студентов в процесс.

Основная часть лекции строится педагогом на основании индуктивного и дедуктивного метода от частного к общему и от общего к частному соответственно. Известно, что самым эффективным среди вышеупомянутых методов является индуктивный метод, который воспринимается студентами лучше всего. Сохранить внимание аудитории довольно сложно. Стоит обратить внимание на следующие приемы удержания внимания аудитории:

- обращайтесь к аудитории, задавайте вопросы, решайте совместно какую-либо задачу или же высказывайте мнение на проблемный вопрос;
- усиливайте свою речь различными сравнениями, метафорами, эпитетами, аллегориями и т.д.;
- вводите немного юмора в монолог, так вы гарантированно привлечете внимание аудитории;
- ссылайтесь на известных ученых;
- выдерживайте паузы;
- рассуждая на сложную тему, приводите примеры из личной жизни или художественной литературы.

Заключительная часть лекции является важнейшим этапом занятия. Именно в нем подводятся основные выводы, которые оставляют впечатление у студентов и далее мотивирует их к изучению дополнительного материала. Потому что формированию заключения педагогу рекомендуется подойти серьезно. Также, педагог может посоветовать конкретные литературные источники, которые следует изучить обучающимся.

Некоторые сторонники активного обучения настаивают на том, что лекции необходимо исключить из образовательной программы и рабочих программ преподавателей. На самом деле лекционные занятия проходят через этап трансформации, адаптируясь к активному обучению, при этом оставаясь актуальными и в современных высших школах. Основная задача лекционного занятия, которая в обучении будет актуальной всегда – это постановка проблемы или проблемной ситуации, решение которой необходимо найти обучающимся при поддержке преподавателя-наставника. Данный педагогический прием позволяет замотивировать студентов и повысить их эффективность обучения.

Семинарское или практическое занятие является традиционной формой обучения в высших школах, направленное на углубленное изучение материала. Сегодня практические занятия также трансформировались, теперь в большинстве случаев студенты не только дискутируют на поставленную проблему, но и повторяют предыдущий материал, основанный на проведенных лекционных занятиях, что способствует закреплению знаний обучающихся. Помимо этого, преподаватель может ответить на вопросы, которые возникли у обучающихся на основании пройденного материала или дополнительного. Семинарские (практические) занятия делятся на следующие виды: просеминары, семинары и спецсеминары. Просеминары представляют собой упрощенную форму семинарских занятий, которая представляет собой слушание докладов и разбор проблемной тематики. Проводятся чаще всего на первых курсах ввиду того, что обучающиеся недостаточно опытные для дискуссий на классических семинарских занятиях, потому на просеминарах преподаватель беседует со студентами, объясняет ход дальнейшей работы, а также делится информацией по поиску необходимой литературы для самостоятельного изучения. На семинарах и спецсеминарах преподаватель наставляет студентов на научно-исследовательскую деятельность по выбранным проблематикам. При переходе высших школ на активное обучение, требуемое в связи с цифровизацией, мотивирование студентов достигается за счет семинарских занятий, проводимых в виде игры. Прежде чем перейти к рассмотрению, необходимо понять сущность игры и ее роль в жизни уже взрослого человека. К теории игр ученые подходили по-разному. Так, в США игра обозначалась как природное инстинктивное начало, которое естественно для человека [1]. Отечественные ученые определяли игру как первый этап социализации ребенка. Объектом игры при вхождении в чужую роль и моделированию теоретической ситуации, чаще всего является: устранение конфликтных ситуаций, установление мотивационного фактора, общая оценочная характеристика поступков. Применение игровых технологий обуславливается положительным влиянием на мотивацию обучающихся к эффективному взаимодействию друг с другом, активному обсуждению и усвоению смысла проведенной игры [3]. Стоит отметить, что игровые технологии применяются не только в обучении студентов, но и в крупных организациях для работников, с моделированием приближенных к реальности ситуаций и отслеживанием времени на решение поставленных задач руководством. К игровым технологиям относятся и широко известные кейс-задания, которые также представляют собой игру-прототип реальности и вопросами, которые необходимо решить.

Деловые игры также относятся к технологиям, которые применяются не только в учебных заведениях, но и в организациях любого масштаба. Появлению деловых игр способствовала военная сфера, где каждому из действующих лиц

назначалась своя роль и задачи, которые необходимо решить ради общего успеха и выполнения задания. Эффективность использования деловых игр в процессе обучения в следующем:

- получение обучающимися опыта путем вхождения в роль и решения реальных задач организаций;
- социальное взаимодействие учит обучающихся эффективно работать в команде;
- развитие практического и теоретического мышления;
- исследование стимулирующих труд факторов в моделируемой организации;
- проявление творческой инициативы обучающихся, развитие креативного мышления.

Эффективность проведения деловых игр установлена исследованием В.И. Рыбальского и Н.В. Миронесецкого, которое показало, что во время деловой игры обучающимися усваивается 90 % информации, также использование деловых игр сокращает процесс изучения дисциплины на 30–50 % [2].

В исследовании упоминалось о таком понятии, как насмотренность. Это явление также называют грамотностью 21 века. Термин «насмотренность» вбирает в себя не только умение «видеть прекрасное», но также анализировать полученную информацию, сопоставлять ее с другой. Насмотренность имеет прямую взаимосвязь с когнитивностью и критическим осмыслением информации. Итак, стоит выявить факты, которые отражают необходимость владения этим качеством для обучающихся:

- студент, обладающий насмотренностью, эффективнее генерирует идеи;
- креативнее подходит к выполнению заданий, структурированно создает визуальную составляющую своего доклада (презентацию);
- студент постоянно находится в поиске новой информации и актуальных трендов, что позволяет ему быстрее находить и обрабатывать информацию;
- обучающийся на основании своего опыта сравнивает информацию и выбирает лучшее для себя. Этот факт связывает насмотренность с критическим мышлением, которое является необходимостью для человека с высшим образованием.

Существуют технологии развития насмотренности у студентов, которые представлены ниже:

- сбор и систематизации информации. Информация может быть по тематике, которая интересна студенту, и связана с его научным исследованием;

- изучение литературы по тематике исследования и мнений самых разных авторов;

- просматривать информацию актуальную и устаревшую, анализировать ее;

- расширять кругозор путем смены обстановки. Рекомендуется искать информацию в различных библиотеках.

Проводя параллели между насмотренностью и критическим мышлением, стоит выявить их общие характеристики. Критическое мышление – тип мышления, направленный на вычленение истины из большого потока информации путем выявления фактов, далее используемых в своих целях.

Технология развития критического мышления является относительно новой, так как разработали ее в США в 1997 году. Применяется данная технология с целью обучения студентов выбирать информацию, оценивать ее как достоверную или недостоверную, оперируя фактами, а также использовать ее на практике.

То же можно сказать и о насмотренности. Единственным отличием между этими двумя категориями является поступление информации. В случае с насмотренностью, информация поступает через визуальное составляющее, а в критическом мышлении - через обработку полученных фактов о действительности.

Следующим методом обучения, который предстоит разобрать, является метод «перевернутого класса», который подразумевает под собой изучение теоретического материала обучающимися в домашних условиях, а далее – разбор этого материала уже на очных занятиях совместно с педагогом. Предложили данную методику американские педагоги Дж. Бергман и А. Сэмс в 2007 году в США. Используя данный метод, педагоги получили хороший результат, увеличивший успеваемость обучающихся на 50–60 %. Данный метод сочетает в себе смешанное обучение. Теоретический материал представлен в виде онлайн-лекций, которые обучающиеся изучают дома. Очное обучение состоит только из практических занятий, на которых преподаватель проводит контрольную проверку исследованного материала и объясняет моменты, которые были непонятны, при этом сэкономив большое количество времени.

Теперь стоит рассмотреть преимущества и недостатки «перевернутого класса»:

- экономия времени;
- каждый из обучающихся усваивает информацию с разной скоростью. Благодаря этой методике, шанс того, что все студенты изучат материал выше, чем, если бы осваивали её в аудитории за ограниченное количество времени;

– студенты с ограниченными возможностями могут обучаться также эффективно, как и остальные, благодаря видео-лекциям;

– в любой момент студенты могут пересмотреть видео-лекцию и повторить материал;

– самостоятельное изучение видеоматериала повышает уровень ответственности за свою подготовленность у обучающихся.

Недостатки:

– трудоемкость. Введение видео-лекций требует полной переработки учебного плана и рабочих программ, также запись видеоматериала требует большого количества времени преподавателей;

– студенты, у которых нет мотивации к обучению, будут избегать выполнения домашнего задания и просмотра видеоматериала;

– некоторым студентам будет некомфортно изучать материал без преподавателя-наставника.

Следующий метод основан на технологии сценариев. Заключается он в том, что каждый студент выбирает сценарий, чаще всего, представляющий из себя определенную проблему, но изображенный в виде сюжета; для того, чтобы его пройти, обучающимся необходимо обладать определенными навыками и компетенциями. Сюжет основан на линейных и нелинейных событиях, а также – на выборе. Эффективность обучения определяется от результатов прохождения сюжетов сценария. Стоит рассмотреть причины, по которым этот метод обучения эффективен для обучения студентов:

– повышение коммуникативных навыков. Проходя сюжеты сценария, обучающиеся коммуницируют между собой, проходя через диалогитренажеры, которые представляют самые разные ситуации, в зависимости от выбранного сценария, например, диалог между пациентом и больным и т.д.;

– развитие логического и критического мышления. Сюжеты требуют от обучающихся навыков анализа ситуаций и верного решения;

– решение проблемных сюжетов с минимальными рисками.

Основная задача студентов при обучении по методу сценариев – найти такое решение, которое бы максимально эффективно решило проблему.

Преимущества метода обучения по технологии сценариев:

– ощущение реальности проблемы, вовлеченность студентов в процесс обучения;

– получение практического опыта за счет сюжета, основанного на реальных событиях;

© Суценко С.А., Самыгин С.И., Жидяева Е.С.

– получение эмоций, которые способствуют закреплению усвоенного материала;

– концентрация внимания на проблеме;

– установление причинно-следственных связей.

Обучение, основанное на сценариях, называют будущим педагогической практики.

Использование искусственного интеллекта и гаджетов в образовательном процессе способствует переходу к цифровизации. Их используют для того, чтобы установить алгоритмы прогнозирования рисков, смоделировать различные ситуации.

Стоит рассмотреть алгоритмы искусственного интеллекта, которые сейчас используются в высшем образовании:

– ансамбль алгоритмов. Этот искусственный интеллект отвечает за построение плана занятия;

– предобученные нейросети представляют собой множество искусственных интеллектов, которые применяются в обучении для распознавания языка и лиц студентов, а также – их эмоции на сегодняшний день используют зарубежные GPT-3 и BERT, отечественные: RUGPT-3 и YaLM 100B.

В тестировании и оценивании обучающихся уже также тестируют возможности искусственного интеллекта. Так, благодаря простым алгоритмам, можно генерировать задания на проверку понимания правил русского языка; одни из них – ситуационные задания на проверку ударения, выбор постановки запятых и пропущенных букв в словах и т.д. Нейросети способны генерировать задания на понимание текста и языковую грамотность. Одними из них могут быть задания перепутанных предложений, пропуска слов или словосочетаний; то есть, задания, на выполнение которых требуется логическое понимание языка и его правил. В таких задачах участвовал отечественный искусственный интеллект RUGPT-3.

Известно, что тексты сочинений очень сложно оценить педагогам объективно, так как на это влияют личные и психологические установки. Разработчики ИИ (искусственного интеллекта) в России уверены в том, что в будущем ИИ сможет проверять сочинения, эссе и любые написанные тексты на грамотность и точность изложения проблематики.

Что касается учебной аналитики, в «московской электронной школе» существует практика, по которой ИИ оценивает объем задания и время, которое необходимо затратить ученика на его решения ввиду их практической подготовки и усвоенным знаниям [7]. Педагоги могут в будущем использовать это для подготовки к занятиям и более точного расчёта времени.

Также, ИИ способен проводить анализ качества учебных материалов на результатах, полученных с ответов обучающихся, и предоставить гипотезу о том, какие задания не совсем корректно составлены для понимания, где конкретно ошиблось большее количество обучающихся.

Другой полезной особенностью для образовательного процесса продемонстрировал ИИ от «Сбера» RUGPT-3, о котором уже было упомянуто выше. Он способен анализировать текст лекций и представлять выражения, которые лучше всего демонстрируют суть повествования. На основе этого, возможно создать памятки для студентов, к которым они могут обращаться после лекции, чтобы вспомнить и повторить материал.

Изучив особенности искусственного интеллекта, педагогические методы и технологии активного обучения, стоит теперь перейти к рассмотрению адаптивного обучения. Итак, адаптивное обучение основывается все на том же искусственном интеллекте и применяется посредством обучения студентов на интернет-платформе, где обучающиеся из дома решают задачи и изучают материал, а преподаватели дистанционно проверяют домашние задания и самостоятельные работы. Сам процесс обучения идет посредством изучения обучающимся видео-лектория, решения самостоятельных работ и домашних заданий. Адаптивность ИИ, в данном случае, проявляется за счет анализа множества работ студентов и выводов о том, какую конкретно тему не до конца освоил обучающийся, и предложить ему помощь в виде дополнительного материала по нужной теме. ИИ сопоставляет цифровой след обучающихся в виде заданий и основываясь на этом анализирует данные.

Рассуждая обо всех преимуществах искусственного интеллекта, возникает вопрос о необходимости педагога и его возможной замены на ИИ. Ответ на этот вопрос, следующий: педагог обеспечивает личностное взаимодействие с обучающимися, компетенциями, которые позволяют ему обучать студентов, с чем проигрывает искусственный интеллект. А значит, это позволяет сделать вывод о том, что ИИ может быть только помощником для педагога.

Стоит отметить, что искусственный интеллект не представляет собой биоробота, как думают множество людей в обществе. ИИ – это технология, система программ, которая запрограммирована выполнять определенный алгоритм действий. Отличие ИИ от обыкновенной компьютерной программы заключается в том, что искусственный интеллект способен работать на уровне с интеллектом человека – анализировать факты, собирать информацию, принимать решения и т.д.

Перейдем к инструментам с применением ИИ, которые уже внедрены в образование:

– платформы цифрового обучения – Moodle, Google Classroom, Blackboard. Здесь алгоритм на практике выполняет задачи, о которых было сказано выше: сбор информации о посещаемости студентов, расчёт баллов: преподаватель может задать время, которое необходимо студенту на выполнение задание, также преподаватель может отслеживать результаты обучающихся и анализировать предоставленные данные. Эти технологии на базе искусственного интеллекта уже сейчас широко применяются в высших школах;

– образовательные программы – castle quiz. Данные технологии непопулярны в российском образовании, но, благодаря им, студент может одновременно проверить свои знания по нескольким предметам, решив задания сразу по нескольким предметам;

– массовые открытые онлайн-курсы – Универсариум, Открытое образование в РФ, EdX, Udacity. Представляют собой онлайн – площадки, на которых любой желающий может курсом изучить интересное ему направление, прослушав онлайн видео-лекции;

– платформы для организации аудио- и видеоконференций – Zoom, Skype, которые получили широкое распространение в России;

– системы обучения – Geekie, Knewton, Sparrow. Выбрав индивидуальную траекторию обучения, студент учится онлайн. Системы еще не до конца разработаны.

Подводя итоги, следует отметить, что искусственный интеллект выполняет разноплановые функции в образовательном процессе, но ни одна не позволяет полностью заменить преподавателя. Весь функционал ИИ направлен на оптимизацию учебного процесса и помощь педагогу.

Но вопрос о том, станет ли ИИ, так называемой, «подрывной технологией» остается открытым. Подрывная технология – инновация, которая коренным образом меняет привычную картину мира, при этом влияя на мировую экономику. Одной из подрывных технологий стал персональный компьютер, заменив печатную машинку, тем самым, в корне поменяв уклад жизни современного человека. ИИ может выносить судебные вердикты без присутствия судьи, ставить диагнозы без врача, в каком-то смысле, заменить педагога. Но ИИ никогда не станет человеком и не будет обладать этичностью. Сферы жизни, в которых будет введен ИИ, станут обезличены. С одной стороны, может показаться, что этот факт является плюсом, и искусственный интеллект обладает гарантированной объективностью. Но как показала практика, при вынесении решения на судебном процессе ИИ вынес несправедливый вердикт подсудимому, что в последствие, привело к пересмотру судебного дела и нового приговора.

Таким образом, ИИ может нанести определенные риски социуму, если использовать его как замену квалифицированному специалисту.

Заключение. Таким образом, хочется отметить, что в современном образовательном процессе на первый план выходит активное обучение, которое показывает результаты уже сегодня. В образовательном процессе рекомендуется использовать метод деловых игр, кейсов, решать актуальные проблемы, так как, участвуя в активной дискуссии, студенты лучше усваивают информацию, а также – развивают коммуникативные навыки. Роль педагога меняется и в современном образовательном процессе переходит в менторство (наставничество). Так педагог лучше поймет студентов, найдет к ним подход и замотивирует на эффективную научную деятельность. Но вместе с этим, теоретическое образование продолжает существовать и является необходимым: ведь, известно, что педагог яснее изложит материал, нежели обучающиеся будут пытаться самостоятельно найти информацию в учебниках. Частичная замена педагога произошла в методе «перевернутого класса», где лекции или теоретический материал был записан педагогами на видео носитель и впоследствии через учебную платформу обучающиеся в домашних условиях изучали лекционный материал. Данный метод показал свою эффективность, но, в то же время, высокую трудозатратность и полную реконструкцию учебного плана, а также неэффективность для студентов, которые не замотивированы изучать материал. Педагогу рекомендуется при составлении лекционных занятий писать личный конспект, выводить основные тезисы, а также составлять список терминов (глоссарий), который необходимо знать студентам для более углубленного изучения материала и в дальнейшем проводить оценку знаний путем проведения диктантов по глоссарию.

Метод сценариев уже сейчас используется на практике и гарантирует эффективное изучение материала. Лучше всего подходит для студентов, изучающих естественные науки. Рассуждая о методе сценариев, можно найти множество сходств с методом кейса, что позволяет сделать вывод о том, что на практике студентам гуманитарных направлений логичнее будет дискутировать и решать тематику, которая заложена в кейс-заданиях.

Искусственный интеллект, несомненно, имеет множество достоинств и уже активно используется в образовательном процессе. Но при этом множество социологических опросов показывают неоднозначное отношение к ИИ как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Это определяется следующими факторами: дополнительными нагрузками на педагогов, бытовыми мифами об ИИ, которые спровоцированы стремительным внедрением ИИ в общество и теоретической заменой специалиста на искусственный интеллект, что приведет к обезличиванию и тотальном контроле социальных процессов.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что прежде, чем ввести программу на базе искусственного интеллекта, необходимо провести опрос, где будет кратко и точно изложена информация о действии программы; далее, на основании опроса и проводимых опытов – принимать решение. ИИ должен быть программой-помощником для педагога, но никак не заменой, ведь по-настоящему заменить специалиста программой не получится; доводы об этих выводах были изложены выше в исследовании. Только на основании проведенных опытов и методологической базы, возможно дать ответ на то, является ли ИИ полезным инструментом в руках педагога, упрощающим решение ежедневных задач или нет.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Есемуратова Г.А. Методы обучения / Г.А. Есемуратова // Экономика и социум. 2021. № 1-1 (80). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obucheniya-1> (дата обращения 04.11.2023).
2. Кондрашкина А.Э. Методическая деятельность в педагогике / А.Э. Кондрашкина // E-Scio. 2023. № 4 (79). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-deyatelnost-v-pedagogike> (дата обращения 03.11.2023).
3. Самыгин С.И. Значение, особенности и применение педагогических технологий в обучении менеджеров / С.И. Самыгин, К.А. Бохан // Наука. Образование. Современность. 2023. № 2. С. 88–95.
4. Самыгин С.И. Методы развития профессиональной рефлексии у студентов высших учебных заведений / С.И. Самыгин, К.А. Бохан, А.М. Усенко // Наука. Образование. Современность. 2023. № 3. С. 88–95.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

5. Самыгин С.И. Основы педагогики и психологии : учебник для студентов среднего профессионального образования, обучающихся по специальности «Социальная работа» / С.И. Самыгин, Л.Д. Столяренко, А.Т. Латышева. М. : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КноРус», 2023. 490 с.
6. Самыгин С.И. Формирование самостоятельной деятельности студентов высших учебных заведений путем использования педагогических методов развития у них когнитивности / С.И. Самыгин, К.А. Бохан, М.А. Суржиков // Наука. Образование. Современность. 2023. № 3. С. 105–111.
7. Фурс С.П. Искусственный интеллект в сфере образования – помощник педагога или «подрывная» технология? // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-obrazovaniya-pomoschnik-pedagoga-ili-podryvnaya-tehnologiya> (дата обращения 05.11.2023).

References:

1. Esemuratova G.A. Teaching methods / G.A. Esemuratova // Economics and society. 2021. № 1-1(80). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obucheniya-1> (date of the application 04.11.2023).
2. Kondrashkina A.E. Methodical activity in pedagogy / A.E. Kondrashkina // E-Scio. 2023. № 4(79). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskaya-deyatelnost-v-pedagogike> (date of the application 03.11.2023).
3. Samygin S.I. The meaning, features and application of pedagogical technologies in the training of managers / S.I. Samygin, K.A. Bohan // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 2. P. 88–95.
4. Samygin S.I. Methods of development of professional reflection in students of higher educational institutions / S.I. Samygin, K.A. Bohan, A.M. Usenko // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 3. P. 88–95.
5. Samygin S.I. Fundamentals of pedagogy and psychology : textbook for students of secondary vocational education studying in the specialty «Social work» / S.I. Samygin, L.D. Stolyarenko, A.T. Latysheva. M. : Limited Liability Company «KnoRus Publishing House», 2023. 490 p.
6. Samygin S.I. Formation of independent activity of students of higher educational institutions through the use of pedagogical methods of cognitive development in them / S.I. Samygin, K.A. Bohan, M.A. Surzhikov // Nauka. Education. Modernity. 2023. № 3. P. 105–111.
7. Furs S.P. Artificial intelligence in education – teacher's assistant or «disruptive» technology? // Teacher XXI century. 2023. № 1-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-obrazovaniya-pomoschnik-pedagoga-ili-podryvnaya-tehnologiya> (date of the application 05.11.2023).

Информация об авторах

Сущенко Сергей Анатольевич

кандидат психологических наук,
профессор,
доцент кафедры психологии, педагогики
и дополнительного образования,
ГБОУ ДПО Институт развития образования
Краснодарского края, г. Краснодар
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
финансового и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samygin78@yandex.ru

Жидяева Елена Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры педагогики
и межкультурных коммуникаций,
НАН ЧОУ ВО Академии ИМСИТ, г. Краснодар
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

Sergey A. Sushchenko

Candidate of Psychological Sciences,
Professor,
Associate Professor of the Department
of Psychology, Pedagogy and Additional Education,
Institute of Educational Development
of the Krasnodar Territory, Krasnodar
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Elena S. Zhidyayeva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Pedagogy and Intercultural Communication,
NAS CHOU VO Academy of IMSIT, Krasnodar
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 22.12.2023

Подписано в печать 25.12.2023

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 7,2

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 124

e-mail: id.yug2016@gmail.com